

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

Лев Константинов

порук с большой просьбой. Вот уже много лет я разыскиваю человека, спасшего меня от верной смерти. Было это в 1946 году, когда я находился в националистической банде Стася Стафийчука, где я встретился с девушкой бывшей учительницей Марией Григорьевной Шевчук... Сообщаю вам то, что я знаю про нее: в 1946 году ей было примерно двадцать два года, работала сначала в селе Зеленый Гай, потом была

в банде Стафийчука. Последний раз я видел ее во время облавы на банду. Прошло двадцать лет, а я помню дуже добре, как Мария сказала тогда: «Стреляй!..»

ОХОТА НА ГОРЛИНКУ

МУЖЕСТВО

2

честь, отвага, мужество

Л. Константинов

Охота

на

ГОРЛИНКУ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»
1 9 6 7**

P2
К65

Рисунок на обложке
А. БАБАНОВСКОГО

Оформление
Н. МИХАЙЛОВА

Джура поднял автомат и четко произнес:

— Теперь ты заплатишь за все!

Ее лицо ничего не выражало — это неправда, что в трагические, вдруг внезапно наступившие минуты лица человеческие искажаются болью, ненавистью, страхом. Она слишком долго готовилась к этому, не один раз все продумала и взвесила, чтобы теперь ее лицо выражало что-нибудь, кроме усталости.

— Стреляй, — сказала она.

Боль и страх приходят к тем, кто слаб. Вспышка ненависти, даже самая яркая, ослепляющая, — слишком большая роскошь для нее, она не могла позволить себе этого. Работа не закончена. Пост не сдан. Голубеет сиреневое небо, оно еще не опрокинулось, ветка орешника касается лица, кожа не потеряла способности чувствовать, громыхают впереди пулеметные очереди, бой не закончился. Бой идет!

— Стреляй, — повторила она.

Дуло автомата тупо взглянуло в лицо, она видела, как палец лег на спусковой крючок, и удивилась: треск очереди она не должна была бы услышать...

ИЗ ПИСЬМА, ОТПРАВЛЕННОГО ПО МНОГИМ АДРЕСАМ

«...Уважаемые товарищи! Вам пишет шофер из села Зеленый Гай Остап Нечипорук с большой просьбой. Вот уже много лет я разыскиваю человека, спасшего меня от верной смерти. Было это в 1946 году, когда я находился в националистической банде Стася Ставийчука, где я встретился с девушкой, бывшей учительницей Марией Григорьевной Шевчук. Она сделала для меня лично очень много. Я вырос сыротой, батрачонком, моя единственная сестра погибла от рук катив *, а Мария Григорьевна стала мне старшей сестрой и помогла как бы заново на свет родиться. Это я опишу для того, чтобы вы знали, что это был за человек. Люди из нашего села говорят, будто ее убили, только я этому не поверю и верить не буду, пока сам не увижу ее могилу. Для таких, как Мария, вражки пули еще не отлиты и ножи не загартованы **.

Слал я запросы по многим организациям и адресам, писал в газеты и даже по радио выступал, но проку никакого из этого не получилось. Никто не знает, где Мария Григорьевна сейчас проживает, и про ее долю тоже ничего не знают. Только один раз мне отписали, будто живет и работает она во Львовской области, а также приложили адрес. Я собрался и выехал по этому адресу, и правда, встретил Марию Шевчук, учительницу, но это оказалась совсем другая Мария Григорьевна.

Сообщаю вам то, что я знаю про М. Г. Шевчук: ей в 1946 году было примерно двадцать два года, работала сначала она в селе Зеленый Гай, потом была в банде Ставийчука. Последний раз я видел ее во время облавы на банду. Прошло двадцать лет, а я помню дуже добре, как Мария сказала тогда: «Стреляй!..»

---

* Каты — палачи (укр.).

** Гартуваты — закалять (укр.).

■ «ИНАЧЕ ТЫ ПОГИБНЕШЬ...»

Секретарь райкома комсомола возвратилась с облавы к утру. Задержалась у порога райкомовского домика, щепкой сняла налипшую на сапоги грязь. Вошла в кабинет, поставила у кушетки — чтобы был под рукой автомат. Письменный стол, старенькое кресло, этажерка с книгами, сейф — вот и вся обстановка.

Девушка присела в кресло, опустила голову на руки, задумалась. Надо было бы снять сапоги, сбросить пропитанную лесной росой брезентовую куртку, но тело сковала усталость. Еще рано, около восьми, и она могла позволить себе забыться — просто сидеть и ни о чем не думать, опустив голову на руки.

Хрипловато задребезжал телефон.

— Да, — сказала она в трубку. — В восемь буду у вас.

...Вчера тоже все началось со звонка. Она проводила совещание секретарей комсомольских организаций, когда начальник милиции сообщил,

что ночью организуется облава и он надеется на помочь комсомольцев.

— Конечно, — ответила сёкретарь, — у меня сейчас совещание. Сразу и предупрежу... — И громко, так чтобы провода донесли ее слова до собеседника, спросила у ребят:

— Пойдем, хлопцы?

— Конечно!..

— Как не пойти!..

— Слышите? — сказала в трубку. — Комсомольцы готовы.

Пока уточняли время и место сбора, ребята возбужденно перешептывались. Они привыкли к внезапным тревогам, и все-таки каждый раз их охватывало тревожное беспокойство ожидания. Ведь им было по семнадцать-восемнадцать, и разве не с ними на прошлом собрании сидел Юрко Перепелица, а потом принесли Юрка из лесу на плащ-палатке...

Секретарь, когда закрывала в сейф пробитый бандитской пулей комсомольский билет Юрка, не выдержала, разрыдалась — и никак не могла налить воду из графина: струйка не попадала в стакан.

Комсомольцы, видевшие ее всегда деловитой и собранной, отворачивались, на цыпочках выходили из кабинета.

Кого недосчитываются после сегодняшней облавы?

...Ночью милиция, районные активисты, мужики из окрестных сел обложили лес. Надеялись захватить врасплох. Не удалось. Кто-то предупредил бандитов. Хоть и слабые, невидимые, а тянулись ниточки из районного центра в лес.

Бандеровцы организовали засаду. И неожиданно

ударили из автоматов по участникам облавы, когда те еще не развернулись в боевую цепь и шли плотной колонной. Бой только начинался, а уже несколько человек было убито. Но автоматные очереди не вызвали панику: на облаву шли обстрелянные, хорошо знающие и лес и лесные порядки люди. Многие из них еще не успели после войны сменить гимнастерки на штатские пиджаки — партия послала их работать в западные области Украины, и, закончив войну с фашистами, они сразу же ушли в бой с фашистскими последышами.

Участники облавы растянулись в кольцо, охватывая чащу, в которой засели бандиты. Связной передал секретарю приказ командира: зайти с ребятами в тыл банде — отрезать пути отхода.

— Хлопцы, кто знает эти места? — спросила она у своих.

— Я знаю, — отозвался Павло Маркуша, секретарь сосновских комсомольцев; он был в войну партизанским разведчиком.

Павло повел группу глубоким оврагом — нависли над головами кусты черемухи, дикой сирени, влажно пружинила под ногами земля. В стороне шлепали винтовочные выстрелы, выбивали дробь автоматы, расположив темноту взрыв гранаты.

— Хлопцы, швыдче! — поторапливала на ходу секретарь. — Жарко там нашим...

Но все и так знали, что в лесу внезапный огонь автоматов может решить успех боя. Шли размашистым шагом, ступая след в след, хотя и не было сейчас в этом необходимости — просто так учили в истребительном отряде. Преградило дорогу сваленное

поперек тропинки дерево — обошли его по склону, нынче ручей — вброд через ручей.

Ползком выбрались на гребень лесного буерака. Неожиданным ударом прижали бандитов к вырубке, и они темными тенями заметались между деревьями. Гремели выстрелы, и тени спотыкались, падали. Бой шел яростный, жестокий — лицом к лицу, когда никто не думает о пощаде и действует только один закон: «кто — кого».

В прорезь прицела секретарь поймала рослого бандитовца, вскинувшего гранату. Автомат заплясал в руках, вспышки на мгновение ослепили. «Есть один!» — мелькнула в бешеном напряжении мысль, когда бандит ткнулся головой в пригородок. Дружно стучали рядом автоматы ребят. Кто-то из бандитов истошно вопил: «Сдаюсь!»

Секретарь заметила, как по канаве, темной лентой врезающейся в овраг, ползет бандит в рваном полушибурке. Видимо, отделился от своих — то ли получил какое-то задание, то ли струсил и теперь спасал шкуру. Бандит приподнялся на локтях, ощупывая взглядом те полсотни метров, что отделяли его от спасительного оврага, вскочил и побежал. «Стой!» — крикнула секретарь и подняла автомат. Бандит обернулся, и девушка узнала его — Попович из Явора, исчезнувший несколько месяцев назад. И оттого что узнала, промедлила мгновение — не так-то просто стрелять в знакомого человека. Автоматная очередь срезала ветку над ее головой, секретарь прижалась к земле, а когда выстрелила — было поздно. Попович сиганул в овраг — слышно, как далеко внизу трещал кустарник.

Бой, как майская гроза, затихал последними раскатами. Еще щелкали одиночные выстрелы, а люди уже подтягивались к командирам, выясняли, кто жив. На стареньком полушибке принесли Павла Маркушу. Голубые глаза смотрели в небо, рука сжимала ворот сорочки...

Обо всем этом думала секретарь, устало опустив голову на руки. А рассвет, осенний, поздний, уже выбелил кабинет, разогнал полутени из углов: на часах восемь.

...Майор поднялся ей навстречу.

— Намаялась?

— Есть немного, — честно призналась девушка и удивилась: вместе были на облаве, пробирались по одним лесным тропам, размочаленным осенней непогодой, а майор в чистой форме, выбриг, подтянут — вот это закалочка...

— Ну, садись, говорить будем, — сказал майор. — Не передумала?

Девушка вспомнила комсомольский билет Павла — так и не положила его в сейф, — ей все казалось, что случится чудо и однажды шумно ввалится в ее кабинет Юрко, Павло, другие хлопцы, громыхнут раскатисто: «Не рано ли списала нас, секретарь?»

— Не передумала, — сказала девушка и выдернула прямой, изучающий взгляд майора. — Погибшие не уходят из нашей жизни. Разве не они помогают живым выбирать дорогу?..

— Твоя дорога и до этого дня была нелегкой. Но теперь тебе придется труднее. Ты храбро сражалась с врагом лицом к лицу — сейчас этого мало.

Я тебе уже говорил: нужны умная храбрость, расчетливое мужество, полнейший контроль над каждым своим шагом, словом, поступком в любой обстановке. Иначе, — майор помедлил секунду, — иначе ты погибнешь. Я не пугаю тебя. Просто мне хочется, чтобы ты поняла все до конца... и вернулась живой.

— Я не раз думала над вашими словами, товарищ майор. Надеюсь, буду полезной Родине. А если придется погибнуть...

— Не торопись с этим, — перебил майор, — чекисту в наших условиях погибнуть просто, сама знаешь. Именно поэтому тебе придется пройти специальную подготовку...

Секретарь райкома слушала внимательно.

Дважды повторенное «тебе придется» как бы уставаливало, крепило новую основу их разговора: слова майора перестали быть пожеланием — это уже был приказ.

— Скажи-ка вот что: ты по-прежнему квартируешь вместе с Марией Шевчук?

— Да, — подтвердила девушка, не понимая, куда клонит майор.

— Ты ее хорошо знаешь?

— Как себя.

...Несколько месяцев назад в районном комсомола зашла быстроглазая девушка. Синий плащик ее был в грязи, модные туфельки раскисли. «Не наша, — определила секретарь, — только с автобуса». Девушка сказала, что она учительница и что получила назначение в местную школу.

— Где остановилась? — спросила секретарь.

— А нигде. Чемодан в коридоре. Я к вам пришла сразу, потому что вы — райком, а я — комсомолка.

Секретарь горестно вздохнула: присылают вот таких, неприспособленных. В туфельках да по местной грязи...

— Ладно. Иди ко мне на квартиру, обсушись, обогрейся, потом поговорим. Хозяйке скажешь, я прислала.

Так у нее появилась подруга. В редкие свободные вечера много было переговорено — и о прежней жизни и о будущей. Нет ведь таких девушки, которые не попытались бы отгадать свой завтрашний день. Биография Марийки укладывалась в несколько строк: школа, комсомол, институт, теперь вот учительница.

— Как себя знаю Марию, — повторила секретарь райкома.

— От и добре, — кивнул майор. — Днями она получит назначение в школу соседней области. Ты не должна с нею переписываться и вообще поддерживать отношения. Так лучше. Ясно?

— Так точно!

— Ого! — рассмеялся майор. — Вот это мне нравится. Только по глазам вижу: ничего тебе пока не ясно. Хочется знать, с чего бы это Мария уедет? Так вот: в нашем районе у тебя, наверное, полно знакомых?

— Конечно. Со многими парнями и девчатами знакома по встречам, собраниям, да и просто так — по разговорам...

— Вот, вот. — Майор словно и не ожидал другого ответа. — Все это мы и учли. О том, что решили, сейчас расскажу...

* * *

Шла осень 1945-го. Тяжелая первая послевоенная осень. Раны страны еще не зарубцевались: на обширных пространствах до Волги печально чернели скелеты городов, лежал в развалинах киевский Крещатик, мертвые зияли глазницами вышибленных окон многометровые корпуса заводов.

Приходили на пепелища плотники, становились к станкам рабочие, дети и старухи по камешку разбирали руины — страна строилась, начинала привыкать к мирной тишине. Вступали в новую жизнь и области Западной Украины. Но не все бои закончились на украинской земле за Збручем. Гремели по селам и городам предательские выстрелы: в спину, из-за угла, из ночи. Пылали убогие селянские хаты под соломой — коммунисты не жили в добротных хуторских домах. Горели клубы и школы, только что построенные для селянских детей, для тех, чьи родители всю свою батрацкую жизнь крестиками подписывали долговые бумаги. Банды буржуазных националистов, расплодившиеся в годы оккупации под крыльышком у фашистов, пулей и огнем пытались преградить дорогу украинцам, после многолетней панской неволи соединившимся со своими братьями. Буржуазный национализм объявил бандитскую, террористическую войну народу, в любви к которому распинался в грязных газетенках, на тайных и гласных собрицах.

ЗАТЕРЯЛОСЬ В ЛЕСАХ СЕЛО

Прижался Зеленый Гай к лесу. Пять десятков хат. Длинная улица без названия. Почекневшие под дождями и ветрами крыши. В центре села школа: приземистый белый прямоугольник парадным входом обращен к небольшой площади. С другой стороны — вишневый сад. Старые деревья разбросали ветви над землей, на стволах причудливые нарости, липкая смола. Сад подступает к лесу, отгорожен от него только невысоким, плетенным из лозы тыном.

Вечер опустился на село. Весенний вечер — теплый, голубой, переполненный запахами цветущих деревьев, росных трав, парного молока. В чернильной темноте белеют деревья. Тронешь вишню за ствол — и кружат, плывут в воздухе лепестки. Тихо везде. Рано ложатся спать в Зеленом Гае. Закрыты наглухо резные ставни на окнах мазанок, спущены с цепей дворняги. Светятся яркими пятнами только окна в квартире заведующей школой. Совсем

недавно молодая учительница приехала в Зеленый Гай, не привыкла еще к сельскому распорядку — ложиться и вставать с солнцем.

И еще в одной хате, что рядом со школой, пробивается сквозь ставни яркая полоска. Живет там комсомольский секретарь Данила Бондарчук, и сегодня собрались у него комсомольцы на свое собрание. По одному, по двое пробирались они в сумерках через садок к хате Данилы. Ни к чему сельчанам видеть их вместе — один промолчит, а другой...

Но видно, кто-то заранее знал про комсомольское собрание, передал весточку в лес. Из темноты, из густой чащи вышел к Даниловой хате лесовик. Звякнул металлом, сторожко оглянулся по сторонам — слышал ли кто?

Незнакомец припал к окну, взгляделся. Запавшено изнутри: свет пробивается, а разглядеть невозможно. Чуть слышно чертыхнулся, отошел к деревьям, прильнул к стволу — ждал. Полез было в карман за цигаркой, пошуршал пачкой, но закурить не решился. И опять затих, весь обратившись в слух.

Звякнул засов двери, вышли из хаты хлопцы и девчата. Постояли у крылечка, попрощались друг с другом, начали расходиться — кто прямиком по улице, кто стежкой через сад. Хозяин остался у крыльца, дожидаясь, пока заслонит темнота его товарищей, затихнут вдали их шаги.

И вдруг громыхнул выстрел. Сгинула вечерняя тишина. Хлопец пошатнулся, упал.

Бандит бросился в лес, с треском пробиваясь сквозь молодой вишняк. Вскрикнула девушка звонко и горестно: «Данько! Данило, отзовись!» — «Надий-

ка — к Даниле! Хлопцы, перекрывай выходы из села!» — решительно командовал какой-то парень. Вслед лесовику полоснул выстрел, за ним второй. Наперерез ему уже мчались те, кто двумя минутами раньше попрощался с Данилой. Убийца тоже пальнул в темноту, резко повернулся и перепрыгнул через тын на улицу. Но и здесь навстречу бежали люди.

Они отрезали дорогу к лесу, знали — там он расстает, затеряется в балках, ярах, просеках, тайными тропинками проберется в свою берлогу. Засветились в хатах окна, захлопали двери, заметались тени. Путь в лес был закрыт. И тогда бандит побежал не из села, а в глубь его. Несся улицей, петляя, шарахаясь от выстрелов, прижимаясь к плетням. Перепрыгнул через тын, приник к земле, замер под деревьями. Преследователи пронеслись мимо. Но он знал: его хитрость разгадают скоро. И когда обшарят каждую пядь, он попадется в эту сеть, и не будет ему пощады.

Лесовик приподнялся, затравленно огляделся: со всем рядом светящиеся окна школы. А если пересидеть там? Мягкими, неслышными шагами подобрался к двери, потянул на себя — заперто. А в спину, со всем рядом, ударил крик:

— Не иначе как в саду склонился!.. Заходи спраша!

Беглец подкрался к окну и, стараясь не попасть в светлое пятно, стукнул в стекло.

— Кто?

— Одчиніть! З сільради... *

---

* Откройте! Из сельсовета (укр.).

Зазвенел отброшенный крюк, лесовик надавил плечом на дверь, влетел в сенцы и захлопнул ее за собой.

— Молчи! Убью... — отрывисто сказал в темноту.

И столько трусливой злобы прозвучало в этих словах, что можно было не сомневаться — убьет.

Ему никто не ответил. Не закричал, как он предполагал. Не позвал на помощь. А погоня приближалась. Еще минута — и голоса, топот, звон оружия затопили школьное подворье.

— Попробуй только пикни!..

Опять постучали — на этот раз в дверь. Сильно и настойчиво. Лесовик поднял пистолет. В темноте чья-то рука нашла его руку. Тихонько подтолкнула в угол. Он подчинился молча и безропотно.

— Кто там? — голос девичий — испуганный, робкий.

— У вас никого нет? Никто не пробегал мимо?

— Не видела. А что стряслось? Открыть вам?..

— Не надо... Кажется, Данилу убили.

— Данилу?!

Стихли шаги на дворе, ушли люди, а они все молчали, боялись пошевелиться. Лесовик повел рукой в темноте. Ладонь уткнулась в упругое девичье плечо. Девушка отодвинулась.

— Дякую, — хрипло сказал ночной гость.

Человек спрятал пистолет за отворот кожушки. Крепче надвинул шапку.

— Успокоились. Все. Еще увидимся — я твой должник...

— Куда собрался?

— В лес, до своих.

— Все стежки перекрыли. Поймают тебя: догадаются, где были...

Девушка всхлипнула, жалобно зашептала:

— Что я наделала, что наделала!..

— Перестань!

Лесовик остановился у двери, прислушался, яростным шепотом выругался.

— Твоя правда. Из села сейчас не выйти!

Слышно было, как ветер качает макушки могучих грабов на школьном дворе да тягуче скрипит расколотый молнией ясень.

— Смотри ты, держится до сих пор... — удивился лесовик.

— Кто?

— Ясень... Его лет пять назад громовица сожгла, а он, видишь, отошел. Могучий, видать, корень...

— Откуда знаешь?

— Знаю...

— Что ж, так и будешь стоять в сенях?

Лесовик промолчал.

Девушка решительно открыла дверь в комнату, вышла на свет. Проверила, плотно ли задернуто окно, и позвала:

— Проходи сюда...

КОМУ БАНДЫ ВЫВОДИТЬ ПОД КОРЕНЬ?

Через несколько дней снова собрались комсомольцы. На этот раз в хате у Надишки Михайлюковой. Пришли десять человек. Ждали еще Олеся Гнатюка — запаздывал хлопец, а почему — никто не знал. Двенадцатым на учете состоял Данила Бондарчук. В углу сидел инструктор райкома комсомола Иван Нечай, нетерпеливо постукивал пальцами по столу, посматривал в окно.

Надишка скрутила жгутом газету, принялась старательно протирать стекло лампы.

— Закрой спачала ставни, — проворчал Степан Констюк.

— Боишься? — бросил насмешливо Нечай.

— Голову не хочу задарма терять...

— Ладно вам, хлопцы, — вмешалась Надишка. Она вышла из хаты, и было слышно, как звякают прогонычи, входя в гнезда. Ставни захлопнулись.

Вместе с Надией в хату вошли Лесь Гнатюк и новень-

кая дивчина, заведующая школой. Она смущенно посмотрела вокруг.

— Вот еще одного товарища привел, — сказал Лесь, — Мария Шевчук, учительша...

— Знаем, — отзвались хлопцы и девчата: в селе всегда и все знают.

— Добрый вечер вам, — поздоровалась девушка сразу со всеми.

Она сбросила на плечи цветастый платок, провела ладонями по волосам. Зарделась под любопытными взглядами парней. Чуть повела плечом: ну и смотрите, раз смотрится, — вот я, вся перед вами... Какая есть, прошу любить и жаловать.

Красивая дивчина, статная. Прическа у нее новомодная, короткая. Брови стрелками летят от переносицы. А глаза темные, как угольки-жаренки. Такая не одного хлопца присущит.

— Комсомолка? — спросил Иван Нечай.

— Комсомолка, — ответила Мария. — Вот только на учет не успела стать, школу принимала, не до этого было...

— Идите сюда, садитесь. — Надийка освободила место на лаве.

Нечай открыл собрание. Как представитель райкома, на время он заменил секретаря. Иван машинально, двумя пальцами под ремень, расправил гимнастерку, вышел на середину горницы.

— На учете в организации состоит двенадцать членов ВЛКСМ. Комсомолец Бондарчук тяжело ранен украинскими буржуазными националистами и находится в госпитале. Остальные присутствуют. Какие будут предложения?

— Начать, — в несколько голосов сказали комсомольцы.

— Кому поручим вести собрание?

— Ты и веди — чего уж там.

— Добре, — кивнул головой Нечай. — Только вначале я хотел бы предложить вот что. Среди нас находится новый товарищ, Мария Григорьевна Шевчук. Пусть расскажет свою биографию — в коллектив ведь принимаем, а время тревожное, — в тех, кто рядом, уверены должны быть.

— Какая там у меня биография. — Мария усмехнулась доброжелательно и чуть списходительно. — Ну, родилась... училась... выросла... теперь вот сама учу детей...

— Нет, так не пойдет, — строго прервал ее Нечай. — Мы имеем право знать о вас больше... И это не праздное любопытство.

— Я понимаю, — Мария Григорьевна чуть развела руки в стороны, будто сказала: вы, конечно, право такое имеете, но что же поделаешь, если рассказывать-то нечего.

— Родители мои живут в Полтавской области. Отец работает в колхозе конюхом. В том селе я и жила все время. В комсомол в школе вступала. Во время войны отец партизанил, в армию его не взяли из-за болезни. После школы поступила в педагогический институт, выполняла разные комсомольские поручения: была пионервожатой, комсоргом группы. Как учебу закончила, получила назначение во Львовскую область, год там учительствовала, а теперь вот сюда меня перевели. Взысканий не имела. Вот, кажется, и все...

— Замужем? — шутливо спросил Костюк.

— Нет, — засмеялась Мария.

Иван неодобрительно посмотрел на Костюка: дело серьезное, а он шутки шутить вздумал.

— Еще вопросы будут? Или приступим к пре-
ниям?

Была у Ивана странность — приклеилась к нему канцелярско-бюрократическая терминология. Доля инструктора райкома комсомола известная — коман-
дировки, собрания да заседания.

— А что воно такэ — «прения»? — удивленно спросил Костюк.

— Обсуждать ту чи иную проблему.

— Ишь ты, проблему... А я думал, Марию Гри-
горьевну.

— Да бросьте вы дивчину мучить, — вмешалась Надийка. — Свой человек — видно ведь...

Нечай сказал, что поскольку все ясно, Мария Гри-
горьевна Шевчук принимается на учет в организацию,
а он, когда будет в районе, все официально оформит.

— Спасибо вам, — как-то очень по-простому по-
благодарила Мария. И неизвестно, кому адресовалось
это «спасибо»: то ли Нечай, избавлявшему ее от
хлопот — в район путь неблизкий, то ли хлопцам,
принявшим ее в свою ячейку.

— Ну, а теперь, товарищи комсомольцы, давайте
советоваться, — вновь поднялся Нечай. — Сдается
мне, что неправильную позицию заняли мы в вопросах
борьбы с националистическими бандитами. Прячемся
больше, выжидаем, пока другие с бандюками воюют,
а они нас по одному выбивают. Не годится так!
Конечно, каждый помогает как может, в этом отно-

шении я ничего сказать не хочу. Но получилось так, что мы как бы в подполье ушли, вот даже собрание свое втайне от всех проводим. А ведь при своей власти, народной, живем, на своей земле. В селе не чувствуется комсомольского влияния, и молодежь к нам мало тянеться, потому что не знает, чем мы занимаемся. Двенадцать комсомольцев — большая сила, если они вместе действуют. Верно я говорю?

— Так-то оно так... — протянул Лесь Гнатюк. — Нам и самим надоело прятаться. А вот что ты предлагаешь?

— Кажется мне, что нам нужно к хлопцам и девчата姆 идти, среди них много верных есть. Всю работу в клуб перенесем — там и собрания проводить будем, вечера, лекции. Приглашать надо как можно больше людей, пусть все видят, что комсомольцы хорошее дело делают, что их не запугал выстрел в Данилу...

Нечай говорил горячо, чувствовалось, что не раз и не два продумал все, и комсомольцы соглашались с ним: конечно, не дело оглядываться по сторонам, знали же, на что идут, когда в комсомол вступали.

Недаром бандиты расклеивали листовки, запугивали молодежь: «Кто заяву в комсомол напишет, тот сам себе смерть пропишет». Читали это — не испугались же, так нечего на полдороге останавливаться. Правильно предлагает Нечай. Делать только надо все по-умному — на бандитский нож никому напарываться неохота...

— Сейчас вопрос стоит так. — Нечай решительно рубанул рукой. — Или они нас, или мы их. Только должен сказать, в любом случае бандам конец, и при-

дет он скорее, если каждый выйдет с ними на бой. Хватит, долго терпели! Поэтому предлагаю я организовать комсомольско-молодежный истребительный отряд. Ведь есть еще в селе, кроме комсомольцев, парни, что не побоятся взять винтовки?

Хлопцы задумались, задымили цигарками, и клубы дыма волнами поплыли вокруг лампы, повисли в углах небольшой горенки.

— Слышал я про такие отряды, — будто размышляя вслух, проговорил Лесь, — здорово они бандитов пощипали. Пора, наверное, и нам. Сколько там тех бандитов? Вся сила их на страхе держится, на том, что они селянина, который и от панов горя хлебнул и от фашистов с полицаями, стараются запугать, назад в ярмо загнать: пошел на место, быдло!.. Только люди уже не те, что раньше.

— Вот-вот, — подхватил Нечай. — Так кому, как не нам, банды выводить под корень?

— Ты нас не уговаривай, — прервал Нечая Костюк. — Мы и до этого вроде не очень отсиживались: и проводниками ходили в лес и на облавах бывали. Но отряд нам нужен, чтобы бандиты нас боялись, а не мы их. Есть верные хлопцы: Степан Пилипчук демобилизовался из армии, тракторист Шмыгельский, Роман Дацюк надежный, да и другие с нами заодно будут. Оружие надо...

— Оружие будет. Попросим, чтобы выделили нам хотя бы на первых порах инструктора.

— Вот это мне нравится, — возбужденно вскочил Лесь. — Держись теперь, банда!

— Тю ты, оглашенный, напугал, — засмеялась Надийка. — Нас-то в отряд примете?

— Обязательно, сердце мое, — сверкнул белозубой улыбкой Лесь. — Кто-то ж должен нас на подвиг провожать?

— Значит, решили, товарищи комсомольцы, — подвел итог Нечай. — Будет у нас истребительный отряд?

— Будет! — подтвердили ребята.

Иван напомнил, что теперь всерьез нужно браться за воспитательную работу с молодежью. Пусть каждый подумает, что он может лично сделать. Вот в селе клуб пустует, третий заведующий на днях сбежал, — значит, нечего на приезжих надеяться, надо своего назначать. И на будущей неделе, не откладывая, провести в клубе первое собрание, чтобы молодежь потянулась на огонек, на живое слово. Лесь играет на баяне? Играет. Пусть приходит с баяном в клуб, а не одну Надийку привораживает. Лекцию можно прочесть. Самая грамотная — Мария Григорьевна, ей и слово...

— Ой, хлопцы, какой же из меня лектор! — растерялась Мария. — Народу будет много, собыюсь, запутаюсь, только сорву все...

Все собрание она просидела молча рядом с Надийкой. Улыбалась порывистости Леся, серьезно слушала Нечая. И трудно было понять, что думает новенькая о тревожных делах зеленогайских комсомольцев, как относится к решениям, которые они приняли. Впрочем, на нее особенного внимания не обращали, понимали: нужно девччине осмотреться, познакомиться со всеми как следует, — а уж тогда и спрос другой.

— Тема есть, — настаивал Нечай. — Расскажите

всем про комсомол: как возник, по каким заветам работает, к чему стремится... Неволить не будем, а подумать советуем.

— Хорошо, я подумаю, — согласилась Мария. И зачастila скороговоркой, будто оправдываясь: — Вы не подумайте чего-нибудь такого... Просто боюсь я провалиться с лекцией... А так я не против...

Дальше Нечай сказал, что, поскольку секретарь комсомольской организации выбыл из строя на неопределенное время, райком решил провести перевыборы. Все согласно кивнули: организация не может быть без головы, это ясно. Вот только есть ли замена Даниле Бондарчуку? Нет ему замены. Такого хлопца потеряли! Лежит теперь в областной больнице — хоть и вынули врачи бандитскую пулю, а неизвестно, когда станет на ноги. Данила партизанил, войну прошел, ни один осколок не царапнул. А тут у родной хаты...

— Эх, — горестно вздохнул Лесь, — без Данилы тяжко будет!.. Бандюги проклятые! Когда все это кончится? — резко повернулся он к Ивану. — Ты в районе сидишь, все знаешь...

— Когда всех бандитов переловим.

— «Переловим»... — прощедил сквозь зубы Степан. — Пока Страфийчук здесь хозяин. Он нас ловит. А мы по ночам собираемся...

— Но-но! — строго прикрикнул Нечай. — Без паники. Сегодня одна из наших главных задач — покончить с бандеровцами раз и навсегда.

Степан только рукой махнул да вздохнул тяжело. И снова тишина. Думают комсомольцы: кого секретарем? Нельзя ошибиться, нет пока в селе партийной

организации, и секретарь комсомола после головы сельрады второй в нем человек. О решении собрания завтра же узнают в лесу, есть у бандитов здесь кое-кто из «родственников». И новости в лес доходят порой даже быстрее, чем в райцентр. А как узнают в банде — беречься надо комсомольскому секретарю, ой как беречься!..

Но не это пугает. Другое тревожит: кто может заменить Данилу? Перед ним и старшие шапки снимали. Лучше Данилы никто крыши на домах не ставил. И песни лучше его никто не пел...

— Надийку в секретари, — предложил вполголоса Лесь.

— Что вы, хлопцы! — засмущалась девушка.

— Надийку в секретари, — поддержал Леся Степан.

Девушка совсем растерялась. Опустила голову, торопливо расплетала и заплетала косу. А когда голосовали, Надия вдруг почувствовала чей-то пристальный взгляд.

Чуть повернула голову — новенькая смотрит, за-ведующая школой. А поняла, что Надийка заметила ее взгляд, сразу отвела глаза. Странная какая-то, чего испугалась?

ПИСЬМО ДАНИЛЕ

«...Ещё сообщаем, что вместо тебя избрали секретарем Надику Михайлукову. Оыта, конечно, у нес нет, как у тебя, но зато характер подходящий, даром, что тихая. Надеемся, справится. Дела же нам предстоят серьезные. Надо отомстить за тебя — банду будем выжигать из леса. Решили мы сформировать комсомольский истребительный отряд. А командиром будет у нас Нечай. Бюро райкома комсомола, учитывая наше положение, командировало Нечая к нам надолго. Новая заведующая школой Мария Григорьевна Шевчук — комсомолка. Так что как было нас двенадцать, так и осталось... Выздоравливай, брате, поправляйся — ты очень нам нужен.

С комсомольским приветом, ребята.
Товарищ Бондарчук! Вопрос стоит остро — укрепить организацию, подготовить ее к решительному бою. Не сомневайся — жизнь проголосует за нашу революцию. Не чаи!».

ПОКЛОН ОТ СТАСЯ

Тонко звякнуло стекло. Мария открыла глаза, прислушалась. Стук повторился. Девушка вскочила с кровати, вдоль стены подошла к окну.

— Принес поклон от Станиччука... — глухо донеслось до Марии.

Отодвинула засов, посторонилась. Ночной гость грузно — половицы жалобно скрипнули — прошел к окну, задернул занавеску. Зажигая лампу, Мария приказала:

— Отвернись, оденусь.

Посланец Страфийчука восхищенно присвистнул:

— Ну и девка! Не случайно, видно, проводник * у тебя ночью прятался...

Узкие темные брюки плотно обтягивали стройные ноги девушки. Поверх белой блузки накинута кожаная безрукавка — кептарь, отороченная мехом и расшитая красной шелковой ниткой. Красного же цвета и мягкие полусапожки. Таких красивых девчат хлопец видел только на сцене Львов-

* Проводник — главарь банды — провода националистов.

ского театра, когда однажды ходил в город на связь. В селе девушки брюк не носили. Пусть бы попробовала какая пройти улицей в брючках, из каждого двора на нее бы пальцем показывали, а иные так и плонули бы вслед — тьфу, нечистая сила!

— Ну, говори...

Мария сказала это равнодушно, будто каждую ночь ходили к ней гости из леса. Пришелец удивленно на нее посмотрел. Был это ладный, широкоплечий парень в старом ватнике, обтянувшем плечи, в огромных кирзовых сапогах, от которых на полу сразу остались грязные следы. В руках он держал немецкий «шмайсер» и небольшой пакет.

— А еще он тебе вот что передал. — Хлопец прятнул пакет.

Мария разрезала шпагат: националистические журналы, листовки, воззвания к населению. Листовки и журналы были отпечатаны в типографии на хорошей бумаге, воззвания размножены на ротаторе.

Девушка сгребла в кучу всю эту продукцию и сунула в печку.

— Молодец, — одобрил посыльный, — добра схованка, не найдут.

— Нечего будет искать... — Мария подожгла листовки.

— Сдурела? — вскочил бандеровец и схватился за автомат. — Да ты знаешь, сколько людей жизнью рисуют, доставляя нам это? З-за кордона путь дальний, да через облавы...

— Не знаю и знать не хочу! — повысила голос Мария. — А если у меня найдут ваши паперы? Об этом Страфчик подумал?

Огонь торопливо свертывал в черные ломкие трубочки страницы, тихо потрескивал пеплом. Мария кочергой перемешала золу.

— Клята девка, — никак не мог успокоиться бандеровец. — Взяла — и в огонь... Что я Страфийчуку скажу?

— Ну, ты, выбирай выражения! — Мария не скрывала, как ей не нравится и этот почной визит и посылка из леса. — А Страфийчуку расскажи, что видел...

Бандеровец отложил автомат. На его лице было недоумение, он явно не знал, что же делать дальше.

— Как звать-то? — спросила Мария.

Вспышка раздражения прошла, хотя голос ее был недовольный.

— Остапом, — нехотя ответил парень.

— Устал, наверно? — подобрела Мария. И сама себе ответила: — И чего спрашиваю? Не близко...

— Два десятка километров протопал, — согласился Остап. — Да и если б по дороге, то еще полбесы, а то стежками...

— Сними ватник, повечеряешь. На рассвете уйдешь.

— Я б и дольше остался, — неуклюже пошутил Остап.

Взгляд его воровато нырнул в глубокий вырез блузки, крутыми бугорками вздыбившейся на груди. Ему нестерпимо захотелось притронуться к ним, вдохнуть забытые запахи домашнего уюта, тепла, женского тела.

Мария перехватила его взгляд, резко сказала:

— Не про тебя, хлопче... — Но слова эти не про-

звучали оскорбительно, скорее как дружелюбное предупреждение.

Остап вздохнул, совсем по-домашнему поставил в угол автомат, так ставит косу крестьянин, пришедший домой с сенокоса, снял шапку, и на глаза надвинулась густая копна нечесаных, слежавшихся волос. Хлопец сняул ватник. Мария увидела темную от грязи рубашку, расшитую когда-то радужным узором. Такие сорочки обычно вышивались девчатами хлопцам в подарок. Теперь праздничная сорочка поблекла, от неумелой мужской стирки пожелтела и была завязана не веселым шнурочком с кисточками, а кусочком шпагата.

— Растопи печку, — сказала Мария. — Или отвык уже от этого?

Остап умело разложил заготовленную растопку. Девушка поставила на плиту ведро, стала собирать на стол. Сдвинула в сторону тетради, учебники, привнесла глечик с молоком, завернутое в чистую холстину сало.

В окно громко постучали. Остап резко выпрямился и мягко, чего никак нельзя было ожидать от его большого, неуклюжего тела, метнулся в угол к автомату, щелкнул предохранителем. В том, как он чуть наклонился вперед, вскинув к плечу автомат, проскользнуло что-то от зверя, привыкшего к постоянной опасности.

Встревожилась и Мария. Торопливо смахнула со стола посуду. Прикинула, не будет ли видно из окна затаившегося Остапа. И только после этого отдернула занавеску.

— Не спите, Мария Григорьевна? — По голосу

она узнала Леся Гнатюка. В расплывчатом, сером полумраке угадывались еще две тени.

— К урокам готовлюсь, — спокойно ответила Мария и, отложив в сторону тетрадку, взяла из стопы другую.

Оттуда, из темноты, хорошо было видно и ее и комнату, кроме ближнего угла.

— Не пустите воды напиться? — спросил Лесь.

— Негоже, когда хлопец к девушке ночью заходит, — после паузы сказала Мария. — Что люди скажут? А водички вынесу...

Через неплотно прикрытую дверь Остап слышал, как Мария выговаривает хлопцам за то, что они блукают ночью, и как те перебрасываются с нею шутками, рассказывают, что подстерегали связника из леса, да безрезультатно, а то бы они его встретили... Наконец Лесь попрощался, и Мария возвратилась. Остап шагнул к ней, злобно прохрипел:

— И нашим и вашим служишь?

Мария не испугалась, не отпрянула от автомата. Устало сказала:

— Учительница я, понятно тебе? Детей учу. Вот женившись ты, и твой сын придет ко мне в класс, его буду грамоте обучать...

— На моей свадьбе вороны веселиться будут, — мрачно ругнулся Остап.

— Нельзя так шутить, — выговорила Мария и, наливая горячую воду в миску, скомандовала: — А теперь раздевайся до пояса — мойся, а то запаршивел весь. Да не стесняйся и не бойся — хлопцы по домам пошли...

...Она и Страфийчуку сказала, когда тот вошел в ее

комнату: «Учительница я». Страфийчук устало опустился на табуретку, непослушными пальцами достал сигарету.

— Испугалась? — спросил он и, посмотрев на ее безвольно опустившиеся плечи, утвердительно сказал сам себе: «Испугалась». Это успокоило, он привык, что его появление вызывает страх, и знал по опыту: тот, кто боится, становится послушным и покорным. Но учительница вдруг выпрямилась, резко ответила:

— Мне нечего бояться — зла никому не сделала...

— Ого, да ты, оказывается, с характером!.. —
Прикурил от лампы и осмотрелся.

Комната была еще мало обжитой, чувствовалось, что в нее только вселились. Под дубовой лавой, сбитой на века, широкой и устойчивой, лежали чемоданы. Для одежды вбиты гвозди. Посуда громоздилась на табуретке. Но окно уже укрылось веселенькими ситцевыми занавесками, такими же, как и на спинках никелированной кровати, к стене прилажена полка с книгами, портрет Шевченко. На столе фотография средних лет мужчины в гуцулке.

— Кто?

— Знакомый один.

Страфийчук взял в руки фотографию: широкий лоб с ранними залысинами, жилистая шея — тесно ей в узком воротничке гуцулки, равнодушные глаза.

— Где-то я его видел... Нет, не вспомню...

Ужинали молча — говорить было не о чем. Страфийчук ел неторопливо, аккуратно. Пистолет положил на край стола, все время поглядывал на окно, прислушивался к скрипу старого ясения. Потом начал задавать вопросы, быстрые, резкие, как на допросе:

— Давно приехала?
— В воскресенье.
— Зачем?
— Детей учить.
— Чему?
— Чему меня учили...
— Чему тебя учили?

— Многому, — наивно сказала она, — математике, географии, литературе...

— Я не про то. Сам учитель — знаю. Любви к Украине в том институте тебя учили? К свободной и вольной?..

— Да, — кивнула головой Мария. И спросила сама: — Ну какой ты учитель? Оружие учителя — знания, а не вот это... .

Стайчик встрепенулся и запальчиво сказал:

— Если хочешь знать, я в этой школе литературу преподавал. Ты тоже литераторша?

— Нет, я математик.

Пока Мария мыла посуду, Стайчик подошел к полке, посмотрел книги.

— «История ВКП(б)», — прочитал он вслух и раздраженно бросил: — Может, ты еще и коммунистка?

— Нет, комсомолка...

— Одно и то же...

— Я с Восточной. У нас вся молодь — комсомольцы, — не то объяснила, не то возразила Мария.

— Читаешь не те книжки. Я тебе передам такие, которые написаны настоящими украинцами. А то дуже ты пропахла восточным москальским духом...

— Подойди понюхай, — внезапно рассердилась

Мария; она насмешливо уперла руки в бока и не отводила взгляд, хотя Станичук грозно хмурил брови. — Звать только не знаю как тебя, бывший учитель, а то я бы тебе сказала...

— Стасем называй. А что маеш сказать?

— Пришел в чужую хату и командуешь... Учителем себя называешь, а за стол сел, шапку не снял. Я тебя не спрашивала, кто ты, когда в дом ввалился, не устраивай и мне допросы...

Мария осерчала не на шутку. В запальчивости сыпала словами, незаметно для себя перешла на местный диалект. Стась спросил:

— Говоришь, с Восточной? По выговору — западнянка...

— Работала после института под Львовом.

— Наших там встречала?

Стась оживился. Вопрос, почему его спасла от облавы эта девчина, комсомолка, заведующая советской школой, не давал ему покоя. Он усиленно пытался найти ответ, но не находил и оттого не знал, как вести себя дальше в этой хате, где читают «Историю ВКП(б)».

— Разные попадались, — насмешливо ответила Мария И снова сердито нахмурилась. — Опять допрашиваешь... друже Стась?

Это «друже» — обращение украинских националистов — прозвучало столь неожиданно для Станичuka, что он даже привстал на лаве, хотел снова что-то спросить, но Мария не дала ему и рта раскрыть. Резко сказала:

— Давай договоримся: я тебя в гости не звала, вежливой быть не обязана. Если что не по нраву: вот

бог, — она кивнула в сторону пустого угла, — а вот порог, — и ткнула пальцем на дверь.

— Не будем ссориться, — примирительно согласился и Станичук. — А нашу литературу я все-таки тебе пришлю...

Он думал о том, что хорошо бы эту решительную, с таким добрым легальным положением девчину привлечь на свою сторону. Можно было бы и отсидеться у нее, как сегодня, и жилье использовать как явку для связников — кто заподозрит заведующую школой? Поэтому и не стал допытываться, кто да что, но про себя решил: как только вернется в лес, сразу же поручит своим эсбистам * навести о ней справки.

На прощанье Станичук протянул девушке руку, бодро сказал: «Ненька Украина не забудет твоей услуги». Мария усмехнулась, неопределенно ответила: «Будем надеяться...»

...И вот теперь от него пришел Остап.

— Стась велел передать, если понадобится тебе что-нибудь от наших — повесь половик проветривать на старый ясени.

Это означало, что и Мария и ее дом теперь будут под постоянным наблюдением тех, кто в селе связан с бандеровцами. Кого?

— Что передать Стасю?

— Скажи: я прошу оставить меня в покое, — резко бросила учительница.

— Как же, так он тебя и оставит! — пробормотал парень уже за дверью.

---

* СБ — Служба безопасности — карательный орган в бандитских формированиях украинских буржуазных националистов.

НЕ ТОЛЬКО ВЫ ЛЮБИТЕ...

— **К**огда я была совсем маленькой, слышала легенду, которую хочу и вам рассказать. Давно это было, еще в годы революции. То ли под Москвой, то ли на Дальнем Востоке, то ли здесь, когда рубились наши отцы с белополяками. Один красный отряд попал в тяжелое положение — окружили его враги, свинцовым дождем перекрыли все дороги. И день бились бойцы и второй — патроны кончаются, пороховой дым глаза выедает, лица почернели от усталости, и врагов побили — не пересчитать, но выбраться из ловушки не могут. Велел тогда командир позвать самого молодого и смелого разведчика, о подвигах которого песни слагали. Сказал ему: «Мы погибли, а тебе поручаем вынести к нашим красное знамя отряда, не должно оно попасть к врагам. Вот тебе последняя граната и пять патронов, больше у нас нет. Уходи и уноси знамя». Обмотал разведчик знамя вокруг тела, попрощался с товарищами, ушел. Толь-

ко не повезло хлопцу — заметили его беляки, набросились со всех сторон, хотели живым взять. Пятым патронами прикончил разведчик пятерых. Потом встал во весь рост, поднял над головой знамя, крикнул: «Подходи, кто смелый!» — и когда потянулись к нему вражьи руки, рванул кольцо гранаты. Взрыв разбросал по всей нашей стране капли его крови горячей, упали они на грудь самым честным, самым смелым хлопцам и девчата и обернулись комсомольскими значками..

Кончила Мария лекцию. В зале тишина. На лавах сидят хлопцы и девчата. У хлопцев по последней деревенской моде вокруг шеи белые шарфы. Девчата сбросили хустыны * на плечи, у каждой до пояса тяжелые косы. Освещают зал несколько ламп, которые раздобыл где-то новый заведующий клубом Лесь Гнатюк. Он с баяном пристроился в уголке, положил руки на мехи, заслушался. На передних рядах чинно — руки на коленях — сидят люди пожилые, уважаемые в селе. Они тоже пришли посмотреть, что затеяла молодежь. Клуб давно пустовал, и всем надоели длинные тоскливы вечеря, когда с заходом солнца наглухо закрываются ставни и остаешься один на один со своими думами и заботами. Такие обычай в селах — на клубные вечера приходят все: и пожилые и малые. И сейчас по углам, на подоконниках, как воробы на ветках, разместилась шумливая сельская мелкота. За председательским столиком — Иван Нечай.

— А в комсомоле всех стригут, как вас? — ехид-

---

* Хустына — платок (укр.).

но спросили Марию Григорьевну откуда-то из задних рядов.

Вразброд, недружно засмеялись. Посуровевший Нечай встал, хотел, видно, что-то сказать, но Мария жестом остановила его: «Сама отвечу!» Она задорно тряхнула короткой прической, вышла из-за трибуны и теперь стояла на виду у всего зала — стройная девчина, энергичная, коротковатое платье ладно облегает фигурку, и вся она в неверном свете ламп кажется здесь пришельцем из другого, не деревенского мира.

— По голосу слышу — парень сказал. Может, встанет, чтобы я хоть посмотрела на того, кто мою прическу приметил?

В глубине зала задвигались, зашумели вполголоса:

— Так встань...

— Да отвяжись ты!..

— Бач, як в темноте языкатый...

— Точно, — весело подтвердила Мария. — В темноте языкатый, при свете трусоватый.

— Ну, я сказал, — не выдержал, наконец, парень. Он встал, выпрямился во весь рост, неловко переминаясь с ноги на ногу; шапка в руках, взгляд исподлобья.

— Не нравится тебе моя прическа?

— Так я ж не про то, а что у всех девчат косы обпатлают...

Мария через весь зал прошла к парню, стала рядом, повернула его лицом к себе.

— О комсомоле много небылиц плетут — боятся его или не знают о нем, вот и плетут. Думают, что найдут дурней, которые им поверят. Только нет

больше таких. Правда, был до последнего времени один в... Зеленом Гае, да и тот поумнел.

— Ага... — растерянно пробормотал смущившийся парень.

Хлопцы и девчата, внимательно следившие за «ихней учительшей», весело расхохотались. Мария почувствовала, что зал на ее стороне, понимает и принимает ее, и уже уверенно, озорно посоветовала парню:

— А вот тебе бы постричься не мешало. Вои как оброс...

Парень смущенно сопел и переминался с ноги на ногу. Он уже был не рад, что связался с этой острой на язык учительницей, перед всем селом опростоволился...

— Ну, а что касается причесок, — уже серьезно сказала Мария, — так я вот что скажу: каждая девчина должна носить ту, которая ей больше всего к лицу. Понятно?

— Какие еще будут вопросы? — спросил Нечай.

Вопросов было много. О подпольных комсомольских группах, что действовали при панской власти. О том, обязательно ли комсомольцам вступать в колхоз. И как комсомол на любовь смотрит. И можно ли у комсомола получить путевку, чтобы поехать учиться в город.

Мария отвечала неторопливо, обстоятельно. Лекция давно кончилась, и шел уже тот непринужденный, доверительный разговор, который можно вести только с умным и серьезным собеседником. Мария раскраснелась, ожила, отбросила привычную сдержанность, находила удачные слова, пересыпала свою речь

народными поговорками. Хлопцы и девчата окружили ее плотным кольцом. Особенно тянулись к ней девчата. Не одна, наверное, подумала, что и она могла бы быть такой же энергичной, толковой, как ее ровесница-учительница, вот только бы образования побольше.

Нечай тоже покинул свое председательское место, вклинился в кружок молодежи, иногда помогал Марии найти наиболее правильный ответ на трудный вопрос. В душе он удивлялся. Ишь ты, не такая уж она тихоня, эта новенькая учительница! И историю комсомола знает неплохо и с молодежью умеет разговаривать. Инструктор райкома был доволен — первое мероприятие, на которое комсомольцы возлагали много надежд, прошло удачно.

Каждому комсомольцу было наказано: один не приходи, приводи всех своих друзей. В селах в клубы собираются поздно. Надо встретить скотину с пастбища, подоить коров, загнать на очлег всякую домашнюю живность. А Лесь еще засветло сел на крылечке клуба, растянул мехи баяна.

Появились хлопцы из недавно сформированного истребительного отряда. Им поручили нести охрану, но так, чтобы это не бросалось в глаза. Поздоровались ребята с Лесем и разошлись в разные стороны — никто теперь не подойдет к клубу незамеченным. Ранение Данилы многому научило, в том числе и осторожности.

— Сыграй, Лесю, мою любимую, — сказала Надийка и чистым, звонким голоском попыталась уговорить «мисяченку не свить николы».

Пришла Мария Григорьевна. Она просматривала

исписанные листки бумаги, шевелила губами беззвучно — что-то повторяла.

Потянулись минуты ожидания. Придут... Не придут... А вдруг действительно не придет молодежь в клуб?

Пришли. Сперва останавливались неподалеку, собирались стайками: девчата отдельно, хлопцы отдельно, перекидывались шуточками, щелкали неизменными на деревенских посиделках семечками, с насмешкой поглядывая в сторону клуба.

Лесь отложил баян, гостеприимно распахнул двери.

— Проходите, не стесняйтесь...

И заиграл что-то веселое, такое, что ноги сами начали выбивать дробненький гопачок. А когда танцы были в разгаре, вышел на сцену Нечай и объявил лекцию. Марию Григорьевну сперва слушали больше из вежливости — новый человек, пусть себе говорит, послушаем, опять потанцуем, — но потом заинтересовались, так как сумела учительница найти слова простые и доходчивые, и в голосе ее звучала искренность увлеченности.

— Понравилась лекция? — обратился ко всем Нечай.

— Понравилась, — ответили ему.

Потом кто-то спросил:

— А что еще будет в клубе?

— Про то расскажет вам Лесь Гнатюк. Комсомольская организация назначила его заведовать клубом.

— Ого! Это ж выходит, Лесь в начальство вы biscaya...

— А ведь правильно — на баяне хорошо играет.
— Так у него ж образования пять классов...

Лесь, смущаясь своей новой роли, довольно толково рассказал о планах комсомольцев. И еще сообщил: решили они добиваться, чтобы открыли в селе пятый и шестой классы вечерней школы, каждый тогда сможет учиться.

— Приходите в клуб, — пригласил Лесь, — кружки художественной самодеятельности организуем, концерт дадим...

Марию Григорьевну провожал домой Иван Нечай. Шли молча. Окунулся Зеленый Гай в ночь. Небо лохматой темной шапкой нависло над селом — прямо над головой иссиня-черное, а по краям размытое чуть приметной голубизной. Весенние ночи хоть и темные, а короткие, вон уж и поплыла над горизонтом утренняя звезда.

— Не думал я, что вы так хорошо лекцию прочитаете, — нарушил молчание Нечай.

— Недаром же меня четыре года учили, — ответила вполголоса Мария.

Ночью голоса далеко слышатся, поневоле хочется говорить тихонечко, только для того, кто рядом, и от этого вплетается в разговор доверительность.

— И только? Чтобы так рассказывать о комсомоле, его надо любить...

— Знать, хотите вы сказать?

— Нет, — настаивал Нечай, — любить, восхищаться им. И еще что-то надо для этого, ну, талант, что ли. Вот у меня, — огорченно признался он, — не получается так. Хоть и знаю я историю комсомола и для меня в нем вся жизнь — получал я билет в пар-

тизанском отряде, а вот не смог бы так говорить, как вы, — слушает меня молодежь с холодком, и вижу, как иногда отскакивают от людей мои слова. Не доходят...

— Это оттого, что вы жесткий, колючий, на всех с недоверием смотрите. Я видела: сидите вы на лекции за своим столом — неприступный, в зал смотрите грозно, будто ждете, что сейчас, сию минуту, должно что-нибудь произойти.

— А вы думаете, не ждал? В том зале сидели и такие, что сейчас в лес к Страфийчуку побежали доложить, как и что. Это и есть классовая борьба. Революции в ней прописывают автоматами!

— Нельзя всех подозревать, Иване, — убежденно сказала Мария. — К людям надо идти с открытым сердцем. Ненависть ослепляет. От любви вырастают крылья...

— Любовь... крылья... — зло протянул Иван. Он внезапно остановился, схватил Марию за плечи, повернулся к себе, заговорил горячо, больно: — А вы видели девчат, растерзанных бандитами?! Я видел: приехала в село девчоночка, библиотекарка, только приехала, добрая, с открытым сердцем, книжки людям по хатам носила, упрашивала: «Почитайте. Как вы можете жить, не прочитав «Фата Morgана»? А над нею надругались, глаза выкололи и книжки в ее комнатушке кровью забрызгали. Слышали вы, как дети оплакивают отца? Вчера еще под потолок их подбрасывал, нянчил, а теперь лежит с пулей в спине, а ребятишки никак его не разбудят, плачут, и мать им ничего сказать не может, потому что мать тоже звери убили. Слышали вы это, видели?

Мария осторожно сняла с плеч руки Ивана, отодвинулась в темноту.

— Я не о том, Иване...

— Так я о том! Ненавижу! Ненавижу и буду стрелять в каждого, кто на дороге у людей становится!

— Вдруг ошибетесь?

— Мие совесть моя подскажет...

— Смотрите, Нечай, — холодновато сказала Мария. — И совесть может ошибиться. Да и кто вам дал такое право — стрелять в каждого, судить от имени своей совести, верить только себе? Вам доверили многое — вы же озлобились, ожесточились...

— Не понимаете вы меня...

— И не пойму. По-другому думаю!

— Тогда не о чем нам разговаривать. Одно только скажу: поклялся я вот эту гимнастерку, — Нечай хлопнул себя ладонью по груди, — не менять на сорочку вышитую до тех пор, пока хоть один бандеровец в округе землю топчет.

— Землю родную не один вы любите...

Нечай замолчал. Они уже давно пришли к школе и теперь стояли у плетня. Мария неприязненно поглядывала на темные окна комнаты — неуютная она, и, когда входишь, будто весь мир остается где-то там, за порогом.

— Не пойму я вас, Мария Григорьевна. Когда вы о комсомоле рассказывали, понимал, сейчас же — нет. Рассудочная вы какая-то; и хоть говорите о любви к людям — не верю...

Мария насторожилась. Значит, где-то прозвучали неискренние нотки. Где ошиблась: в клубе ли, в раз-

говоре? И в чем? Плохо, очень плохо, Мария Григорьевна! И жаль, что Иван не понял ее. Партизанский характер у Нечая — с таким и до беды недалеко. И ей, Марии, такие разговоры ни к чему: Нечай только по виду простоватый, а так — палец в рот не клади...

* * *

На следующий день все село говорило о вечере, организованном комсомольцами, и еще о том, что перед самым рассветом кто-то сорвал с клуба красное знамя, разорвал его в клочья и втолтал в грязь.

СЕНТИМЕН- ТАЛЬНЫЙ БАНДИТ

Ночью снова раздался тихий стук в окошко. Мария, не спрашивая кто, приоткрыла дверь, впустила ночного гостя. Страфицкий вежливо поздоровался, пожелал учительнице доброго вечера.

— А как же будет он добрым, если каждую неделю из леса шлендранут, — недовольно проговорила Мария. — Ну, проходи, садись.

Страфицкий прошел в комнату, снял кожушок. Был он невысокого роста, лицо молодое, а избородили его морщилки, время припечатало гусиные лапки под глазами. Поредевшие русые волосы, глубокие залысины придавали Страфицкому сходство с деревенским фельдшером. Он не был ни чубатым красавцем, ни обросшим верзилой, как рассказывала о нем деревенская молва. Именем Страфицкого матери пугали детей, слухи о его кровавых подвигах быстро обрастили подробностями, и народ создал свой образ бандита, который никак внешне не походил на усталого, с тем-

но-коричневыми кругами под глазами человека, который пришел к Марии. Но народ редко ошибается: в глазах Станиччука проглядывала жестокость, в порывистых, резких движениях — недюжинная сила, и можно было предположить, что он и вынослив, и хитер, и коварен. Рассказывали, что бандит очень бого-молен и сентиментален, будто на стенах лесного бункера висят его творения — пейзажи с белыми мазанками, вишневыми садочками и голубыми до одури ставами — художник-недоучка, возомнивший себя «освободителем». Если творил расправу над сельскими активистами в лесной чащобе, обычно предлагал помолиться перед смертью, в ответ на отказ скрупульно покачивал головой: «Забыли мы про бога», — и безжалостно вспарывал животы, выкалывал глаза, резал звезды на спинах, прикрываясь именем господа и «вольной Украины».

Такой вот человек был гостем Марии Григорьевны. Бандеровский проводник начал велеречиво, с благодарностями.

— Хлопцы рассказывали, как ты им помогла...
Дякую от имени провода...

— Почему хлопцы? Тебя что, не было?

— В эти дни был в рейде, оставалась здесь только часть наших, если бы не ты — переловили бы их, как зайцев в силки... Вот сам пришел щиру подяку выразить.

Мария привычно проверила, плотно ли зашторено окно, поставила на стол глечик с молоком, окраец хлеба, подала чистый рушник.

Проводник положил на стул автомат, устало присел к столу. Девушка не торопилась расспрашивать

его, зачем пришел, ведь не ради же благодарностей, не ради «спасибо».

— Уеду я отсюда, — как об уже решенном, сказала она. — Запуталась в чужих сетях, надо обрывать их. Учу детей доброму, а сама таким, как ты, помогаю.

— Каким?

— Ты в Данилу стрелял?

— Я. Данила враг наш, а с врагом один разговор — смерть...

— Кому он враг? Данила счастья людям хочет, он этих людей от фашистской пули защищал, а сам нарвался на твою пулю.

— Данила продал Украину москалям, Советам. У меня с ним старые счеты, еще с войны. Потому сам и пришел...

— Данила хочет видеть отчизну свою могучей, сильной, а такая Украина возможна только в союзе с Россией. Не только он, весь наш народ выбрал свой путь еще при гетмане Богдане. Столетия дружбы — одни враги, и дорога одна.

— Ох и здорово тебя нашпиговали в ваших мосальских школах! Долго придется трясти, прежде чем чужой дух выйдет.

— Что, правды боишься? Или не по вкусу она тебе? А не хочешь слушать — не спрашивай!

— Вешать надо таких, как ты...

— Вот-вот, вешать — один разговор. А я, между прочим, украинка, и Данила украинец, и библиотекарша, которую вы зарезали, тоже украинка. Вот и выходит: освобождаете вы Украину от украинцев, петлей освобождаете. Для кого?

— Для тех, кто любит нашу землю. —

— А Данила ее не любит? Он партизанские леса прошел, фашистских грабителей гнал с родной земли, а вы в обозе у них тащились...

— Замолчи! — закричал Ставицкий, багровея. — Всему есть мера: паплюжить наши идеалы никому не позволю! Хоть и сказал Иисус: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за меня», — но им же сказано: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч». Вот так!

— Немного же вы добьетесь, проводник, если у вас один аргумент — пуля... Народ, он ведь такой: молчит до поры, а потом как чихнет — «будь здоров!» некому из вас будет сказать...

— Народ за нас!

— Ты серьезно? — Мария удивленно вскинула черные дуги бровей. — Разве сам не видишь, что люди всем сердцем приняли перемены, которые им Советская власть принесла? Сам посуди: кто с тобой идет? Те, у кого совесть нечистая, руки в крови. А остальные? Они землю пашут, дома строят, мирную жизнь налаживают...

— Обманули людей. Но есть еще герои на Украине, и не умрет ненька наша, пока они живут. И пусть надо моря крови пролить — не остановимся ни перед чем. Вспомни завет Иисуса, господа нашего: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне».

— Нельзя вспомнить то, что никогда не знала. Жизни же училась не по Библии...

— Ты любишь Шевченко? Великий Тарас призывал злую кровью волю окропить...

— Панской кровью призывал Тарас оросить волю. А вы народную льете. Украинцев натравливаете на украинцев, брата на брата.

— Разные бывают украинцы...

— Вот это правильно: и такие, как ты, и такие, как Данила...

— А ты какая? С кем ты?

Мария не ответила. Она отвернулась к окну, и лица ее не было видно. О чем думает девчина? Может быть, о том, что там, за окном, — Украина, поля ее, заводы, сады, росистые разливы лугов, горы буковинские и степи таврийские?

Сказала Мария:

— Был у меня учитель, русский. Долго жил на Украине, но так и не выучился по-нашему разговаривать. И вот, Стась, он говорит на русском, я на украинском, и все нам понятно. С тобой же мы разговариваем на одном языке, а не можем понять друг друга. Родную Украину мы любим. Ты — ту, которую грабить можно, а моя Украина — та, что в трудном бою свое счастье добывала...

Стась не обиделся. Он подошел к Марии, повернулся к себе.

— Не кипятись, серденько. У нас тоже своя правда; и когда узнаешь ты ее, может, по-другому будешь разговаривать.

Бандеровский проводник настроился на торжественный лад, заговорил о борьбе «ширых» украинцев за соборную, самостийную державу, свободную от коммунистов и москалей. У него выходило, что ны-

нешние националисты — прямые идейные наследники тех селян, что еще в восемнадцатом веке восставали против шляхетных магнатов, преемники Запорожской Сечи, вольного казачьего братства.

— Знамя нашей борьбы было высоко поднято в 1917 году, когда сотни и тысячи украинцев сражались в рядах украинских сечевых стрелков. Нам не повезло тогда, великие державы не поняли, что только самостоятельная Украина сможет стать форпостом цивилизации на востоке Европы, плотиной против волны большевизма. Мы потеряли почти все, но оружие не сложили, хотя и не получили нужной помощи...

Стайчук рассказывал далее, что оплотом национальной идеи стали Львов и западные земли, куда коммунизм не дошел. На этих землях зрели новые силы для борьбы за самостийную Украину. Они вступили в решающий бой в 1941 году, когда, как всем казалось, настал благоприятный момент для осуществления планов поборников самостийности. Годы войны войдут, торжественно декламировал Стась, как самые яркие в летопись борьбы. Именно тогда украинские националисты во главе со Степаном Бандерой добились больших успехов и даже провозгласили самостоятельность Украины. Но... опять не повезло. Героическая борьба не увенчалась победой. Она еще не окончена, и Мария должна определить свой выбор...

Бывший сельский учитель умел произносить речи, к тому же ораторское мастерство неплохо преподавалось в униатских семинариях... Но он, очевидно, не понимал, как нелепо выглядят его тирады здесь, в маленькой комнатушке, еле освещаемой призрачным

светом керосиновой лампы, перед единственной слушательницей — крутобровой дивчиной в расписанном яркими цветами кептарике. Он умело подтасовывал факты, искажал события, в его рассказе украинские националисты выглядели великомучениками за народ — непонятно только, почему их именами детей пугают.

В рассказе обильно мелькали слова «любимая», «единственная», «прекрасная» в сочетании со словом «Украина», и опять-таки было непонятно, как можно истязать и грабить ту, которую называешь любимой, единственной и прекрасной. Особенно приподнято звучал голос Стася тогда, когда он мечтательно заговорил о недалеком — в его представлении — будущем Украины: в нем были широко представлены и медлительные селяне на собственных полях, и круто-рогие волы, и блакитное небо, и девчата на вечерниках — этакий широкий ассортимент сентиментальных благоглупостей, которыми всегда маскировался буржуазный национализм.

...Нынешний молодой читатель может лишь с большим трудом представить события, о которых идет речь. Народ давно вымел на свалку истории националистов всех мастей. А те, кому удалось избежать его гнева, спрятались под крыльышком у империалистической реакции, и единственное, что им осталось, — это, захлебываясь клеветой, шипеть на Советскую Украину, плести против нее козни, прозябать на самых заурядных шпионских должностях, получая сребреники в долларах и в марках. Впрочем, для украинских буржуазных националистов шпионское ремесло не внове, как не внове и стоять на задних перед хояй-

ским столом. По вполне понятным причинам Стадийчук не рассказывал Марии о том, что вся история украинского буржуазного национализма — история предательства интересов украинского народа. Было все: и международные аукционы, прикрываемые вывесками конференций, на которых кучка проходимцев пыталась продать родину с молотка; и хозяева от Габсбургов до Гитлера, от фашизма до Уолл-стрита; были жертвы жестокого террора, яростная борьба против национальной культуры, растление молодежи.

Зловещая ОУН («Организация украинских националистов») во главе с фашистскими наймитами Кононвальцем, Мельником, Бандерой-Серым осуществляла широкую программу убийств, активно сотрудничала с гитлеровцами, помогала им вводить «новый порядок» на Украине в годы оккупации. После разгрома фашистской Германии националисты сменили хозяев, оставив неизменными методы террора. В годы оккупации из предателей, полицейских и прочего отребья националисты сколотили вооруженные банды. Одну из них и возглавлял Стась Стадийчук.

Знала ли об этом Мария Григорьевна? Она очень внимательно слушала разглагольствования проводника.

— Стасю, а сколько у вашего батька было земли? — неожиданно перебила она.

— Пятьдесят гектаров, — ответил тот, сбитый с напыщенного тона мнимой прозаичностью вопроса.

— Вы, конечно, вернете их себе в той... вашей будущей Украине? Ведь Советы поделили землю между крестьянами... И медлительные селяне на круторогих волах будут пахать ваше поле? Впрочем, вы обзаве-

детеся трактором и станете рациональным фермером — на волах в двадцатом веке далеко не уедешь, вы и сами это хорошо понимаете. Другими словами, вы боретесь за то, чтобы заставить Украину идти капиталистическим путем, какими бы красивыми словами все это ни прикрывалось. Конечно, конечно, в той вашей... «будущей» много внимания уделялось бы и вышиваным рушникам, и гаптованным сорочкам, и садочкам вышневым, только от этого селянам, которых вы опять превратите в батраков, легче жить не будет...

Стайчук насупился, замолчал, нервно барабаня пальцами по столу. А ему-то казалось, что он привел убедительные аргументы, доходчиво и популярно изложил основные положения националистических идей, но результатов никаких — дивчина оказалась не такой уж простячкой, все-таки в этих клятых омоскаленных школах, в комсомолах умеют воспитывать убеждения, и не так просто бороться против них. Другое дело — пулей, но этот метод не для данного случая, учительша очень нужна ему, Стайчуку. Она и сама еще не понимает, как крепко привязала себя к Стайчukу и тем, что у себя укрыла, и тем, что об облаве предупредила.

Он, Стайчук, подберет к ней ключи. Какое ему дело, с верой ли в идею самостоятельности будет выполнять она приказы или нет? Важно, чтоб со страхом, с мыслью о мучительной смерти, если изменит, выдаст. Он собирался сказать именно об этом, когда в окно трижды постучали: два раза подряд и после паузы еще раз.

— Мне пора, — поднялся Стайчук. — Но мы

еще встретимся, наш разговор не окончен, а пока хорошенко подумай над тем, что я сказал. У тебя только два пути: или с нами, или против нас!

— Вот, вот, наконец-то я услышала твою настоящую благодарность, — иронически заметила Мария. — Впрочем, получаю то, что заслужила, — за страх всегда расплачиваются...

Она говорила одно, а думала о другом: проводник Стась один никуда не ходит, даже к ней пришел с теплохранителями, и, пока рассуждал о самостийной, соборной державе, автоматы лесовиков стерегли каждую тропинку к ее дому...

ДОНЕСЕНИЕ БЕЗ ПОДПИСИ

«...Сообщаю некоторые сведения о проводнике. Станислав Омелькович Стафийчук (псевдо — Ярмаш), 1914 года рождения, из семьи греко-католического священника. Рано, в возрасте 15 лет, примкнул к националистическому движению. Получил образование во Львове, недолго учительствовал в Зеленом Гае. Исчез из Зеленого Гая в 1935 году. По некоторым данным, причиной исчезновения может служить поездка в Берлин для обучения в центральной академии ОУН — Мекленбургшенигтрассе, 75. В период раскола* решительно поддерживал Бандеру, с которым лично знаком. На Украине появился в 1941 году. Командовал подразделением УПА **. Принимал участие в расправе над крестьянами села Старого и в других карательных экспедициях националистов против мирных жителей...»

---

* Имеется в виду борьба за власть в ОУН между Мельником и Бандерой.

** УПА, так называемая Украинская повстанческая армия, — военные формирования буржуазных националистов.

И НАЗОВЕМ ТЕБЯ ЗОРЯНОЙ

Стафийчук не оставлял Марию в покое. Он снова и снова слал связников, и даже днем Мария чувствовала, что и она и дом ее находятся под неусыпным наблюдением. Потом Стафийчук пришел к Марии. На этот раз его сопровождал высокий хлопец с багровым рубцом на левой щеке. Пока Стась разговаривал с Марией, он неподвижно сидел на лаве, положив на колени автомат.

— Надумала? — уже с порога спросил проводник.

Чувствовалось, что он спешит и время терять на разговоры не намерен.

— Не для меня все это, Стась. Я девчонка, учительница; и единственное, о чем прошу, не впутывайте меня в свои дела. Темные они у вас, как лес, в котором прячетесь от людских глаз.

— Ого, вон ты как заговорила! — Глаза бандитского главаря злобно блеснули. Он оглянулся на телохранителя, и тот, сняв с колен автомат, равнодушно откликнулся:

— Стрелять не будем —

шуму много. Я удавку на всякий случай прихватил, будто знал, что понадобится...

Удавка — бандитское изобретение. Человек, на которого она набрасывалась, прощался с жизнью безмолвно. Мария вздрогнула. Бандеровцы пристально следили за каждым ее движением. Страфчик уловил во взгляде загнанность и удовлетворенно усмехнулся. Так лучше. Похорохорилась, а на поверку оказалось как все: когда заставляют поцеловаться со смертью, готова на колени стать.

Но Мария переборола себя. Во всей ее хрупкой фигурке появилась такая решительность, что националисты изумленно переглянулись. Она презрительно бросила:

— Думаешь, испугалась? Я тебе не Горпина из хутора глухого, которой ты пистоль под нос сунешь, и она пятки лизать будет.

Потом бесстрашно подошла к тому, кто сидел на лаве.

— Ну, набрасывай свою удавку.

Телохранитель вопросительно посмотрел на проводника. Тот незаметным для Марии жестом приказал — пока не трогай.

— Что заставило тебя протянуть мне руку помощи?

Страфчик снова перешел на высокопарный тон.

— Сама не знаю. Сперва перепугалась, а когда пришла в себя, уже поздно было что-нибудь делать — все равно подумали бы, что тебя прячу. Но сейчас я бы тебя спасать не стала, нет! — Мария в ярости топнула ногой.

— А второй раз, когда сообщила про облаву?

— А если бы тебя поймали и выпытали про ту ночь? Где бы я сейчас была?

— Ага, понимаешь, связаны мы с тобой теперь одной веревочкой. Советы тебе не простят того, что ты сделала. В Сибири сгниешь. У нас же, — опять перешел он на возвышенный тон, — национальной героиней станешь. Центральный провод там, за кордонам, про тебя узнает. Наши поэты вирши о тебе будут писать...

Странный это был разговор. Глухой ночью, за зашторенными — чтобы и полоска света не пробилась — окнами, жестокими угрозами и сладкими посулами вербовали националисты в банду молодую учительницу.

— Тебя мы не убьем. — Страфийчук пренебрежительно махнул рукой: мол, на кой ляд нам твоя смерть? — Но ты такой жизни тоже не порадуешься. Детей, говоришь, любишь? Як цуценят перестреляем твоих учеников в случае чего...

Мария бессильно опустилась на стул. Она не со мневалась — такие перестреляют и детей.

Стась не случайно так настойчиво добивался согласия Марии. В последнее время его банда попала в отчаянное положение. Ее сильно потрепали истребительные отряды. Облавы следовали одна за другой. После каждой кого-нибудь недоставало в их рядах. А пополнения ждать неоткуда. По подпольным каналам связи шли из-за границы оружие, деньги, пропагандистские материалы. «Боевиков» же предлагалось вербовать «на землях», то есть на территории Украины. Только люди не хотели идти к националистам. Так прямо в лицо и говорили бандеровцам:

«Краще смерть». Некоторых убивали. Другие сами брались за оружие — вступали в «ястребки».

Стафийчук знал: в окрестных лесах отсиживаются, притаились мелкие группки националистов, давно уже превратившихся в обычновенных грабителей с большой дороги. Но связи с ними не было. Трудно стало бандеровским курьерам пробираться тайными тропами: их ненавидело население, вылавливали сельские активисты, без лишних слов волокли в милицию. Совсем недавно провалился один из самых надежных «мертвых» пунктов. И почему? Ребятишки высмотрели...

А связь необходима. Не только с краевым проводом (она пока действовала надежно, вели ее опытные конспираторы) — с другими группами националистов. Задумал Стафийчук объединить их, подчинить единому командованию, потому что боялся остаться проводником без провода, командиром без солдат, загнанным волком метаться по лесным буеракам. Нужен был человек, который мог свободно передвигаться по селам и хуторам и вязать порванные нити.

Кроме того, надо было выполнять операцию «Гром и пепел». Центральный провод торопит, что им до трудностей Стафийчука? Стась навел справки: Мария Григорьевна Шевчук действительно закончила педагогический институт, работала под Львовом. Ее родители проживают в Полтавской области, отец — колхозный конюх, мать дома. Живут небогато, ничем не обязана Советам, и нечего ей за них цепляться.

— Все поняла?

Он подошел поближе, чтобы видеть ее лицо. В глазах Марии не было слез, не было и ненависти — смот-

рели трезво, как смотрит человек, уверовавший в силу другого человека. Стасю это понравилось: «Расчетливая».

— Что надо делать? — спросила Мария. Потом вдруг опять вспыхнула, бросила зло: — А эту ночь я тебе припомню!

— Вот это другой разговор.

Стась облегченно вздохнул, пошутил:

— Будут у нас еще ноченьки впереди, рассчитаешься...

Телохранитель тоже усмехнулся. Нарочитая настороженная дрема спала с него, он захлопал по карманам, нашупывая кисет.

Стафийчук долго и подробно инструктировал Марию.

Под конец, вспомнив, усмехнулся:

— Рассказывали мне, как ты лекцию читала... Талант! Говорят, даже старики заслушались. Правильно! От комсомола не отрывайся, все их поручения выполняй — чтобы никаких подозрений. Нас можешь лаять и хаять как вздумается — не будет. За колхоз агитируй, лекции читай — надо, чтобы тебе верили.

На прощанье он опять не удержался от патетики:

— Придет время, и твое имя прогремит по всей Украине. Лучшие сыны народа будут произносить его с благоговением...

Телохранитель смачно плонул на пол. Стась покосился на него неодобрительно и деловито, буднично закончил:

— Твое псевдо — Зоряна...

НЕЖЕНКА, МАМИНА ДОЦЯ

Мария действительно предупредила банду об облаве. Вот как это было. Шел урок. Она не спеша диктовала условия задачи. Белоголовый хлопчик топтался у доски.

— Пиши, Васылько: в селе пятьдесят крестьянских дворов и пять хуторов. Пятьдесят дворов имеют наделы по три гектара пахотной земли. У хуторов — по пятьдесят гектаров. Требуется узнать, сколько пахотной земли в среднем приходится на каждый двор и сколько гектаров земли будет в колхозе, если крестьяне решат его создать...

Васылько стучал мелом, раздумывал над сложной задачкой: спокойный, уравновешенный маленький мужичок.

— Значит, так: перемножаем три на пятьдесят и пять на пятьдесят, потом все складываем... — Он вдруг перестал писать и понимающе протянул: — Эге, так в нашем селе землю еще в прошлом году поделили. Мария Григорьевна, это про нас задача, да?

Мария похвалила хлопчика.

— А теперь узнай, сколько земли будет в колхозе...

— Моя пенька не хочет в колхоз вступать, — подняла руку Наталка Максимчукова. — С татом весь вечер спорят и спорят...

И весь класс принялся живо обсуждать вопрос, чьи родители уже вступили в колхоз, а чьи нет.

— Мои б, может, и вступили, но бандеров боятся...

— А моя мамка Рыжуху жалеет — каже: «Сама согласна, только корову не отдам...»

Васылько тем временем аккуратно выписывал цифры:

— У колхоза будет четыреста гектаров пахотной земли...

— Ого! — удивились ребята. — Добре хозяйство...

— Есть колхозы, у которых и по восемь и по десять тысяч га, — сказала учительница.

Дверь тихонько приоткрылась, в класс заглянул Иван Нечай, поманил Марию. Он сообщил, что сегодня ночью организуется облава на банду. Все комсомольцы Зеленого Гая будут принимать в ней участие. Сбор в десять часов в сельсовете. Иван был возбужден, спешил...

— Ну что ж, желаю удачи!

— А вы разве не пойдете? — удивился Нечай.

Мария смущенно улыбнулась, развела руками.

— Ну какой из меня вояка? Я и винтовку в руках не держала. Только мешать буду. Да и к завтрашним урокам готовиться надо...

Инструктор райкома, слушая, хмурился все больше и больше.

— Вы неправильно понимаете свои задачи на се-

ле, — резко сказал он, — если думаете, что на современном этапе классовой борьбы учитель может остаться в стороне, то глубоко ошибаетесь, уважаемая Мария Григорьевна! Нейтралитет разводите?

Густой румянец медленно заливал лицо Марии, пятнами перекидывался на шею. Эти пятна — расплывчатые, крупные — вызывали жалость. «Неженка, мамина доця», — презрительно подумал Нечай.

— Так я и рада бы с вами... Но не гожусь я для таких дел. Еще отстану где, только вам морока... — оправдывалась Мария.

Девушка вертела в руках мелок. Пальцы покрылись белой мукою. Тоненькие пальцы с синими пятнышками от чернил. И вся она: хрупкая, в белоснежной блузке, утонувшая в огромных сапогах — прошли весенние дожди, и дороги поплыли лужами, — производила впечатление неприспособленности, вызывала жалость.

— Ладно, — махнул рукой Нечай, — сами спрашивимся. Но об облаве — никому ни слова...

— Нет, нет, что вы... — облегченно и обрадованно закивала Мария.

Она возвратилась в класс, строго прикрикнула на расшалившихся ребят, дала задание на дом.

— На сегодня хватит.

Дома Мария разобрала, наконец, свои чемоданы, развесила на заборе, чтобы прохватил свежий ветерок, кое-что из одежды. Долго и звонко выбивала половик, посмотрела, куда бы и его пристроить, потом небрежно бросила на ветку старого ясеня...

НЕЧАЙ СОМНЕВАЕТСЯ

Над лесами плыли весенние туманы. С вечера они забирались в овраги, в лесные чащобы, коротали там звездные, ясные почки. По утрам разливались голубым призрачным потоком по перелескам и полянам, затопляли деревья, сливались с водами рек и речушек. Деревья стояли по пояс в белом молоке.

Зори горели в полнеба — спокойные, яркие. Далеко за полночь не умолкали соловьи. Старые люди говорили, что в мае Весна празднует свою свадьбу с Солнцем, и все живое на земле радуется этому, славит жизнь.

Но утренние туманы еще пахли порохом и дымом пожарищ. С бандитами воевал весь народ. Кряжистые, мрачноватые дядьки в овечьих полушибуках брали в руки винтовки и железной петлей облав душили бандитов. Дядьки отлично умели стрелять, и мало кто из лесовиков уходил от пули. Медлительные мужики без устали гоняли банды, по сигналу тревоги перекрывали

бандеровские стежки. Хлопцы и девчата создавали истребительные отряды. Молодежь тянулась к комсомолу. Но пока еще туманы пахли порохом...

Марии полюбились прогулки по окрестностям села. К вечеру она почти ежедневно отправлялась к окопице. Из окон хат и дворов смотрели десятки глаз. «Суме учительша, — переговаривались через плетни соседки и сочувственно вздыхали. — Да и как ей, молоденькой, в нашей глупши не грустить?»

Мария первой здоровалась со встречными. Так принято на селе. Когда с нею заговаривали, вспыхивала ярким румянцем. «Скромница», — отмечали с одобрением кумушки.

Деревенская улица заканчивалась «садыбами» — окраинной частью села, где хаты, сломав чинный строй, рассыпались в красочном беспорядке на холме. У его подножья — став* с земляной гаткой — плотиной, сложенной еще при панах. На гребле полуразрушенная водяная мельница. Лопасти колес выломаны, доски покрылись скользким ярко-зеленым мхом, с потолков причудливо свешивалась паутина, припорощенная мучной пылью.

Сельчанам хорошо было видно, как учительница неторопливо проходила греблей, садилась на балки старенького шлюза и читала, кутаясь в платок. Иногда Мария спускалась книзу, где струился ручеек, питавшийся водой из-под неплотно прикрытых шлюзовых щитов. Ручеек петлял по травянистой луговине и исчезал в лесу. Мария садилась на почерневший пень, опускала босые ноги в прозрачную воду. К ее

---

* Став — озеро, пруд (*укр.*).

прогулкам сельчане привыкли. И если вначале посматривали в сторону мельницы, то потом перестали обращать внимание на фигурку девушки.

Ивану Нечаю (он теперь переселился в Зеленый Гай) регулярные прогулки учительницы к старой мельнице внушали неясные опасения. Почему — он и сам не мог себе сказать. Просто казалось непонятным, что молодая девушка так любит одиночество. Иван поделился сомнениями с Надией.

— Странная какая-то эта Мария Григорьевна.

— Почему?

— От людей прячется...

— Да нет, просто не подружилась еще ни с кем — вот и скучает, — рассудительно возразила Надишка и ехидно добавила: — А то, может, развеселишь? Дивчина приметная...

— Ну тебя! — рассердился Нечай. — Я серьезно, а ты...

Надишка поиграла глазами, весело рассмеялась.

— Нет, не нравятся мне ее прогулки, — опять принял за свое Нечай. — Новый она, неизвестный нам человек...

— Ой, вечно ты всех подозреваешь, Иван! Ты помнишь, какую лекцию про комсомол она читала?

— Что лекция... Бывает, слова с делами расходятся. Мандат человеку в жизнь его делами удостоверяется.

На следующий вечер Нечай пробрался на лесную опушку, откуда мельница как на ладони. Прислонился к грабу, терпеливо наблюдал, как появилась Мария, устроилась на пне, раскрыла книжку.

Минуты тянулись медленно. Иван уже начал по-

ругивать себя за излишнюю подозрительность, когда учительница, отложив книжку в сторону, внимательно осмотрелась и пошла к мельнице. Иван насторожился. Марии не было несколько минут. «Что она там делает? — недоумевал Иван. — В мельнице ходить опасно, того гляди старая балка сорвется». Учительница возвратилась, взялась за книжку. А дальше Иван не поверил своим глазам: девушка вырвала из книги страницу, тщательно порвала листок, а клочки выбросила в ручей...

«Вырвала страницу? — торопливо размышлял Нечай. — Зачем? Почему по шматочку пустила в воду, будто боится, чтобы другие не прочитали?.. Стоп! А если это была не страница, просто лист бумаги? Письмо, записка...» Вывод напрашивался сам собой. Нет, неспроста ходит учительница на прогулки: в старой мельнице — «контактный пункт»! Удобное место: село недалеко и лес рядом. Заброшенное место — ветхое все, полуобвалившееся...

Унес ручеек разорванный «грепс» — шифровку. От кого — ясно. Ясно-то ясно, только могло это все ведь и почудиться. А если действительно ходит учительница к мельнице книжки читать? Мало ли у кого какие странности... Нечай засомневался. Может быть, и вправду ему все мерещится? Еще недавно он действовал бы быстро и решительно: обыск, арест своею властью — в районе разберутся. Но сейчас почему-то не выходили из памяти слова Марии: «Вы готовы весь мир подозревать»... А вдруг?!

ЗАЯВЛЕНИЕ НЕЧАЯ

В .....райотдел Министерства государственной безопасности.

Днями бойцами комсомольского истребительного отряда села Зеленый Гай была задержана на кладбище в момент провокации учительница местной школы Шевчук М. Г. Провокация заключалась в том, что вот уже на протяжении почти месяца в полночь на кладбище раздаются женские вопли, которые темные элементы используют для антисоветской пропаганды. Шевчук М. Г. находилась в тени часовни, и хотя она отрицает свою причастность, кроме нее, этого сделать было некому. Вызывает подозрение и то, что учительница ведет уединенный образ жизни, часто ходит по хуторам и окрестным селам, что является удобным для сбора сведений. М. Г. Шевчук в наших местах человек новый и требует, на мой взгляд, тщательной проверки.

Инструктор райкома ЛКСМ Украины И. Нечай».

Что же случилось настолько серьезное, чтобы Иван написал заявление?

С некоторых пор в Зеленом Гае стали твориться странные вещи. По селу поползли слухи, будто мертвые, которых страшит нынешняя безбожная жизнь, ровно в полночь встают из могил и плачут от жалости к людям.

— Сама чула, — захлебываясь от обилия впечатлений, рассказывала баба Кылына. — Иду я от кумы мимо кладбища, ничь темная, а воно як заплаче, як заплаче, та так жалобно, что я и сама б заплакала, тильки злякалась дуже...

Баба Кылына, хроменькая, быстрая, истово крестилась, надвигала на глаза черный платок. Гнала она самогон, и загулявший селюк всегда мог раздобыть у нее отмениго первака. Слушали ее с любопытством, но без особого доверия: может, у кумы «причастилась», вот и попутала нечистая сила. Крепко любила выпить баба Кылына...

Однако события развивались стремительно. Через несколько дней «воно» опять вопило на кладбище что-то жалобное — разобрать трудно, — и слышали это «воно» сразу уже несколько человек.

— Забыли бога, в клуб шляются, в колхоз заявы пыщут — вот и подают мертвые нам знак, что настанет скоро конец света, — нашептывала баба Кылына, хромая от хаты к хате. Поскольку она первой услышала голос «мертвых», стала и главной толковательницей. И самое удивительное — слушали ее теперь без насмешки. Да и как не слушать, если почтай через ночь над притихшим, закрывшимся на все крючки и запоры селом разносятся то стоны, то плач,

а то и что-то такое, в чем нетрудно уловить угрозу забывшим о боже.

Надийка собрала комсомольцев. Надо что-то делать, нельзя же сидеть сложа руки и смотреть, как ползут по селу слухи. И так уже горластые деревенские мамашы кричат на дочерей: «Чтоб ноги твоей в клубе не было!.. А то я тебя дрючком!»

— И откуда эта нечистая сила на нашу голову свалилась? — сокрушалась Надийка. — Так хорошо все началось...

— Ясно откуда, — сказал Лесь, — из леса...

— Что будем делать, хлопцы?

— Ловить, больше ничего не остается...

На том и порешили. Нечай, Надийка и Лесь разработали план поимки беспокойных «мертвецов»: окружить кладбище полукольцом и, как только стемнеет, медленно, осторожно продвигаться к его центру — именно оттуда чаще всего доносятся вопли.

— Оружие проверьте, — напутствовал Нечай, — а то сдается мне, нечистая сила эта с... автоматом.

— Женский же голос, — засомневался Лесь.

— Кричит женщина, но это еще ничего не значит. Мы ведь не знаем, одна ли она разгуливает по ночам, да и откуда она — тоже не знаем. Но ради шутки этого никто делать не станет, от таких шуточек не до смеха. Провокация бандитская! — закончил убежденно Нечай. Еще попросил он, чтобы о предстоящей засаде на кладбище ничего не говорили Марии.

— Это почему же? — удивилась Надийка.

— Не верю я учительнице. Чужачка она, и мы для нее чужие.

— Опять за свое, Нечай? И въедливый же ты! Весь мир готов подозревать... — неожиданно повторила она слова Марии.

— Весь не весь, а целоваться с кем зря не буду.

— А как же, жди, захочет Мария с тобой целоваться!

— Отставить шуточки, — непримиримо сказал Нечай. — Не хочешь понять, что к чему, тогда приказываю не посвящать Шевчук в операцию. Как командир истребительного отряда приказываю!

— Ну, подожди, Нечай, — всерьез проговорила Надийка. — Буду на бюро райкома, там поговорим...

Кладбище не то чтобы в центре села, но и не на окраине его. Небольшое кладбище, обнесенное невысоким забором, обкопанное рвом, а по насыпи курчавится декоративный клен, разросшийся в сплошную зеленую изгородь. В центре заброшенная часовенка, от нее в разные стороны расходятся лучами аллеи. Возле могил деревья — черемуха, черешня, вишня, пахучий жасмин — они тоже разрослись на радость живым и безвредно для мертвых.

Поздним вечером ребята из истребительного отряда оцепили кладбище. Важно было, чтобы их не заметили раньше, до начала операции, иначе все сорвется. Поэтому Нечай, заблаговременно расположив ребят, приказал им не шевелиться, и не двигаться, и только к полуночи по сигналу начинать операцию.

Медленно тянулось время. Чернели в темноте кресты, пахла густо и сильно за могильными оградами метеола, было тихо. Как всегда, спутницей Леся была Надийка. По сигналу Нечая ребята двинулись к центру, сужая кольцо, только полоса метров в сто шириной осталась свободной, и вела она прямо к лесу. Но там в густых кустах залег с частью «ястребков» Степан Костюк. Небольшая хитрость, а нужная: решили комсомольцы обязательно дождаться, пока не понесется над кладбищем тоскливыи плач, и схватить «нечистую силу» на месте преступления.

Давно перевалило за полночь. Все было спокойно, равнодушно чернели кресты, пошел дождь, мелкий, надоедливый, ребята промокли до нитки — даже густой кустарник не спас. Нечай уже подумывал, что облава провалилась: или узнали каким-то образом о засаде, или у «нечистой силы» сегодня был выходной. Только собрался скомандовать отбой, как вдали на тропинке мелькнула чья-то тень. «Есть», — радостно подумал Нечай и приподнялся, стараясь получше разглядеть, кто идет. Разобрать было трудно. Нечаяю показалось, что тень одета в саван — она белым пятном выделялась на фоне густо подкрашенной ночной тушью зелени. «Девушка, — догадался он, — в белом платье».

«Воно» поравнялось с часовенкой, скрылось за нею, и в то же время над кладбищем раздался протяжный тоскливыи крик. И хотя его ждали, был он внезапен и жуток, пронзительно резал темноту, бил по напряженным до предела нервам, и звучала в нем злоба — к небу, к земле, к тем, кто спит под соломен-

ными крышами Зеленого Гая. У Нечая мурашки побежали по спине. Он пересилил себя, вскочил и первым бросился к часовне. А со всех сторон уже бежали хлопцы, перепрыгивая через могилы, натыкаясь на кресты. Кладбище ожило, наполнилось шумом, топотом многих ног — скрываться теперь было бесполезно — той, у часовни, никуда не уйти. Да она и не пыталась бежать, только вскрикнула, когда вязали руки.

— Попалась, пташка, — радостно сказал Нечай. — А ну, глянем, какая на вид есть нечистая сила.

Луч фонарика расположился темноту, уперся в лицо пленнице. Она зажмурилась, прикрыла глаза руками, а когда отняла их — комсомольцы остолбенели от изумления: поймали они Марию Григорьевну Шевчук! Учительница испуганно и жалобно сказала:

— Разве ж можно так пугать, хлопцы? Да еще на кладбище — и в могилу загнать недолго...

— Как вы сюда попали, Мария Григорьевна? — настороженно спросила Надийка.

— Я... — замялась Мария — ...Я была на хуторах у родителей своих учеников, да запутала, сбилась с дороги в темноте, еле добралась до Зеленого Гая.

— И вас отпустили одну, ночью?

— Вышла засветло, а беспокоить людей не хотелось...

— Извините нас, Мария Григорьевна, — нарочно спокойным голосом сказал Нечай. — Ошиблись мы. Слышали ведь крик?

— Да, конечно. Совсем рядом где-то — я прямо оцепенела...

— Сбежала «нечистая сила», воспользовалась тем, что вас ловим, и под шумок смылась. Прямо наваждение какое-то!

...На следующее утро Нечай уехал в район. Он больше не сомневался, что учительница Шевчук не та, за кого себя выдает. Возвратился к вечеру. Вместе с ним приехал инспектор райфинотдела, веселый, разбитной парень. Поручили ему провести ревизию в сельсовете, вот и приехал.

ШИФРОВКИ ИЗ КОНТАКТНОГО ПУНКТА

«Принято решение ликвидировать Нечая. Призываю под любыми предлогами заманить его к стадиону памятнику панским музыкантам. Операция назначена на завтрашний вечер. Можешь пригласить на свидание или сказать, что собираешься сообщить важные сведения. У памятника надо быть не раньше десяти. Там его встретят наши. Если не удастся, сообщи, когда будет комсомольское собрание, и добейся, чтобы после него Нечай пошел тебя провожать. Стась».

«Выполнить приказ отказываюсь. После засады на кладбище меня подозревают. Не исключено, что об этом знают чекисты. В таких условиях ликвидация инструктора райкома вызовет обыск, а возможно, и арест. Я окончательно попаду под подозрение. Зоряна».

ЧТО ПОЮТ В СЕЛАХ?

Мария ходила по близким и дальним селам, хуторам. Не так часто, чтобы привлекать внимание, но и не редко. От села к селу дорога. А есть еще и тропинки. Они вертелись по озими вокруг голубоглазых ставков, вились по краям лесов. Тропинки протаптывали проворные девчата, быстроногая детвора. У каждого крестьянина в окрестных селах родственники, сваты, кумовья. Этими ниточками связаны между собой селянские хаты крепко, хотя степень родства помнят только старые бабки. Недаром шутят: от родственника к родственнику — всю Украину пройти можно. Отсюда и тропинки.

Учительницу в окрестных селах знали. Оттуда ходили в зеленогайскую школу ребятишки — одна она на этот дальний кусок района. Встречали девушку приветливо. Усаживали за стол, ставили парное молоко, вслух удивлялись: такая молодая, а уже других учит... Рассказывала: «Ваш Петрусь очень стара-

тельный хлопчик», — потом доставала толстую тетрадь, начинала расспрашивать сама, не знает ли кто старых песен народных, пословиц, поговорок? Хозяева помоложе задумчиво чесали затылки, сокрушились: «Как-то не прислушивались...» Потом кто-нибудь обязательно вспоминал, что в соседней хате живет дед Панас, много он на веку всего пересидел и байки рассказывать горазд. Торжественно приводили деда. Тот, гордый всеобщим вниманием, охотно и щедро извлекал из памяти одну сказку за другой.

Смеются все дедовым байкам. Удивляются, что учительница так старательно, слово в слово, записывает их в тетрадь. Снисходительно улыбаются мужики: мало ли какие причуды у образованных. Им не вскакивать до рассвета, не спешить на поле...

Идет учительница от одного гостеприимного дома к другому. Все больше и больше записей у нее в тетради. Песен, народных дум, сказаний. Поздно возвращается домой. А то и вовсе заночует в дальнем хуторе, если уроки на следующий день позволяют. Привыкли люди к тому, что Мария Григорьевна за хорошей песней десятки километров пройдет. Комсомольцы предупреждают: «Мария, осторожнее — охотится за такими, как ты, Станичук». Мария улыбается, вежливо отвечает: «Пока все обходится, и дальше обойдется».

Однажды встретил ее Нечай. Поздоровались. Мария первой протянула руку, пожурила:

— Не заходишь, хлопче, в гости, совсем забыл...

— Боюсь: приду — и не уйду, — отшутился Нечай.

Поинтересовался инструктор райкома комсомола, что за песни и сказки собирает учительница. Протя-

нула Мария тетрадь. Иван прочитал: «Когда-то в стародавние времена ездил один мужик на панских лошадях с фурами всюду — пану деньги зарабатывал. Немало всяких чудес этот человек повидал...»

— Все ли, что собрано в тетрадке, относится к таким уж древним временам?

Учительница обидчиво поджала губы:

— Это фольклор, золотая нить языка нашего...

Нечай упрямо склонил голову, глянул исподлобья. Привычка такая у комсомольского инструктора: смотреть на тех, кто ему не правится, строговато, сдвинув брови на переносицу.

— Знаю я цену народной мудрости, мать эти песни пела, бабка эти байки сказывала. Но сейчас и другое поют в наших селах...

И неожиданно тихо пропел:

Ой, фашисты, чи бандери —
Одна катанина,
Ой коли б іх та забрала
Лихая година!

Голос у парня звонкий, чуть хрипловатый, послушный хозяину. Посерьезнел вдруг Иван:

— А вот эту молодежь особенно любит:

Бандерівські ботокуди,
Шо вы наростили?
Комсомольця молодого
Безневинно вбили.
Буйний вітер ваші кості
Погані развіє,
А забути комсомольця
Ніхто не посміє.

— Вот какие песни сегодня поют! И хоть написаны они недавно — это тоже фольклор: в них гнев

и ненависть народа! Знаете, кто автор, например, той, которую я пел?

Мария Григорьевна качнула головой, она торопливо, пристроив тетрадь на колено, записывала.

— Сложил ее комсомолец Микола Максис, во-лынчук. Восемнадцать лет было хлопцу, когда встретил свою смерть. А посвятил ее Микола двум комсомолкам, зверски замученным бандеровцами. Погиб хлопец от бандитской пули, а песня его борется...

Знал бы Нечай, откуда идет учительница, — по-другому бы разговаривал. Была Мария на лесном хуторе, что затерялся в такой чащобе — и пройти туда пелегко. В 1935 году появился в этих местах новый человек, Тарас Скиба. За большие деньги купил кусок леса. Батрацкие руки вырубили деревья, выкорчевали пни, кустарник, и эти же руки подняли землю, бросили в нее зерна, поставили дом-крепость и огородили его тыном выше человеческого роста. Редко ходит хозяин дома, Тарас, в села соседние, еще реже — люди к нему. Много рассказов кочует по округе о темных делах, что творились в былые времена (может, и сейчас, кто знает?) на хуторе.

Но это все догадки. Глухой лес, высоченный тын, псы-волкодавы надежно ограждают хутор от любопытных. Скибу называют двужильным — ни себе, ни батракам, которых нанимает посезонно, покоя не дает. Проработать у Скибы уборку, все равно что год катоги отбыть: это знают все парни-бедняки в округе. Знают и другое: растет у Тараса Скибы дочь-красавица. Вдвоем живут они на хуторе, мать девушки умерла еще в войну, как-то внезапно и тихо умерла.

Когда Мария подошла к дому Скибы, казалось, на подворье все вымерло. Только псы-цепняки осторожнело прыгали на забор. Наконец вышел хозяин. Хмуро осмотрел девушку, спросил, чего надо.

— Мне бы воды напиться, парит очень, — просительно проговорила Мария.

Скиба молча указал на колодец с притороченным к цепи ведром. Мария пила студеную воду, чувствуя на себе пристальный взгляд хозяина. Тот не уходил, что-то выжиная. Мария выпрямилась и спросила:

— Не знаете ли присказок народных?

— Кое-что знаю, — ответил неприветливо Скиба. — Ну, вот хотя бы эту: «Ты лошадь поил?» — «Поил». — Скиба задумался, потом проворчал: — А, дальше забыл. Может, вы помните?

— Вроде бы помню: «А чего ж у нее морда сухая?» — «До воды не достала».

Обмен паролями состоялся. Хозяина будто подменили.

— Проходьте в комнаты, — гостеприимно пригласил он.

В светлице вымытый до желтизны пол, герань на окнах, огромный фикус в кадке, занявший угол, патефон на тумбочке, прикрытый кисейной накидкой, иконы в вышитых рушниках, сундук самогонки на столе. За столом — трое.

— Слава героям! — сказала Зоряна.

— Героям слава! — откликнулись те, за столом.

ПРИКАЗАНО ВЗЯТЬ ЖИВЫМ

Фининспектор, приехавший вместе с Нечаем, оказался веселым, общительным парнем. Он недолюбливал акты и налоговые ведомости — просидел над ними вечер в сельсовете — и на этом закончил ревизию. Но покидать Зеленый Гай не торопился. Перезнакомился с хлопцами, девчатами. К нему привыкли. Был он человеком начитанным, рассказывал о больших городах, где ему довелось побывать. Однажды заговорили о том, кто кем станет, когда наладится жизнь, окрепнет разрушенное войной хозяйство.

— Поеду я в Киев, выучусь на инженера, — размечтался Лесь.

— А чего? — поддержали его хлопцы. — У тебя к машинам талант.

— Заканчивай школу да подавайся в институт механизации сельского хозяйства, — посоветовал фининспектор. — Вернешься потом в село, будешь механиком.

— Мало у нас машин. На весь колхоз одна....

— Потому что колхоз небольшой. Вот вступят в него все селяне — на широкие поля много машин понадобится...

— К этому дело идет, — согласились хлопцы. — Давно б колхоз окреп, если бы не бандеры проклятые...

Желтоватыми огоньками рдеют в темноте цигарки. Неторопливо идет разговор. Девчата тихо-тихо запели песню, хлопцы заслушались. Хороший вечер, тихий, и песня для души радость.

— Славный у тебя голосок, — похвалил фининспектор Надийку. — А ты кем станешь, дивчино?

— Учительницей... как Мария Григорьевна...

— Кстати, что-то ее сегодня не видно, — поинтересовался Нечай. — Не случилось ли чего?

Надийка ревниво передернула плечиком, сказала очень равнодушно, так равнодушно, что все на это обратили внимание:

— Ушла учительница в Долиновку. Говорила, там один старый много песен знает. Может, и заночевала где...

Нечай и фининспектор незаметно переглянулись. Посидели еще, поговорили. А когда луна выкатилась из-за дальнего леса, Нечай шепнул стоявшему рядом с ним Лесю:

— Тревога... Сбор «ястребков» с оружием через час у старой вербы около става. Передай другим. И чтобы тихо...

Фининспектор первым встал с дубков.

— Пора, хлопцы. Завтра опять за акты с утра садиться...

— И нам пора, — откликнулся Лесь.

А через час Иван Нечай представлял «фининспектора» комсомольцам истребительного отряда: «Лейтенант Василь Малеванный».

Лейтенант рассказал, что по полученным сведениям в старой мельнице находится контактный пункт националистов. Днем к мельнице никто не ходит — проверили. Значит, ночью... Задача «ястребков» — перехватить связника. Брать живым.

Лейтенант проверил оружие, распределил посты, договорился о сигналах. Комсомольцы по двое исчезали в темноте, кольцом охватывали мельницу, перекрывали засадами оба конца гребли. Василь с Нечаем забрались под куст верболова у самого водяного колеса. Поодаль укрылись Лесь и Надийка. Девушка уверенно держала винтовку, у которой забытливый Лесь подпилил приклад, чтобы удобнее стрелять — слишком велика трехлинейка для девичьих рук.

Долго лежали в темноте. Дурманяще пахли травы, тихо пробивалась из-под шлюзовых щитов вода. На ставу глухо шлепали широкими хвостами-лопатами разгулявшиеся карпы. В селе гасли окна.

Лесь лежал совсем рядом с Надийкой, она чувствовала теплоту его тела. Он наклонился, чуть слышно прошептал:

— Гарно, правда?

Надийка предупреждающе покачала головой: не отвлекайся, Лесь, слушай...

Невдалеке трижды ухнул пугач. Сигнал — рядом чужой. Надийка поудобнее перехватила винтовку.

Бандеровец шел по берегу ручья, через луг, откуда его совсем не ожидали, потому что ближайший

путь к мельнице от леса — через греблю, прямо у которой начинались столетние ясени. Шел мягким, неслышным шагом, пригибаясь, держа наготове автомат.

Гнат Дзюба, пятнадцатилетний хлопчина, только вступивший в комсомол (берегли его «ястребки» и, как казалось всем, поставили в самое безопасное место), следуя приказу, беспрепятственно пропустил бандеровца к мельнице. Миновал связник и Олеся с Надейкой. Совсем рядом прошел, метрах в двадцати. Приблизился к вербе, раскинувшей ветви над ручьем, и затаился в ее тени, неподвижный. И тут явственно услышали легкий звон металла. Это Гнат не утерпел, стало ему обидно, что самое главное произойдет без него. Пополз он за бандитом да зацепился за что-то винтовкой.

— Бросай збрюю! — сразу же крикнул бандиту Малеваний.

Бандеровец прыгнул в сторону, автоматная очередь выбила щепки из старого, почерневшего сруба мельницы. Так получилось, что лейтенант оказался в очень невыгодном положении — сорок метров земли, насквозь пробиваемых автоматом бандита. Василь октосточенно рвался через эти метры под прикрытием Нечая и других ребят. Хлопцы стреляли расчетливо, пули впивались в вербу, но бандеровца не трогали — был приказ взять живым. Связник, пригибаясь, побежал к ручью, там — трава по пояс, а еще дальше — лес.

Навстречу поднялся Лесь. С винтовкой наперевес он в несколько прыжков очутился рядом с бандитом. Тот на бегу вскинул автомат...

Упал Лесь, срубленный очередью.

Бандит сорвал с пояса гранату, все еще надеясь пробить дорогу. Вырвал кольцо, взмахнул рукой. Его опередила Надийка. Выстрел почти слился со взрывом гранаты, которую ослабевшая рука не бросила — оттолкнула на несколько метров.

И сразу стало тихо.

Хлопцы подняли Леся, вынесли на греблю. Лицо парня не потеряло напряжения последней минуты жизни; казалось, скомандуй — снова поднимется комсомолец навстречу бандитскому автомату.

Погиб комсомолец. Погиб боец...

Его и похоронят в этой земле. На вышитых руками старенькой неньки рушниках опустят гроб. Бросят по обычанию комочки земли — «любил он тебя — будь ему пухом», — и все село пройдет мимо свежего холмика с пятиконечной звездой.

...Бандитского связника тщательно обыскали. Ничего не нашли. Видно, спрятана была «почта», как это часто делали националисты, в металлической руашке гранаты. Взрыв унес тайну.

НЕНАДЕЖНЫЙ СОЮЗНИК

Лейтенант Малеванный и Нечай пришли в гости к Марии. Учительница их не ждала, но встретила приветливо. Она все еще находилась под впечатлением похорон Леся и печально повторяла:

— Какой ужас!.. Молодой хлопец, ему бы жить и жить...

Нечаю до боли в сердце хотелось крикнуть этой лицемерке: «Из-за тебя погиб Лесь! К тебе на связь шел бандит!» С трудом сдержал себя, отвел глаза, чтобы не выдали, подошел к книжной полке. Книг было немного: школьные учебники, Иван Франко, Коцюбинский, Леся Украинка. Ивану показалось, что среди них он узнал ту, с которой ходила учительница к мельнице: томик стихов Тараса Шевченко! Полистал. В глаза бросилось — местами не хватало страниц, были они вырваны, что называется, с мясом. Иван в недоумении уставился на учительницу. Значит, она и вправду рвала тогда страницы из книги? Не записку, не письмо? Мария перехвати-

ла его взгляд, не дожидаясь вопроса, дружелюбно спросила:

— Любите Тараса Шевченко? Могу дать почитать. Там, правда, нет нескольких страниц, дурная привычка, когда задумаюсь, мну и рву все, что ни попадет под руку, — вот и испортила книгу.

Объяснение звучало вполне естественно и правдоподобно. Малеванный объяснил цель прихода:

— Много слышал о вас от молодежи, а до сих пор не познакомился. Неудобно как-то.

— Очень рада, что зашли на огонек. Значит, будет у меня вечер не такой скучный, как все.

— Да, веселья у нас немного. Я вот с ревизиями во многие села езжу, а в такую глухомань попадаю впервые.

— Не говорите, — согласилась Мария, — одно спасенье — работа, не то совсем закисла бы. Люди, правда, здесь хорошие живут. А сколько песен знают, только диву даешься!

«Ишь ты, заливаются, — неприязненно думал Нечай, — голову в заклад даю, вертит хвостом». Вчера Нечай предложил сделать у Марии обыск. С гибелю связника все ниточки к тайнику были порваны, и только тот, кому предназначалась «почтa», мог их приоткрыть. Что таким человеком была Мария, Нечай не сомневался. Иначе б не ходила к мельнице через день-два.

Малеванный не согласился. Он изложил свои доводы. Что даст обыск? Практически ничего. После боя с бандитом те, к кому он шел, настороженны, наверняка уничтожили все улики. Схватить их за руку не удастся. Какие подозрения против учитель-

ницы? Прогулки к мельнице? Ну и что? Разве не может гулять она где вздумается? Если Мария Григорьевна действительно связана с националистами, она рано или поздно не только себя — других выдаст. О том, кто на самом деле Малеванный, знают лишь «ястребки». Они предупреждены, болтать не будут. Фининспектор — парень молодой, почему бы ему не заинтересоваться красивой девушкой? Вот и можно для первого знакомства сходить к Марии Шевчук в гости.

— Ты понимаешь, горячая твоя головушка, — убеждал Василь Нечая, — какой шум произведет обыск у учительницы? Все село о нем узнает — ей после этого здесь не жить. А если она не виновата? Мало ли случайных совпадений бывает! Кстати, мы проверили: в ту ночь, когда вы засаду устроили на кладбище, Марию Григорьевну действительно видели на дальних хуторах.

Нечай вынужден был признать соображения Малеванного существенными. Он вновь и вновь вспоминал встречи и разговоры с учительницей — обычная девушка, может быть, несколько изнеженная для здешних мест. Нечай попытался поставить себя на ее место: чужое село, малознакомые люди, маленькая комнатушка, в которую рано вкрадываются сумерки, одинокие вечера. И наверное, страх — напугана разговорами о зверствах бандеровцев. Недавно приехала, а уже слышала выстрел в Данилу, была на похоронах Леся... «Слишком подозрительным становлюсь, — ругнул себя Нечай. — И правда, плохой это союзник — певерие в людей».

Зоряну встревожило посещение Малеванного и

Нечая. Где, в какой мелочи ошиблась? На хуторе Скибы ее никто не видел — это точно. Не было за нею слежки и в другое время — проверяла. На особенно ответственные встречи ее сопровождал Остап, тот самый, что приходил как-то почью в эту комнату; кличка — Блакытный. У Остапа была тройная задача: берегать Марию от своих и от чужих — мало ли в какую окажио могла она попасть на лесных дорожках, тщательно следить за каждым шагом курьера, служить «визитной карточкой» Зоряны во время переговоров с вожаками националистических группок. Некоторые проводники не очень-то доверяли паролям и предпочитали старый проверенный способ опознавания: среди пришедших должен быть человек, которого они или кто-либо из их приближенных знали бы лично. Остапа Блакытного, уроженца этих мест, знали многие.

Обычно он шел в стороне, за сотню шагов от учительницы, редко выходил на тропинки и дороги. Зоряна почти никогда не видела, где он в данную минуту. В одном была уверена: стоит позвать, как бандеровец мгновенно окажется тут как тут. Нет, Остап обязательно заметил бы слежку, если бы приселился «хвост». Тогда где же ошибка?

Обо всем этом думала учительница, оставаясь радушной хозяйкой, шутя с Малеванным и Нечаем, жалуясь на трудности в школе, рассказывая о забавных сценках во время посещения ~~сел~~.

Малеванный между тем внимательно осматривал комнату, прикидывая, где бы мог находиться тайник. Но в глаза бросались второстепенные детали: гвозди для одежды, неумело забитые женской рукой, спицы

для вязанья, резиновые сапоги, забрызганные грязью. Взгляд остановился на неплотно пригнанной половице. Василь прошелся по комнате — половица скрипнула. Мария равнодушно сказала:

— Беда с полом, рассохся, трещит...

— Сейчас посмотрим, что можно сделать.

— Нет, что вы, не надо. Я уже договорилась с плотником, завтра придет, починит... — Мария подошла к лейтенанту, и доска, на которую она ступила, скрипнула опять. Теперь Василь не мог поднять половицу, для этого пришлось бы попросить учительницу отойти в сторону.

— Кстати, — сказала Мария, — не нашли тех, к кому шел бандит, убивший Леся?

— А ты откуда знаешь, что это был связник? — быстро, вопросом на вопрос, откликнулся Нечай.

— Люди говорят...

— Пусть их ищут те, кому положено. Наше дело — ревизии... — Малеванный даже рукой взмахнул, будто отбросил на счетах костяшки. — Дебет кредит...

— Так уж? — иронически улыбнулась Мария. — Кажется мне, что это прямое ваше дело, товарищ Малеванный.

Малеванный бровью не повел. В отличие от Нечая, который удивленно захлопал ресницами.

Лейтенант обернулся и внимательно посмотрел на нее. Подошел поближе, взгляделся в фотографию в причудливой рамке, которую до этого закрывали книги: средних лет мужчина, жилистая шея, равнодушные глаза.

— Кто это?

— Так, знакомый...

— Видно, хороший мастер снимал — отличная работа. Не знаете, в какой мастерской?

— Посмотрите, там написано.

Лейтенант отодвинул крышку. На белом фоне четкая надпись золотом: «Фотоателье Ф. И. Возного». У владельца ателье от частого употребления испортился штамп — буква «ф» стерлась и едва просматривалась.

— Буду во Львове, обязательно сфотографируюсь у этого Возного.

— Вряд ли удастся. Насколько я знаю, пан Возный уже давно обанкротился...

Когда Василь и Нечай возвращались от учительницы, инструктор райкома комсомола возбужденно говорил:

— Ну и штучка эта Мария!.. Видел? Хитрая какая, словами сыплет, а не за что ухватиться.

— Дивчина как дивчина, — равнодушно ответил ему Василь. — Красивая — вот это верно.

ВЛАДА — ЛЕСНАЯ КОРОЛЕВНА

Занятая подготовкой к операции «Гром и пепел», банда Страфийчука на время прекратила активные действия, затянулась, накапливала силы. Изредка приходили в банду связники из окрестных сел, сообщали, что в округе спокойно, вот только комсомольцы собирают вокруг себя молодежь, «работать» стало трудно, знают они все и всех.

Комсомольцы Зеленого Гая действительно времени даром не теряли, использовали затишье для подготовки к новым боям. Неутомимый Нечай почти каждый день проводил с хлопцами занятия по строевой подготовке, на пустыре за сельской оконицей был оборудован тир, оттуда часто раздавались выстрелы. Отряд разросся, демобилизовывались из армии солдаты военного призыва, возвращались по домам. Особенно обрадовался Нечай, когда почти одновременно прибыли два брата-близнеца Гаевые, сержанты Роман и Петро. Братья были дружками Нечая еще по

школьным годам, вместе воевали в партизанском отряде, а когда пришла Советская Армия — им едва исполнилось семнадцать, — ушли добровольцами на фронт, добивали фашистов где-то в Германии. Ромка и Петр явились в Зеленый Гай в полной парадной форме, с орденами и медалями, заработанными в боях, быстро разобрались в обстановке и уже на второй день пришли к Печаю — принимай в отряд. Иван назначил их командирами отделений, и братья, привычно вскинув винтовки на плечи, начали муштровать свои отделения, да так, что хлопцев прошибало до седьмого пота. Они водили их в «атаки», рассыпали цепью, учили рукопашному бою и хитрой тактике засад — кто знает солдатскую науку лучше сержантов?

— Ну, бандерам крышка, — удовлетворенно сказал как-то Нечай. — Легко им было убивать старых да малых, пока хлопцы на фронтах сражались, теперь же мы — сила.

Комиссаром отряда стала Надийка. После смерти Леся она очень изменилась — посупровела, редко пела песни, почти все свободное время отдавала комсомольской работе. Впрочем, то, что она делала, трудно было вместить в планы мероприятий, регулярно отсылаемых в райком: просто Надийка часто беседовала с хлопцами и девчатами про то, про это, рассказывала им газетные новости, кого-то убедила в колхоз вступить, кому-то помогла вместе с комсомольцами новую хату поставить, добилась-таки, что открыли в Зеленом Гае вечерний пятый класс, сама ходила по хатам, убеждала родителей не препятствовать детям, которые к знаниям тянутся. Вот из таких встреч, бесед, забот и слагалась Надийкина

комсомольская работа... Надийка не расставалась с пистолетом, да и комсомольцы берегли своего секретаря. Девушка сперва не замечала той негласной охраны, которая сопровождала ее повсюду, — просто собирается идти к родственникам в соседнее село, и обязательно кому-нибудь по дороге с нею. А когда узнала, рассердилась:

— Что я, хлопцы, маленькая?

— В том-то и дело, что не маленькая — очень уж заметная, большой человек, — пошутил Нечай.

Себя же Нечай не берег. Он мотался по дальним хуторам, куда еще только вторглось новое, — немало было там хлопцев и девчат в батраках у лесных хозяйствиков. Обездоленные войной, отрезанные от людей зеленым морем леса, они гнули спины на какого-нибудь «благодетеля» за кусок хлеба, за новые чеботы * к рождеству.

Нечай находил с ними общий язык, и это была его победа, когда батрачка Марыся пришла к Надийке с листком бумаги, на котором коряво было выведено: «Прошу дуже запысаты мэнэ до комсомолу...»

У Нечая на хуторах прибавилось много друзей, с их помощью он узнавал о всех подозрительных событиях, происходящих в округе; например, о том, что баба Кылына самогону много варит, а не продает — куда девает? — или что Панько одноглазый нагрузил на воз три мешка муки, уехал к вечеру, возвратился без ничего — кому возил? Эти и другие сведения попадали через комсомольцев к лейте-

---

* Чеботы — сапоги (укр.).

нанту Малеванному, он их изучал, сортировал, принимал свои меры. Побывал Нечай и на хуторе Скибы. На свое счастье, попал туда, когда хозяина не было дома, а то неизвестно, как закончился бы этот визит, — Скиба не любил непрошеных гостей, а болото рядом — мог же Нечай заблудиться и утонуть?

Подходя к хутору, Нечай прихватил палку. Непривязанные псы, тосковавшие без дела, лениво подняли уши, так же лениво встали, учуяв Ивана. Правда или нет, но говорят, будто собаки инстинктивно перенимают нрав хозяина, и у добрых людей они тоже становятся добрыми, а у злых превращаются в ведьмаков. Первым набросился рыжий. Он несся стрелой, прижав уши к спине, захлебываясь от бешенства, шагах в двух от Нечая пружинисто оттолкнулся от земли, чтобы с ходу сбить жертву с ног. Иван коротко размахнулся и вытянул рыжего дрючком меж ушей так, что тот, перевернувшись в воздухе, мешком с половой шлепнулся на землю, забился в судорогах. Остальные сразу растеряли пыл, завыли, зарычали, но конец рыжего был настолько впечатляющим, что броситься на Нечая не решился ни один.

— Убил! Убил Полкан! — выскоцила из дома высокая, статная девушка. Она, видно, мыла полы: юбка высоко подоткнута, в руках тряпка.

— Развели волков! Или людей боитесь? — зло сказал Нечай. — Не подохнет твой Полкан. Собаки, они живущие...

— Твое счастье, что никого на хуторе нет...

Нечай отбросил дрючок, подошел ближе.

— Ну, здравствуй...

— День добрый, — ответила девушка на приветствие, бесцеремонно разглядывая гостя.

Иван тоже исподлобья поглядел на нее: кто такая? Девушка одета была в вышитую блузку, простенькую, для дома. Белокурые косы тяжелым венком лежали на голове. Глаза темные, с чуть приметной раскосинкой, а лицо скучастое — видно, текла в ее жилах доля восточной крови.

— Где глаза такие отхватила? — грубовато пошутил Нечай.

— Нравятся? — кокетливо спросила девушка и сразу же стерла улыбку. — Зачем пришел?

— В гости к тебе! Только встречаешь не больно приветливо, чуть псами не затравила...

— Не мои собаки — отцовы.

«Дочка Скибы, — сообразил Иван. — Ведь говорили же, что у кулака есть красавица дочь».

— Как зовут?

— Влада.

— Красивое имя, древнее...

— Каким нарекли, то и ношу.

Влада обеспокоенно поглядывала на дорогу, которая вела к хутору. Время возвращаться отцу, что подумает, когда увидит ее с незнакомым хлопцем? Скиба раз и навсегда запретил дочери приглашать к себе на хутор кого бы то ни было. Редко-редко отпускал ее к крестной матери в соседние Подгайцы. А так для дочери ничего не жалел, щедро покупал наряды, красивые безделушки, потакая ее капризам. Скиба приучал дочку к лесной жизни, привил страсть к охоте, подарил дорогую бельгийскую двустволку, и Влада часами бродила по болотам, по лесным ча-

щобам, почти никогда не сталкиваясь с людьми — на север от хутора лесам не было конца-краю. Ведь не считать же людьми лесовиков, которые забредали к Скибе, яростно глотали вместе с ним самогон, вечно боялись всего, хватались как дурные при каждом шорохе за автомат. Впрочем, когда один из бандитов бесцеремонно облапил Владу, у Скибы кровью налились глаза, и он не сказал — прорычал: «Убью!» Можно было не сомневаться — убьет: хуторянин в гневе страшен, а силы ему ни у кого не занимать. Скиба любил дочь, не было у него никого, кроме нее. Любил, но не баловал, не раз повторял: «Кто рано встает, тому бог дает». И вставала Влада до зари, весь день моталась по хозяйству, и только иногда к сердцу подступала злая тоска. Подходила тогда к зеркалу, смотрела на себя, думала: «Кому нужна моя краса? И что это за жизнь такая — все тайком, прячась от людей?»

Скиба в мечтах видел свою дочь богатой господаркой, муж у нее первый человек на всю округу, ломают перед Владой шапки за десять шагов. Давно, еще при панах, был он во Львове и видел там на балу, куда случайно попал, утонченных, образованных панянок — такой будет и его Влада. Но для этого надо, чтобы настали другие времена, и тогда старый Скиба покажет, чего он стоит, прижмет к ногтю окрестную голытьбу, будет хозяином, каких мало в крае. Вот о чем мечтал сумрачными вечерами хуторянин Скиба, делился своими планами с дочерью, а та лишь тяжело вздыхала: «Жизнь проходит, тато. Я ведь и сейчас могла бы учиться — никто не мешает». — «Не при Советах!» — вскипал Скиба. «А что

вам плохого сделали Советы?» Дочка в упрямстве не уступала отцу. «Руки мие сковали своими законами. Последнее отберут — босякам да лодырям раздадут». Скиба тупо смотрел в окно. Что отберут — так это точно, Страфийчук не раз говорил. Отобрали же у других заможных хозяев, а до него не добрались, не успели — живет на отшибе, в лесу. И уже примеривался Скиба, как стрелять будет в тех, кто придет отбирать у него добро...

Не знал всего этого Нечай, когда встретился с Владой, как не знал и того, что случайно забрел он в осиное гнездо.

— А ты ведь себя не назвал, — вдруг сказала Влада. — Негоже так: мое имя выпытал, а свое не сказал.

— Зовут меня Иваном. Иван Нечай, — протянул руку инструктор райкома.

— Нечай... Нечай... — Влада вспоминала, где она слышала эту фамилию. Кажется, ее с проклятиями упоминал Страфийчук в разговоре с отцом... Ну, конечно же, Стась грозился добраться до вожака комсомольцев Нечая...

— Ты в комсомоле работаешь? — спросила Влада.

— Да, — удивился Нечай. — А ты откуда знаешь?

Странная девушка: по виду не скажешь, что из пугливых, а все время озирается, нервничает — на щеках вспыхивает и исчезает румянец, руки теребят передник.

— Ты как сюда попал?

— С дороги сбился. Шел в Зеленый Гай и за-плутал.

— Добрый же тебе круг пришлось сделать...

— И то уж думал, не выберусь.

— Сейчас я тебя на стежку выведу...

Влада сбежала в дом и возвратилась в сапожках, на плечах — платок. Девушка очень волновалась и не скрывала это. И когда Нечай спросил, что ее тревожит, она в ответ ускорила шаг и, только уйдя на порядочное расстояние от хутора, облегченно вздохнула.

— Вот эта стежка и выведет тебя на дорогу.

— Дякую, дивчино. Увижу ли тебя еще?

— А хочешь? — дрогнувшим голосом спросила Влада.

— Так какому же хлопцу не захочется с такой дивчиной встретиться? — В глазах у Нечая запрыгали лукавые искорки. — Приходи к нам в клуб.

— В Зеленый Гай мне дорога заказана, — печально ответила Влада. И вдруг предложила: — А знаешь что, приходи ты в воскресенье к Змеиному болоту.

[REDACTED]

ГЛУХО ШУМЕЛИ ДЕРЕВЬЯ

На крылечко дома кто-то положил цветы. Зоряна пересчитала их: семь ромашек, махрово-красный георгин. Ее хотел видеть сам Страфийчук, встречу назначал на воскресенье, дорогу должен показать Остап.

На свидание с проводником Зоряна собиралась долго и тщательно. Задумчиво перебрала свой небогатый туалет. Что надеть? В конце концов Зоряна выбрала простенькую суконную юбку, вышитую блузку, расшитый кептарь. Ради воскресенья наудела нитку разноцветных бус. На волосы набросила шелковую косынку. Она знала, что паряд ей к лицу, и в то же время она выглядит достаточно скромно — никакого вызова деревенскому общественному мнению.

По пыльной дороге мальчишки гоняли тряпичный мяч, совсем как в ее родном селе. Они дружно загалдели, увидев учительницу. На скамейках сидели принаряженные молодицы. Пока старшие от-

дыхают, хохжинчат молодые, зато на вечер никто, даже самые строгие родители, не посягнут. С учительницей здоровались приветливо: учитель — первый на селе человск. О ее любви к песням знали уже все. Советовали, к кому зайти, называли окрестные села, известные своими певуньями.

Девушка свернула на боковую стежку, что вела к ставу, к заброшенным торфоразработкам, дальше — в лес. Остап уже ждал Зоряну у старого каменного памятника. Рассказывали, что когда-то вельможный польский пан приехал в эти места поохотиться и повеселиться. Пока бухали паны и подпанки в камышах по уткам, челядь расстелила на пригорке скатерти, поставила вина. Паны пировали, а по ставу на лодке плавали музыканты, услаждали их яновельможностей полонезами и вальсами. Перевернулась лодка, пошли музыканты на дно. Никто не выбрался. На том пригорке и сложили им памятник. Об этом поведал Зоряне Остап, когда шли они лесом. Идти было далеко, поэтому не торопились, чтобы не устать раньше времени. Остап был без автомата, и вряд ли кто заподозрил бы в этом черноволосом, медлительном хлопце бандита-бандеровца.

Он прекрасно знал лес. Вот и сейчас Остап рассказывал Марии, что самыми первыми зацветают весной мать-и-мачеха, гусиный лук, сон-трава. На глинистом откосе он отыскал побеги с большими листьями, протянул Марии. Девушка притронулась: сверху гладкие и прохладные, снизу теплые и пушистые.

— Потому народ и называет мать-и-мачехой: холодные, жесткие, как мачеха, ласковые, теплые, как мать.

— Мирный ты человек, Остап. Добрый бы из тебя садовник вышел. Или лесник. А ты за автомат взялся...

Блакитный молчал. Он приходил теперь на установленные места в чистых сорочках, побритым и припароженным. С весной стало легче жить в лесу, можно было и покупаться в озере и постирать. Зоряна обратила внимание на эту перемену, пошутила:

— Уж не надумал ли жениться?

— А что ж, — лениво ответил Остап, — и мы же люди.

— Ну какой ты человек? По лесам блукаешь, людей губишь...

Остап вспыхнул, сердито засопел, ускорил шаг.

— Так и до вечера недотелепаемся...

Потом вдруг сказал горячо и взволнованно:

— Бьешь под сердце. Сама не лучше меня. Чего полезла в петлю? Мне то что, я с войны свою долю с лесами связал, а ты?

— Не было у меня другого выхода, — тихо ответила девушка. — Не себя, детишек не смогла под ваш нож подставить.. Убили бы, как Стафийчук грохился?

— Он бы убил...

Остап помрачнел. Давно вели они между собой такие откровенные разговоры. А поводом послужила листовка, которую случайно увидела Зоряна у Блакитного.

...Было это на лесном хуторе у Скибы. После первого визита Зоряна не раз пробиралась лесом к усадьбе Тараса. Лучшую «зачепную хату» найти было трудно.

Однажды ее, вот так же, как сегодня, сопровождал Остап. Пока Зоряна вела переговоры с Шуликою — осторожным и напуганным облавами бандитом из дальнего Бурлацкого леса, — Остап сидел на скамеечке, зорко посматривал по сторонам. Потом достал из кармана листок бумаги, начал читать, ведя пальцем по строчкам. Зоряна тихонько вышла из хаты, заглянула через плечо Блакытного: «...сдавайте оружие, выходите из лесов... Если на вашей совести нет...» — разбирал по слогам Остап. Увидев учительницу, он поспешил сунуть листовку в карман.

— Поздно. Видела. — Она спокойно смотрела на бандеровца.

— Иди донеси! А то, может, сама пришьешь?

— Тише, скаженный. — Зоряна взмахом бровей указала на окна хаты. — Потом поговорим. А сейчас марш в лес — охолонь...

Было уже поздно, в ненастье ночь упала на лесной хутор внезапно. Зоряна решила заночевать. Хозяин отправил ее и Остапа спать на сеновал, кинув туда два кожуха: «Больше нет, не обессудьте». Остап привычно разровнял душистое сено, пахнущее мятой, чабрецом и еще какими-то травами, названий которым Зоряна не знала. Кожухи он протянул девушке:

— Заворачивайся и ложись. Ночи еще холодные, как бы не продрогла.

— Стели на двоих — один кожух вниз, другим укроемся. Не погрыземся, в одной стае ходим...

Они лежали в темноте — спина к спине — чувствуя дыхание друг друга. Молчали. Сквозь худую крышу виднелись клочки растревоженного непогодой

неба, влетал порывистый ветер, и тогда сено шуршало, шевелилось, будто тянулось к небу и к ветру.

— Как в могиле лежим, — первым не выдержал Остап. Он повернул голову к Марии. — Скажешь Стафийчуку, Зоряна?

— А то! Может, убьешь?

— Не могу. Но Стафийчук узнает — не простит.

— Не такой он всесильный, твой Стафийчук. Тоже мне, герой нашелся...

Скрипнула дверь, кто-то вышел во двор, мягко шлепая сапогами по траве.

— Не спит хозяин. Видно, неспокойно на душे.

Остап прислушался к звукам во дворе. Долгие месяцы лесной жизни научили его воспринимать мир на слух так же уверенно, как и глазами. И сейчас он точно определил, что делает Скиба.

Скрутил цигарку. Закурил. Потоптался на месте. Проверил, заперта ли калитка. Но вот Скиба почему-то затаился. Это встревожило Остапа, он потянулся к пистолету, который положил сбоку, у бедра — так можно стрелять моментально. Девушка придержала его руку:

— Затихни.

В проеме показалась голова Скибы. Он долго всматривался в лежащих неподвижно Остапа и Зоряну и, только убедившись, что они спят, так же тихо спустился вниз.

— Проверяет...

— Не такой уж он всесильный, твой Стафийчук, — возвратилась к прерванному разговору Зоряна. — Надумал выходить из леса? — вдруг напрямик спросила она.

— Не знаю, ничего не знаю... Хоть так, хоть эдак — один копец!

В словах Остапа прозвучала тоска. Девушка успокаивающе провела рукой по его волосам, неожиданно спросила:

— Боишься смерти?

— Боюсь...

— А как других убивал?

— Нет на мне чужой крови. Пока нет.

Бывают ночи, как и людские характеры, — неспокойные. От них не спрячешься в себе. У кого воля сильная, тот молчит до рассвета, скав зубы. Другим надо обязательно выговориться.

...Остап говорил прерывисто, сбивчиво, боясь, что его сейчас перебьют и останется камнем на душе недосказанное. Это была обычная история полуграмотного сельского хлопца, батрака богатых хуторян, обманутого звонкими националистическими лозунгами.

Отец умер, когда Остапу было десять. Осталось их у матери двое: он и сестра Гафийка, младшенькая. Босые ноги пастушонка истоптали все луга в округе. Потом умерла и мать. Жили в землянке. Остап батрачил. Приносил сестре кусок хлеба, который удавалось взять с хозяйственного стола. Сестра тоже подросла, пошла в няньки. Стали жить немного лучше — Остап был неплохим работником, здоровым, дву警惕ным хлопцем, и платили ему теперь больше.

Когда в Западной Украине установилась Советская власть, Остапу дали землю, помогли семенами. Он послал сестру учиться в школу. И вдруг — война.

Фашистский комендант надругался над пятнадцатилетней Гафийкой...

В южной зимней ночью Остап подался в лес. На свою беду попал не к партизанам — к националистам. Те вышколили, вымуштровали из хлопца «боевика». С фашистами жили мирно. Мелкие дрягги не в счет. Остап все ждал, когда настанет обещанный день расплаты над катами, да так и не дождался. Шли дни, и время зарубцевало рану. А комендант все-таки получил свое — от рук партизан.

У Остапа же на смену мести пришли новые чувства — страх перед Ставицким, страх перед крестьянами, которых грабила банда, страх за убийства, поджоги, налеты на села. Все это творила банда, и каждый в ней нес на себе кровь, пролитую сообща.

— Вот так, Зоряна, — с болью закончил исповедь Блакитный. — Могло ведь все быть по-другому.

Девушка не знала, верить ему или не верить. Если обманывает, то для чего? Проверяет? А если искренне? Зоряна обязана была сразу же донести о настроениях Блакитного Ставицкому. Они опасны для всех. Но Мария Шевчук еще не до конца стала Зоряной.

— А над тем, что ты говорил, я подумаю...

* * *

— ...А что бы ты сделал с фашистским комендантом, если бы вдруг встретил его?

Остап не сразу понял, о чем его спрашивают. Они уже далеко ушли от села и пробирались лесной тропой в густом лещиннике. Гибкие ветви хлестали

по лицу, по одежде. Не больно — одетые в легкую зелень, они ласково прикасались к путникам.

— О чём ты, Зоряна?

— Вспомнила наш разговор... Вдруг бы встретил ты того ката?

— Убил бы, гада! Этому меня дуже добре теперь обучили!..

Она вновь удивилась происшедшей в парне перемене. Только что шел по лесу спокойный, внешне ко всему равнодушный, песенку на свистывал. Сломал ветку и по-мальчишеской привычке рубанул головы белобровым ромашкам. Услышал крик кукушки, стал сосредоточенно считать: «Раз... два... три... десять... Мало наворожила лесная птаха...» А тут передернулся лицо в жесткой гримасе и даже походку сменил — пошел пригибаясь, будто ожидая, что сейчас из-за какого-нибудь дерева появится фашист и он бросится на него, вцепится в глотку.

— Убил бы!..

Нет, видно, не все раны зарубцовывает время и не всякую боль забывает память.

— Так чего же сам стал фашистским посыпакой?

Они стояли друг против друга на лесной тропе. Блакитный шагнул к девушке, поднял руку... Она не отступила, не побежала — тоже шагнула ему навстречу. Остап схватил ее за плечи, сжал, повернул резко — глаза в глаза. Оттолкнул — понял, что ничего не сможет ей сделать, прохрипел:

— Как же ты нас ненавидишь!

— А то, думаешь, люблю? — Она поправила волосы, одежду. — В свою упряжку запрячь вы меня смогли, любить — не заставите!

— Прикончит тебя Страфийчук. Узнает тебя поближе — и...

— Если ты не донесешь — не узнает. Мы с тобой теперь квиты. Листовку выбросил?..

— Нет. Будет пропуском — здесь написано.

— Дурень. Если найдут — погибнешь ни за что.

— Скажу, на цигарки подобрал.

— Так тебе и поверят... Гляжу на тебя и не понимаю. Хлопец ладный, такому б сейчас труд по душке, дивчину кохану — жил бы припеваючи. А ты — куда ветер тебя согнул, туда и стелешься.

Она сказала это беззлобно, жалеючи непутевого парня, у которого не выдалась доля.

— Кстати, знаешь, кто убил коменданта?

— Партизаны. Нас тогда здесь не было — водил Страфийчук в ровенские леса.

— Отомстил за твою Гафийку замечательный парень...

ДАЛЬНОСТЬ ПОЛЕТА ПУЛИ – ТРИ КИЛОМЕТРА

Он лежал здесь с ночи, много часов подряд. Неподвижно лежал, и даже куст бузины, который его укрыл, не шевелился. Почти рядом с его засадой высыпался каменный памятник панским музыкантам, так и не доигравшим для их вельможностей последний полонез. На памятнике сельские мальчишки гвоздями выцарапывали свои имена и имена подружек. Серый камень крошился, и гвозди оставляли в нем глубокие борозды. Его имя тоже было выцарапано у самой вершины памятника — для вечности. Он знал здесь каждую складку на земле — этот куст и серый валун были его знакомцами. Он еще раньше решил, что укроется в густом, огромном кусте бузины, как хохолок торчавшем на краю канавы, перерезавшей пригорок. Оттуда видно далеко вокруг. Хаты на противоположном берегу. Камыши под кручами. Бывший панский фольварк.

Дрема навалилась вместе с рассветом. Он разрешил се-

бе закрыть глаза, забыться, положив голову на руку. И хотя это был не сон — так, не переставая чувствовать все вокруг, не спят, — несколько минут приободрили, немного сняли усталость. А рука не должна дрогнуть, иначе все будет напрасно...

Первыми на сельских дворах появились хозяйки. Они с ведрами прошли к хлевам, и было слышно, как протяжно мычат коровы, а еще ему показалось, что он услышал тугой стук молочных струй по донцам ведер. Но это только показалось — до села, например через став, два километра.

...Надо будет обязательно учесть ветер, хоть и слабый он...

На ветку совсем рядом села пичуга, склонила голову набок, глянула зеленым глазом. Человек, большой, неподвижный, распластанный на земле, внушил доверие, и пичуга принялась чистить-острить клювик. Для нее тоже начинался трудовой день.

На бывшем панском фольварке, как маятники, вышагивали часовые. Бегала солдатня, сыто урчали грузовики — шоферы пробовали моторы. Но прошло еще два-три часа — солнце окончательно влезло на небосвод, пастушата прогнали стадо к лесу, роса подсохла, а земля прикрылась кисеей легкой дымки, прежде чем во двор фольварка въехал вездеход. Солдаты построились в прямоугольник.

Он потянул винтовку к себе, намотал ремень на локоть левой руки, уперся локтем в давно приготовленную ямку. Ему захотелось, чтобы земля остановилась в своем движении по вселенной, потому что на какой-то миг показалось, будто зашаталась она, и края горизонта справа и слева поднялись и опусти-

лись, как волны в море. В прорезь прицела был виден комендант! Он приехал не парад принимать — через несколько минут солдаты по команде прыгнут в кузова машин, и эти машины, пушки двинутся в лес. Фашисты долго и тщательно готовились к карательной операции, надеясь разом покончить с партизанским отрядом.

У него были свои счеты с комендантом. Но сейчас он думал только о том, что не должен, не имеет права промахнуться, хотя и легли между ними два километра. Если промахнется, комендант не станет дожидаться второго выстрела, укроется за вездеходом — там его не достать.

Глазам больно — они устали.

Солдаты замерли, два офицера, выкидывая ноги, пошли навстречу друг другу.

...Дальность полета пули — три километра, прицельная дальность стрельбы — две тысячи метров. Планка на прицеле была отжата до отказа...

Офицеры сошлись точно у середины солдатского прямоугольника, остановились, приложив руки к козырькам...

И тогда он нажал на спусковой крючок. А потом уходил к лесу, не пригибаясь, во весь рост — он свое дело сделал, теперь скрываться было нечего. Партизанская пуля навылет прошила фашистское сердце. В лесах и селах об этом выстреле сложили легенды...

У него были свои счеты с комендантом. Это его имя было выбито дружками у самой вершины памятника: «Гафийка+Данько=любовь». Это его любовь измордовал фашистский кат. Данила Бондарчук

отомстил, как и подобает мужчине, — кровь за кровь...

— Данила Бондарчук, комсомольский секретарь? — не сразу поверил Остап Блакитный.

— Он после стал секретарем — как из леса вышел.

— В него наши недавно стреляли?

— Лежит Данила в больнице, пуля рядом с сердцем прошла...

Остап обхватил голову руками.

— Если бы я знал все это раньше...

— То что бы сделал?

— Предупредил Данилу... Я ведь, выходит, его вечный должник.

— У тебя будет еще возможность отдать свой долг Даниле.

Она сказала это жестко и твердо.

Опять пошли лесными тропами, и чем дальше уходили от жилья, тем гуще, непроходимее, сумрачнее становился лес. Остап кружил по полянам, чутко прислушивался к шуму деревьев, несколько раз останавливался и даже возвращался назад.

Девушка хотела сломать ветку, обмахнуться зеленым веером — в лесу было душно. Остап перехватил ее руку, предупредил, что здесь нельзя оставлять никаких следов. Потом исчезли веселые, прикрытые травами полянки. Мягко пружинил под ногами мох, поваленные ветрами деревья и в разгар дня были мокрыми, скользкими — солнечные лучи не пробивали густую корону.

— Далеко еще? Ноги сбила, тяжело идти.

— Скоро.

И действительно, когда, казалось, добрались уже до непролазных чащоб, из-за дерева вышел дядько с автоматом. Он протянул Остапу грязный платок, приказал завязать спутнице глаза.

— Геть! — раздраженно сказала Зоряна. — Не буду из-за вашей вонючей ямы тряпку на очи набрасывать.

Бандеровец все-таки настоял на своем: приказ Страфийчука. Она побрела, спотыкаясь о корни, перепоясавшие землю. Опять куда-то сворачивали, петляли между деревьями, спускались в овраги.

— Ведьмаки проклятые, забрались к черту в зуны, — шипела Зоряна, когда низкие ветки влажно шлепали ее по лицу.

— Ты дывысь, зла яка! — удивился встречавший бандеровец.

Наконец, остановились. Послышались неясные голоса, зашумел, сдвинувшись с места, здоровенный куст. «Ступенька... еще одна... и еще... — подсказывал Остап. — Все».

Зоряна сорвала повязку. Она стояла в бункере. Страфийчук приветливо улыбался и протягивал ей руку.

Чтоб вас... с вашей конспирацией!

Стайчик рассмеялся, показав остренькие, мелкие, прокуренные до желтизны зубы. Засмеялись и двое других, сидевших на колченогих табуретках.

Бункер, судя по добротности, был построен давно, основательно, еще в те времена, когда бандеровцы заботились не о временном пристанище, а о надежном убежище на черный день. Что он наступит, наиболее дальновидные националисты не сомневались. Создавались тайные склады оружия. В селах насаживалась агентура. Разрабатывалась система подпольной связи, строились такие вот бункера и «схроны».

Любезность фашистов заходила так далеко, что они даже выделяли своих специалистов для проведения этих работ, транспорт для доставки стройматериалов и оборудования. О складах и «схронах» знали обычно только несколько человек, среди них и тот,

куда доля заведет

кого назначали проводником банды. Конечно, фашисты надеялись, что действия националистов в будущем возместят их расходы.

Зоряна сияла «шмайсер», передернула затвор. Бандеровцы поспешили, как по команде, сунули руки в карманы, за отвороты стеганок. Только Страфийчук не двинулся с места, не схватился за пистолет, смотрел заинтересованно — не больше.

Зоряна щелкнула предохранителем.

— Знакомая игрушка? — спросил Стась.

— Отец обучал. Партизанил он при немцах...

Националисты переглянулись. Худой и бледный от сидения в бункерах бандеровец, которого Страфийчук называл Дротом *, встревоженно проговорил:

— Привел партизанского выкормыша...

Она резко повернулась к бандеровцу.

— Гей ты, Дрот, или как там тебя, смотри, как бы не нарубала из тебя гвоздей!

Дрот удивленно заморгал, побагровел, подхватился с табуретки.

— Сядь, — приказал Стась. — Говори вам: огонь девка, палец в рот не клади, откусит — скажет, так и было... А ты, Зоряна, тоже не кипятись, жизнь у нас такая, никому не верим.

— Ну ладно, разболтались, — сказала она. — Давайте к делу, мне не позже восьми надо уйти, а то не попаду в село.

— Хлопцы выведут на дорогу...

Зоряна доложила о встречах за последние две недели. Она исколесила всю округу, побывала на

---

* Дрот — проволока (укр.).

многих хуторах. Шла от одной встречи к другой. Дорогу к Скибе ей указал Страфийчук. Скиба привел к Шулике. Шулика передал Дубняку. Дубняк выделил хлопца, который отвел ее на место встречи с Джурою... Так связывала и связывала Зоряна ниточки лесной паутины, штопала в ней прорехи.

Она называла националистам явки, зацепные хаты, имена, подпольные клички — псевдо проводников. Националисты радовались: «Живой еще Дубняк, а говорили, что попался чекистам...»

Они помрачнели, когда Зоряна перешла к характеристике националистических группок, о которых знала со слов проводников. Малочисленные. Загнанные облавами в чащобы. Тайные «схроны» и склады оружия больше не существуют. Боеприпасы на исходе. На «боевиков» разлагающие действуют призывы властей выходить из леса и сдавать оружие. Особенно участились случаи бегства после того, как некоторые, начитавшись листовок, явились к представителям власти и действительно получили амнистию. Живут теперь неплохо, и слухи об этом проникли в лес.

Страфийчук и его помощники переспрашивали подробности, уточняли по карте местонахождение групп. Стась нервно заходил по бункеру. Следя за ним взглядом, Зоряна увидела в дальнем, плохо освещенном углу бункера сваленное в кучу обмундирование солдат Советской Армии: шинели, гимнастерки, пилотки со звездочками. То же, наверно, досталось от немцев по наследству. Содрали фашисты одежду с военнопленных, отдали националистам.

Марию Страфийчук похвалил. Даже не ожидал,

что она так успешно справится с заданием. Предупредил строго:

— Но боже тебя упаси, Зоряна, попасть в лапы к ворогам нашим. Теперь ты знаешь столько, что дороже многих боевиков.

Посоветовался со своими, не прикрепить ли постоянно к Зоряне Блакитного? Пусть и дальше охраняет и бережет учительницу. У девушки тоскливо сжалось сердце. Знала она цену такой «охране» — пуля в спину в случае провала. Но возражать не стала — бесполезно.

— Вот еще что, — вспомнила она, — со всеми условилась о сборе. Место — хутор Скибы. Сигнал — звездочки, выбитые на старом памятнике. Количество знаков укажет время встречи.

Проводник не скрывал своей радости. На сборе вожаки договорятся о совместных действиях, и тогда он, Страфчик, сможет приступить к выполнению задания закордонного провода. Операция «Гром и пепел» будет выполнена. Он торжественно сказал:

— От имени отчизны выношу тебе, Зоряна, щипную подяку.

При этих словах националисты нехотя встали. Дрот чуть презрительно покосился на главаря — риторику бывшего сельского учителя-семинариста достаточно надоела его подручным.

Стась оживленно потер руки, предложил:

— Добре поработали, час и отдохнуть.

В люке появилась нечесаная голова бандеровца со шрамом, приходившего как-то ночью к Марии.

— Спроверь нам, Василь, пообедать.

Карту убрали. Появились сулея самогона, жестя-

ные кружки. Василь нарезал самодельным остро отточенным ножом сало, расположил каравай. Из шкафчика достал глечик с маслом, луковицы, крупную, рыжеватую соль. Страфийчук разлил самогонку, протянул кружку девушке.

— Опьянею, — она отвела его руку, — а мне еще идти и идти.

— Не бойся, выйдешь куда надо.

— Куда доля заведет, туда и выйдет...

Посыпались шутки, грубоватые остроты. Выпивка на столе — националисты повеселели. Зоряна чуть пригубила самогон. В нос ударил противный запах первака, как его называли в селах — коньяка «Три гычки».

— Э, да так у нас не пьют, дивчино, — запротестовал Дрот. — Хоть ты меня и обидела, но я зла на тебя таить не буду. Давай за знакомство, видно, бедовая ты...

— Помиритесь, — поддержал Стась. — Ты уж прости его, Зоряна.

— Ладно уж, — согласилась Мария.

Все выпили. Глаза учительницы заискрились переменчивым блеском. Бандеровцы звучно хрустели луковицами, посыпали сало крупной солью. Выпили еще по одной. Но на этот раз Зоряна решительно отказалась, ее не стали неволить — самим больше останется.

— Опьянеешь, ни на что годный не будешь... — предостерегла Зоряна Страфийчука.

Дрот захохотал:

— Ты смотри, Стась, как она о тебе заботится, мне бы такую...

— А чем не пара? — самодовольно отозвался Страфийчук. Он все чаще и чаще поглядывал на круглые колени Марии, едва прикрытые короткой юбкой.

Девушка раскраснелась, косынка сползла с волос, прически сбилась, и сейчас она была совсем не похожа на ту сдержанную, подчеркнуто строгую учительницу, которая каждое утро входит к ребятам в класс, учит девочек и хлопчиков доброму, разумному.

Так бывает иногда. Если в готовом портрете человека легкая рука мастера изменит лишь некоторые черты, то появится совершенно новый образ, лишь отдаленно напоминающий оригинал. В последние дни только деталей не хватало для полного превращения учительницы Марии Шевчук в курьера бандитов Зоряну. Теперь они появились. Страфийчук мог гордиться — он был мастером, подчинившим ее своей воле.

— Было время, — разнеженно разглагольствовал Дрот, — гуляли по всему краю... Любого вражину — к стенке, любую молодыцию — в постель...

— Эге ж, — меланхолически поддакивал ему приятель. — Только бы не партизаны — немцы не в счет, они не мешали. А помнишь, Дрот, как ты от медведевцев драпал в одних подштанниках?

— Тыфу, нечистая сила, — выругался Дрот, — не мог другого вспомнить!

Страфийчук побледнел, глаза издерганно, пьяно мигали, под ними легли густые тени.

— А ну, давайте по последней, — Страфийчук поднялся.

Бандеровцы нетвердо считали ступеньки, проталкиваясь в люк.

— Наконец-то, — облегченно вздохнула Мария.

— Чего? — не понял Стась.

— Говорю, наконец, эти бугай выкатились...

Мария прикинула, сколько выпили. В сущее не меньше двух литров. Откуда только самогон поставляют в лес?

Стайфийчук помотал головой, отгоняя пьяную одурь. Скрутил цигарку, сильно затянулся. На какое-то время это его отрезвило. Проводник схватил Марию за плечи, прижал к себе, подталкивая к нарам. Она не вырывалась, только уклонялась от жадных, прижженных самогоном губ. Близость девушки, ее податливость, покорность распалили Стайфийчука.

— Василь, — заорал он, — тащи выпивки!..

Выпили. И снова наполнила кружки Мария. Себе плеснула на донышко.

— Спаиваешь? — мотнул головой Стась.

— Как же, тебя споишь, — одобрительно сказала Зоряна и заставила Стайфийчука до дна опрокинуть кружку.

Он заснул сразу, моментально — так проваливаются в бездонную яму. Кружка покатилась, громыхая, под стол, но разбудить Стайфийчука сейчас уже ничто не смогло бы.

Мария долго сидела на табуретке, не шевелясь, наслаждаясь тишиной, сбрасывая с себя напряжение последних часов. Она прикрыла рукой глаза, прислонилась к стояку, подпиравшему накат. Всмотрелась в спящего. Стайфийчук свалился боком, и пьяная слюна пузырилась на губах. Наскоро прибрала на

столе. Выбралась из бункера. На пне сидел телохранитель — чинил сорочку.

— Дай-ка я, — Зоряна взяла иголку с ниткой, споро заработала.

Посмотреть на незнакомку подошли другие бандиты.

И вдруг кто-то заорал истошно:

— Держите ее! Секретарь райкома комсомола! Чекистка!

И, прежде чем она успела сообразить, что происходит, руки завернули за спину, окружили плотным кольцом. Она тоже узнала говорившего — поповский сынок из Явора. Бандеровец возбужденно продолжал:

— Я ее узнал — она в нашем районе на Львовщине была комсомольским секретарем! Сколько хлопцев загубила в облавах! Сам от нее еле ушел!

Мария не вырывалась, ждала, когда придет Станичук, которого никак не могли добудиться. Дрот был уже здесь, зло матерился:

— Змиюка чекистская...

Станичук рассвирепел. Его опухшее после пьянки лицо, налитые кровью глаза выражали то бешеный гнев, то растерянность: сам вербовал ее, посвятил в тайное тайных — и на тебе!.. Но сомневаться не приходилось: Волоцюга, опознавший Марию, был старым, проверенным боевиком, да и учительница ничего не отрицала.

— Сперва на допыт* ее, — распорядился Станичук, — потом отдадим хлопцам в бункер, пусть потешатся — и на жердыну...

---

* Допыт — допрос (укр.).

Мария побледнела.

— Не боишься голову за меня потерять, Ярмаш?
С тебя спросят!..

— У кого узнала мое псевдо? — заорал Стась и сунул кулаком девушке в лицо.

Тоненькая алая струйка потекла из разбитых губ.

Мария резко выпрямилась, крикнула:

— Хватит! Рукам волю дась, ну что ж — отплачу за все, я и так перед тобой в долгу! Ну-ка, развязжи меня!

— Она мне приказывает! — истерически захочотал Страфийчук.

Мария презрительно-спокойно слушала Страфийчука.

— Кто я такая, Ярмаш, можешь узнать швыдко по такому адресу... — она замялась. — А ну, паклонись, скажу... Да не бойся, не кусаюсь!

Страфийчук посерезнел, растерянно заморгал короткими ресницами.

— Гони курьера, и немедленно, — уверенно приказала Мария. — Пусть передаст: «Горлинка просит помоши». Того, кто с ним придет, сразу ко мне. До того времени стерегите, раз не верите. А с тем злыднем, — она презрительно кивнула на Волоцюга, — я разделяюсь позже...

Ее бросили в старый, полуобвалившийся бункер. Курьер ушел через тридцать минут — с теми, кто находился по указанному адресу, шутить не приходилось. У бункера выставили охрану. Девушка оставалась одна. Курьер мог возвратиться только через сорок восемь часов.

НЕКРОЛОГ, НАПЕЧАТАННЫЙ В РАЙОННОЙ ГАЗЕТЕ „НОВЕ ЖИТЯ“

«Подлые враги украинского народа — буржуазные националисты — совершили еще одно кровавое злодеяние. От их рук трагически погибла молодая учительница из села Зеленый Гай Мария Григорьевна Шевчук. Совсем недавно приехала к нам Мария Григорьевна, но ее успели полюбить и дети и взрослые. Мария Григорьевна учила ребят добру, любви к Украине, к родному народу. Верная традициям народной интеллигенции, Мария Григорьевна Шевчук после окончания института учительствовала в селах, несла людям свет знаний. Как комсомолка она проводила значительную общественную работу среди молодежи, собирали и записывала народные песни. Националистические палачи замучили учительницу-комсомолку, но ее короткая светлая жизнь будет для всех нас примером. Убийц настигнет суровая кара, им не уйти от возмездия».

КЛЕТКА для КОРОЛЕВНЫ

Змеиное болото затерялось в лесной глухомани. От Зеленого Гая до него десяток километров; только не каждый решится их пройти по полуслонившим кладкам через топи, по старым перекидным мосткам из жердей через заплывшее илом ручьи. Зато есть лучшего места для охоты — гнездится там великое множество диких уток и прочей водоплавающей живности. Но забредает туда редкий охотник. Пугает не только дорога по трясинам, прикрытым обманчиво-надежным ковром из мха, болотной ягоды. В годы войны шли здесь тяжелые бои, рейдами проходили партизанские отряды, прикрывались от карательных минами. Густо нашлигована ими земля; и горе тому, кто наткнется на паутинку-проволочку, легшую от куста к кусту. Вполне возможна и встреча с бандитами — выбирают они для своих дел места поглуще. Змеиным болотом давно уже пугают не послушных детей...

В субботу Иван спросил

у хлопцев, нет ли у кого охотничьего ружья и снаряжения. Роман Гаевой притащил ему трофеиную немецкую двустволку и тугу набитый патронташ, Степан Костюк — высокие болотные сапоги и ягдташ. К охоте все было готово...

— Куда собрался? — поинтересовалась Надийка.

— На Змеиное, уток постреляю.

Надийка петоропливо обошла Нечая, осмотрела его со всех сторон, даже приложила ладонь ко лбу. Покрутила пальцем у виска:

— А ты слушаем не того?..

Хлопцы рассмеялись, так у нее это выразительно получилось.

— Да вроде нет, Надийка...

— Так какая же нечистая сила прет тебя к лешакам в гости? Или ты не знаешь, что это за болото?

— Надо повидаться с одним человеком. Интересный человек...

У Нечая даже голос стал мягче, когда заговорил о предстоящей встрече.

— В брюках твой человек или в юбке?

— Косы у нее серебряные, а когда солнечный луч на них упадет — золотыми становятся...

— Так, понятно... — Надия старалась подстроиться под шутливый тон Ивана. — Влада Скиба — королевна лесная! Угадала? Как в таком случае ты говоришь: на повестке дня — любовь?

Девушка говорила спокойно и бесстрастно. Как маленького, терпеливо уговаривала:

— Скиба и его хутор под подозрением. Не удается только схватить его на горячем, а то бы давно уже упрятали туда, куда Макар телят не гонял. Думаешь,

дочка у него другая? Такая же, дай ей власть да плетку в руки — погонит на пашину...

Нечай, споровисто подгоняя снаряжение, внимательно слушал Надийку. Он еще и сам не мог точно сказать, зачем понадобилась ему эта встреча. Влада — чужачка, это факт. Может, и верно, что дети за отцов не ответчики, только есть и другая пословица: яблоко от яблони недалеко падает... Здесь, на хуторах, дети не могут не отвечать за своих родителей. Тесно сплелось все в единый клубок, и сын не может не знать, чем занимается его отец. Он может быть или с ним, или против него — третьего не дано.

— Ты сам голову в капкан суешь, — уговаривала Надийка. — А вдруг это ловушка? Места удобные. А твоя Влада — подсадная утка.

— Вряд ли. Скиба не станет рисковать дочерью, если это его затея. Не дурак, сообразит, что я предупрежу вас, куда ушел. В конце концов я ведь тоже человек: хочу отдохнуть, поохотиться, а Влада — дело десятое.

Неправду сказал Нечай. Не стал бы он тратить дорогое время на охотничьи забавки. Заинтересовала его эта девушка, чем — пока и сам не знал. Может быть, тем, что судьба у нее такая странная — жить одиноко в лесу?

Как бы там ни было, ранним воскресным утром, еще алела зорька, отправился Нечай к болоту. Сельский пастух пожелал ему добычливой охоты.

— Дякую, — ответил Нечай.

— Э-э, какой из тебя охотник, если ты ответить не умеешь?

— А как надо отвечать, дядько Панас?
— К черту меня пошли да дулю покажи.
— Зачем же дулю?
— Самое что ни на есть надежное средство против зависти. Я вот смотрю на тебя и думаю: убьет Нечай утку, вернется с охоты, зажарит ее хозяйка, стопочку опрокинет Нечай, а я корку сухую буду грызть — завидую, еще слажу. А ты мне дулю тыць — помогает...

Посмеялись, побалагурили. Нечай распрошался с разговорчивым Панасом, пошел дальше. А пастух, собирая по подворьям стадо, заглянул к бабе Кылыне. Не было у бабы Кылыны коровы, зато сама она приходилась Панасу кумой.

— Пошел Нечай к Змеиному болоту. На охоту пошел. И один, ничего не боится комсомолец, — застыл, между прочим, в разговоре Панас.

Баба Кылына накоря попотчевала Панаса стопкой самогонки с маринованными грибочками, выпроводила к стаду и заторопилась, захромала — тоже к околице.

Первые километры Нечай одолел быстро. Приятно было идти по утренней прохладе — солнце еще только выползло, отяжелевшая от росы трава мягко и влажно шлепала по сапогам. Дальше — путь труднее, шаг медленнее, пошли гати да кладки.

Змеиное только называлось болотом — это было огромное озеро, уже сдавшееся в борьбе со временем; с каждым годом оно все больше и больше заболачивалось, зарастало, мелело. Но пока болотная тина одолела лишь берега, а дальше простиралось большое водное зеркало, испещренное множеством

островков, местами густо поросшее двухметровым камышом, лозняком, изрезанное протоками. Немногим были известны редкие твердые подходы к воде, а так — ходи, броди вокруг, водицы не зачерпишь.

Только у самого озера Нечай сообразил, как трудно ему отыскать в хитросплетениях болотных тропинок Владу. Эх, не условились поточнее! Он упорно продирался сквозь заросли папоротника, полууснувшего валежника, по давним приметам угадывая стежку, которая должна будет вывести его к воде. Ориентиром служила сосна причудливой формы, росшая на одном из островков: память услужливо подсказала эту примету.

Нечай благополучно перебрался на твердый бугорок земли, отыскал место посуше, уселся передохнуть, оглядеться. Гулко зашлепала крыльями по воде потревоженная утка и, оставив длинную дорожку, оторвалась от воды, пошла кружить над камышами. Домовитая водяная курочка неслышно пробежала по ряске. Иван вспомнил о ружье, снял с плеча, положил рядом. Дики было много, и он не торопился: что толку стрелять, если шлепнется сбитый крыжак в воду — не достанешь. Нечай выждал, пока летевший прямо на него крупный селезень поравнялся с береговой кромкой, и только тогда вскинул ружье. Он услышал, как шлепнула дробь по тугому перу, — селезень кувыркнулся, забил косыми крыльями по траве.

Почти тотчас же где-то неподалеку тоже раздались выстрел, и эхо его покатилось по воде. «Эге, не один я здесь», — подумал Нечай и на всякий случай переложил пистолет из кармана за отворот ватника.

Он прилег, слился с землей, ждал. В дальней затоце показалась лодка. Кто-то споровисто работал веслом — узкая душегубка стрелой резала воду. Она выскоцила на широкий разлив, гребец встал, из-под руки всмотрелся в прибрежные камыши. Это была Влада. Нечай тоже поднялся, призываю махнул рукой:

— Гей, на лодке!

Посудина мягко прошуршала по дну, ткнулась в бережок.

— Садись, Иване, — гостеприимно пригласила Влада. Она была в брюках, в стеганой куртке, ружье и патронташ лежали на скамеечке.

— Сейчас, только утку подберу.

Лодка была неустойчива, при резких движениях едва не черпала бортом воду, но только на такой узконосой, вытянутой в длину долбленке и можно было пробираться сквозь густые камыши.

— Одну сбил?

— Раз и стрелял. Какая охота с берега!

— Тогда приготовься — сейчас пойдут самые утиные места.

В камышах много полянок — окон. Небольшие, затянутые ряской, укрытые со всех сторон густым тростниковым камышом, они служат надежным дневным пристанищем уткам. От окна к окну — узкие тропки по воде, проложенные неизвестно ком. Влада отлично знала здесь все, гнала лодку, казалось, прямо на зеленую стену, а за ней вдруг оказывался «пятачок» чистой воды. С треском взлетала утка, и Нечай бил влет, навскидку, едва успевая перезаряжать ружье. Влада разрумянилась, работая веслом,

сбросила куртку. Они не разговаривали, было не до этого; оба увлеклись, оба с трепетом ждали, когда с паническим кряканьем вырвется из камышей следующий крыжак, потом еще и еще...

— Досыть! — первой опомнилась Влада. — Добрый же переполох мы подняли! — засмеялась она, показывая Нечаю на вспугнутых уток, которые на бреющем носились над озером.

Нечай отложил ружье, повернулся к девушке.

— Ну и молодчина ты, Влада! — с искренним во-сторгом сказал он. — Так на уток вывозить! Правду говорят, что ты лесная королевна.

— Кто говорит? — встрепенулась Влада, и темные брови ее сошлись на переносице.

— Наши хлопцы, зеленогайские.

— Ты разве сказал, куда идешь?!

— А чего скрывать?

Девушка ничего не ответила, только сильными взмахами весла погнала лодку от берега, возле которого они крутились.

— Куда плывем? — спросил Иван.

— Увидишь. Садись на весла.

— Попробую.

Иван развернул лодку и погнал ее в направлении, которое указывала ему Влада. Озабоченность не покидала девушку. И только когда они отмахали километра два через озеро, с разбега влетели в реденький камыш, Влада разрешила Ивану передохнуть. Он положил весло, достал сигареты. С наслаждением закурил.

— Смотри, — тронула его за плечо Влада.

На дальний берег, от которого они так стреми-

тельно уплыли, вышли трое. Автоматы в руках. Смушковые шапки даже в жару. Осторожная волчья поступь. Перебежками от дерева к дереву, от куста к кусту, будто знали, что здесь кто-то должен быть, готовые немедленно открыть огонь по каждому шороху. Иван схватился за весло, начал разворачивать лодку.

— Скаженный! — умоляюще зашептала Влада. — Да тебя убьют, не успеешь к берегу причалить. Что ты один против трех автоматов?

— Выслежу берлогу, — настаивал Иван. — Не мешай, Владзя...

— Богато, хлопче, берешь на себя. И близко к ним не подступишься, на «охоту» вышли — кого-то ищут... Нет, не пущу! — Девушка схватила весло и погнала лодку дальше в камыши.

Нечай вынужден был согласиться с доводами Влады. Про себя удивился ее умению ориентироваться в обстановке, трезвому расчету — тому, как быстро она взвесила все «за» и «против». Иван насупился, он все еще не мог смириться с мыслью, что враг был совсем рядом — и вот ушел безнаказанно, и ничего он, Нечай, не мог поделать. На охоту, гады, вышли... На охоту... На кого?

— Интересно, кого искали? — будто угадывая его тяжелую думу, спросила Влада. И быстро, резко добавила: — Уж не тебя ли?

— Скоро?

— Скоро...

И действительно, через некоторое время долбленка причалила к небольшому островку. Покатый холмик земли. Заросли черной ольхи с осинником. Верболоз

смотрится в воду. На макушке островка две сосенки. Под ними легкий шалаш. Костровая яма. Тренога для котелка.

— Прибыли! — провозгласила Влада.

Нечай с интересом осматривался, приглядывался к островку.

— Твои владения?

— Да, если я королевна, то мои владения — Змеиное. Здесь же столица.

— Мне нравится.

— Тогда будь как дома. Чтобы ты не волновался напрасно, скажу: в столицу без моего ведома ни один человек не проберется. Путь сюда — только водой. На Змеином всего две лодки, — на одной мы приплыли, а вторую я заранее у gnala в камыш.

— Предусмотрительная...

— С волками жить...

— А кто волки?

— У кого нрав звериный.

Уклонилась Влада от ответа. И Нечай не стал настаивать — не время еще. Достаточно и того, что, когда появились националисты, Влада явно была на его стороне. И сейчас позаботилась о его безопасности, оградила островок от появления непрошеных гостей. Интересно, зачем ей понадобилась эта встреча?

Влада тем временем хлопотала у костра. В шапочке у нее оказались запасы провизии, и она споровисто готовила обед, иногда искоса поглядывала на Нечая. Девушке нравился симпатичный хлопчина, и, как убеждала она себя, не было ей никакого дела до того, что работал он комсомольским инст-

руктором. Скрыла от отца, что приходил Нечай на хутор? Не сказала о предстоящей встрече с ним? Ну и что? Могут же быть у нее свои, девичьи секреты! Так думала Влада, прогоняя беспокойство: впервые за много лет у нее появилась тайна, которую надо было оберегать даже от самых близких. До сих пор тайны были у нее с отцом пополам: он куда-то уходил по ночам, у них останавливались бандеровцы, как-то несколько дней кряду жил Стась. Влада, считая все это делами сугубо мужскими, не вмешивалась в них и твердо помнила совет отца: хочешь жить — держи язык за зубами. Отцу виднее, он сам знает, как и что делать. Иногда в приливе тоски ей хотелось разорвать все запреты, вырваться к людям, как бы они ее ни приняли. Но страшил гнев старого Скибы, да и не могла она бросить его одного.

— Садись, Иване, к столу. — Влада расстелила кусок чистого брезента на траве, подала еду. — Сегодня ты у меня в гостях.

Наскоро перекусив, Иван и Влада уютно устроились возле шалаша. Иван молчал, чувствуя себя хорошо рядом с этой малознакомой привлекательной девушкой: в меру бойкая, но не настырная, умеет, когда надо, помолчать.

— Не надеялась, что придешь, — начала разговор Влада.

— Почему же?

— Не каждый отважится в такую глушь забираться. Только ты не из пугливых. И стреляешь доброе...

— В партизанах научился.

— Знаю.

— Откуда?

— На одной земле живем.

Влада задумчиво посмотрела на бескрайнее море камыша, из которого пиками торчали кудлатые сосны, на дальний лес.

— Интересно, какая она, земля? Я ведь и знаю-то лес да хутор. Дальше райцентра нигде не бывала. Читала, что есть большие города, и живут там тысячи людей, где-то за морями лежат дальние страны. Чудно устроен мир: огромный он, а человек живет, как в клетке: четыре стены хаты, тын подворья...

— От человека это зависит: для иного вся земля умещается на шматке собственного поля — мое. А другому выпадают на долю дороги бескрайние, бесконечные — человеку простор нужен.

Иван потянулся к лесной ромашке, сорвал ее, воткнул Владе в косу, пошутил:

— Королевна должна быть в цветах.

Влада благодарно, застенчиво улыбнулась ему, с грустинкой сказала:

— Ну какая я королевна? Полуграмотная девчонка-хуторянка.

И вдруг, доверившись, начала сбивчиво говорить о том, как тоскливо бывает длинными осенними вечерами на хуторе. Стучат ветви в окна, гуляет унылый ветер по лесу, а ты одна и не с кем перекинуться словом — с отцом уже все сотни раз обговорено-переговорено. Одна сидишь в комнате, на полке пять книг перечитанных, а где-то ярко светят огни, смеются люди, ходят друг к другу в гости, веселятся, огорчаются, ссорятся, мириются, радуются — живут. Сколько в комнате углов? Четыре?.. Нет, пять их, пятый

тот самый, который ты никак не найдешь, когда меришь ее шагами. Особенно тоскливо весной: все цветет, а ты одна и одна...

Нечай не перебивал Владу, боялся неосторожным словом или жестом сломать, нарушить внезапно возникшую уверенность, что ее поймут, не посмеются над откровенностью, не воспользуются беззащитностью. Влада искренне говорила о себе, и ни слова об отце, о том, кто бывает на хуторе, о той второй,тайной жизни, свидетельницей которой она была. И все-таки один раз она нечаянно обмолвилась.

— Учиться тебе надо, — сказал Нечай.

— Вот и Мария Григорьевна так же говорит, — согласно кивнула Влада.

— Откуда ты знаешь Марию Шевчук? — торопливо спросил Нечай.

Влада поняла, что печально проговорилась, назвала человека, о котором следовало бы ей молчать, и начала путано объяснять:

— Давно я ее видела. Еще когда она в школе работала. Заходила как-то на хутор...

Нечай сделал вид, что поверил.

Пора было собираться домой. Влада озабоченно посмотрела на солнце, прикинула: не меньше шести. Отец будет волноваться, да и дел по хозяйству много — даром что воскресенье. Уже другим путем она подвезла Нечая к берегу, спрятала лодку в осоке. Уток поделили: не поверит Скиба дочке, что за цепкий день не сшибла ни одного селезня. Остановились, чтобы попрощаться. Влада протянула руку, и Нечай задержал ее в своей руке.

— Придешь еще? — густо покраснев и опустив

глаза, тихо спросила девушка. И доверчиво попросила: — Приходи, а?..

— Обязательно, — горячо сказал Нечай.

Условились о следующей встрече. И уж на прощанье, поколебавшись немного, Влада вдруг сказала настойчиво, твердо:

— Никому не говори следующий раз, что идешь ко мне.

— Почему? — сразу насторожился Нечай.

— За себя боюсь. И за тебя...

И объяснила:

— Те трое, на берегу, тебя искали. Нечего им больше здесь делать. Верь мне, не я в том виновата. Кто-то из села предупредил. Веришь?

— Верю...

Я—ГОРЛИНКА

Вместе с курьером в банду Страфийчука пришел пожилой, неторопливый дядько. Дядько был совсем мирного вида: поношенные, застиранные до белых пятен штаны из «чертовой кожи», сорочка, вышитая крестиком, коротковатый пиджачок, кнут в руках — так и хотелось посмотреть, где же ко ни, на которых он приехал. Сонные глазки равнодушно взирали на мир.

Со Страфийчуком он поздоровался, как со старым знакомым.

— Ого! — сказал Стась. — Такая честь для нас, друже Розум.

— Добре, добре, — прервал его тот, — про честь по том. Показывай, яку птаху прихватил... — И по-хозяйски, не спрашивая дорогу, пошел к бункеру проводника.

Страфийчук по пути кратко изложил обстоятельства поимки Марии. Из его рассказа выходило, что он чуть ли не нарочно завлек Марию Шевчук на базу, заподозрив в ней чекистку. А Волоцюга лишь под-

твёрдил его неясные подозрения. Закончил Стась по привычке цитатой из библии, немножко торжественно: «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы».

— Кажется, именно об этом вы и забыли, — иронически протянул Розум.

За это время Мария осунулась и побледнела, начала отвыкать от яркого света, от свежего воздуха. Кофточка ее покернела от грязи, пришлось спать на голой влажной земле, даже сена не дали. Мария увидела Розума, догадалась, кто он такой, облегченно вздохнула.

— Ну? — спросил Розум.

— Я — Горлинка.

Розум смотрел на нее все так же равнодушно, ни один мускул на лице не дрогнул.

— Горлинки не покидают леса...

— Но иногда залетают в села...

Стафийчук, Дрот, националисты, набившиеся в бункер, напряженно слушали этот иносказательный разговор. Шел обмен паролями, известными только немногим посвященным. Розум смотрел на девушку выжидающе. Она дернула «молнию» на юбке, достала из потайного карманчика фотографию: средних лет мужчина, жилистая шея, равнодушные глаза.

— Кто это? — Розум пристально всмотрелся в фото.

— Так, знакомый...

— Видно, хороший мастер снимал — отличная работа. Не знаете, в какой мастерской?

— Посмотрите, там написано.

Розум прочитал золоченую надпись: «Фотоателье Ф. И. Возного».

— Буду во Львове, обязательно сфотографируюсь у этого Возного.

Ответная фраза несколько отличалась от той, которую услышал однажды Василь Малеванный.

— Вряд ли удастся, — четко проговорила Горлинка. — Насколько я знаю, пан Возный давно сменил профессию...

Розум резко вернулся фотографию. Вытянулся — кинут в сторону, руки по швам — и даже попытался щелкнуть каблуками стоптанных яловых сапог.

— Послушно выполню ваши наказы, друже Горлинка.

Стафийчук остолбенело смотрел на все происходящее.

— Як же так? Кто ж она такая? Учительница Мария... Зоряна... Горлинка?

— Приказы человека с такой фотографией и паролем выполняются безоговорочно! — чуть приподнято и взволнованно доложил Розум.

И после приличествующей необыкновенному событию паузы холодно спросил у Стафийчука:

— Может, и мне вы уже не верите? — В голосе прозвучали жесткие нотки. — Впрочем, Служба безопасности займется выяснением причин, по которым вы едва не погубили... эмиссара центрального провода.

Стадийчук ошарашенно молчал.

— Соберите своих людей, Ярмаш, — властно приказала Горлинка.

Стайчук опрометью выскочил из бункера.

Она брезгливо осмотрела свою испачканную, с приставшими комочками земли кофточку, бросила:
— Блакитного сюда.

Привели Остапа. Он испуганно влез в бункер, подталкиваемый Дротом, всячески демонстрировавшим «служебное рвение».

— Я не хотел... — переминаясь с ноги на ногу, начал Блакитный, — вы не так меня поняли...

— Я правильно тебя поняла! Вот что: найди-ка, во что мне переодеться. В крайнем случае принеси мужскую сорочку и брюки. Продрогла вся в этой чертовой яме.

Горлинку оставили одну. Натянула одежду, принесенную Остапом, набросила кептарь. Блакитный постарался: у кого-то добыл небольших размеров брюки защитного цвета, вышитую сорочку. В новой одежде она больше походила на гибкого, стройного хлопца. Сняла со стены автомат, выбралась из бункера.

Боевики Стайчука замерли в строю. «Немного», — подумала Горлинка, глядя на жиdenькую шеренгу разномастно одетых националистов. Розум отошел немножко в сторону, как бы подчеркивая этим свое особое положение.

Прошлась перед строем четким, командирским шагом.

Низкорослый попович стоял на левом фланге. Пристально всматривалась в «боевиков», и те опускали головы, не выдерживая взгляда Горлинки. Это было как затишье перед бурей. А потом разразилась и сама буря.

— Продали Украину? — негромко, но так, чтоб слышали все, сказала Горлинка. — Променяли ее на вонючий самогон, на ворованное у селян сало? Знаете, как вас в селах называют? Бандитами! Весь народ поднялся против вас! Где та идея, за которую вы боретесь? Развеяли над лесами, утопили в крови. Ну, ничего, я наведу у вас порядочек...

Она резко повернулась к Стафийчуку.

— Вы, проводник... вы что творите? Кто вас учил так вербовать агентов? Детей убить пригрозили... Ваше счастье, что на меня наткнулись... А если бы это действительно была учительница Шевчук? Вас бы по одному перехватали! Где это видано, чтобы так мешать работать? Из-за ваших дурацких выдумок я и в засаду на кладбище попала. Шла с явки, а ваша дуреха заголосила — удивляюсь, как мне тогда поверили комсомольцы. А еще удивляюсь, почему я вас тогда в расход не пустила, меньше хлопот бы было.

Среди националистов возник и сразу же исчез тихий шумок: «Если она с проводником так разговаривает, то с нами....» Горлинка всплеснула руками возмущенно, совсем по-женски:

— Так меня провалить!.. Сколько сил было положено, чтобы укрепиться на легальном, отвести подозрения! И один дурень пустил все по ветру!

Она ткнула пальцем в бледного Волоцюга.

— Ты... выйди!

Попович вышел из строя.

— Так, говоришь, опознал меня, да? Была я секретарем комсомола?

— Булы... — трясущимися, побелевшими губами выдавил Волоцюга.

— Именно потому что я, — на местоимении «я» Горлинка сделала ударение, — была комсомольским секретарем, ты ушел тогда живым из облавы. Но теперь хватит! В нашем деле дурень опаснее врага...

Сняла «шмайсер». Треснула автоматная очередь. Попович упал, руки его судорожно вцепились в траву, затихли.

ПО СЛЕДАМ ВЛАДЫ

Старый Скиба ремонтировал телегу. Он смазывал дегтем колесные втулки, обстукивал ободья. А в голову лезли тяжелые мысли. Почему изменилась Влада за последнее время? Пропадает где-то часами. Говорит, на охоту ходит, возвращается без дичи. И опять же, перед охотой в зеркало смотрится, брови чернит. Не для уток, понятно... Да, выросла дочка. Красавица, статная, такая не одному хлопцу голову заморочит. Только где они, те хлопцы? Глушь. Километров за пятьдесят отсюда живет старый друг-приятель, давно его не проведывал. А когда был последний раз, подрастал у того хлопчик. Наверное, уже парубком стал. Надо бы с Владой погостить у них денек-другой, все развлеченье для девушки. А там, гляди, может, и выйдет что-нибудь. Хуторок тот ладный, хозяин в нем сидит добрый, натаскал, накопил добра.

Влада опять позавчера пришла с охоты — стволы у двухстволки чистые, ни нагара по-

рохового, ни дыминки. Ох, присмотреться надо, не спроста это! По молодости, по неопытности наведет на хутор чекистов чи коммунистов, своими руками крышу подпалит. И в воскресенье куда-то ходила и в среду...

Хлопнула дверь. На крыльце вышла Влада, в брюках, в куртке, с ружьем.

— Опять на охоту? — въедливо осведомился Скиба.

— Какая там охота! — раздраженно отмахнулась Влада. — Пойду пройдусь по лесу, а то как в тюрьме — ни людей, ни жизни не вижу.

— Ишь ты, жизни ей надо!.. — закричал Скиба. — Катается как сыр в масле, да еще и жалуется!..

— Тато, не галасуйте! — повысила голос и Влада. — Хватит, не маленькая. Давно бы сбежала отсюда, да вас жалко — совсем одичаете. Только думаю, надо и себя когда-нибудь пожалеть!

Скиба оторопел от неожиданности. Впервые заговорила с ним дочь таким тоном — непримиримым и независимым. А Влада уже хлопнула калиткой.

— Вернусь — ужин приготовлю!..

Скиба посмотрел ей вслед, задумчиво тронул бороду. Гнев не мешал ему рассуждать хладнокровно, ясно. Первым делом надо узнать, куда побежала. А там уж он найдет способ унять того, кто напел ей эти песни. И Скиба зашагал по тропке, которой только что шла Влада. Он не торопился: следы все равно укажут дорожку — на податливой лесной земле четко отпечатывались узорчатые подошвы Владиных сапожек.

Влада тоже шла не торопясь — до встречи с Нечаем оставалось часа полтора. Остановилась у при-метной березы: в ее ветвях свила гнездо лесная птаха, да запоздала с птенцами, и Владе интересно было посмотреть: успеют ли окрепнуть у них крылышки — лесной пернатый народ уже сбивается в стаи, скоро на юг тронется, а эти только летать учатся.

Еще задержалась она на минутку у родничка — глянула в воду, как в зеркало, к волосам приколола синий колокольчик. Влада теперь приходила к Нечаю с цветком в коse: раз сам прикрепил ромашку тогда, на озере, значит, ему так нравится. Очень хотелось Владе, чтобы было Ивану с нею хорошо, потому что Иван не такой, как другие, он добрый, даром что на вид суровый, и повидал многое, и умный. Хорошо бы пройтись рядом с Иваном зеленогайской улицей. И чтобы был Иван в вышитой ее руками сорочке.

Влада наклонилась к воде, чтобы еще раз взглянуть на себя, и услышала, нет, почувствовала, что кто-то осторожно бредет по тропинке. Она потянулась к ружью, легонько взвела курки. В патронах мелкая дробь, но и ее достаточно, чтобы метров за двадцать выворотить живот наизнанку. Ждала долго, но шорох не повторился. Влада пошла дальше — ружье в руках — не оглядываясь: и так почувствует, если за нею следят. И когда снова скрипнула ветка под неосторожным шагом, девушка больше не сомневалась — кто-то шел следом. Оставалось узнать кто. Впереди был лесной ручей, достаточно глубокий, чтобы не перейти его вброд. Кладкой через ручей служили несколько досок на наспех сколоченном ос-

тове. Если эти доски сбросить в воду, а потом выждать в кустах, времени будет достаточно, чтобы и увидеть преследователя и сразу же уйти вперед, пока ее не заметили.

Так и сделала. Из густого орешника она подсматрела, как отец, чертыхаясь шепотом, вылавливает доски и сооружает вновь кладку. Теперь она знала, кто решил ее выследить. Ну что ж, в упрямстве своему отцу она не уступит, жаль, встреча с Иваном не получится...

И Влада пошла такими чащобами, в каких давно не бывала. Она неторопливо отшагала и первый километр, и второй, и пятый, не таясь, не скрываясь, давая Скибе полную возможность убедиться, что дочки полюбились такие вот дальние прогулки, и ничего опасного в том для него, для Скибы, нет, так как выбирает она места пустынные, где никакая встреча ни с кем невозможна. Разве что с хлопцами Стася, но они не в счет, на этот случай твердый уговор: Владу они не трогают, а она ничего о них знать не должна, кроме того, что видит изредка на хуторе. Надо отдать Скибе должное: однажды заявив, что Влада никаких поручений Стася выполнять не будет, он твердо придерживался своего требования. Стась же до поры до времени тоже не настаивал. Он понимал, что в случае необходимости приугнуть Скибу ему не составит особого труда, а Влада пока была не нужна — ее появление в селах сразу бы вызвало разговоры и подозрения. Связником быть не может, для других же целей есть пока и свои люди.

Домой Влада пришла раньше Скибы, разделась, почистилась, приготовила ужин. И когда тот, злой,

в болотной тине и сосновых иголках, ввалился в хату, наивно всхлеснула руками:

— И куда это вы ходили на ночь глядя?

— На луга смотрел, не промокло ли сено после дождей.

Дождя не было уже недели две.

Влада слегка пожурила отца — могла бы и сама сходить. Пригласила к столу: молоко да яичница, другого не успела приготовить, сама только что вратилась. Спокойствие давалось ей нелегко: «А что, если б выследил? Не спосиТЬ Ивану головы». И глухая неприязнь к отцу росла, становилась осязаемой.

ПРАВДА ИВАНА НЕЧАЯ

Вошла в Иванову жизнь чужая прежде девушка и сразу стала частью этой жизни. Ему тоже нелегко было вырываться на встречи к Владе — комсомольцы вначале иронически посмеивались, потом забеспокоились всерьез, предупредили:

— Знаешь ведь, из какого гнезда птица...

Знал Нечай. Из куркульского гнезда, бандитского. Пока не установлены связи старого Скибы с националистами, не доказаны, но это дело времени. Иван убеждал себя, что ему не следует больше видеть Владу. Но проходило два-три дня, и опять Нечая тянуло в лес к приметной лесной поляне, на которой чаще всего скрещивались их тропинки. «Мало во мне классовой сознательности», — пытался упрекнуть себя Нечай. От упреков легче не становилось, золотые косы не тускнели, а глаза не переставали сниться по ночам.

— Или приворожила тебя лесная королевна? — сочувственно осведомилась Надийка.

Иван и Влада теперь встречались часто, выбирая для этого места где-нибудь посредине между хутором Скибы и Зеленым Гаем, каждый раз новые. На этом особенно настаивала Влада: ей казалось, что если с Иваном что-нибудь случится, будет виновата только она одна. Вещунья-совесть недаром предостерегала девушку. Были у них и серьезные разговоры, были и размолвки. Однажды Нечай, за что-то обидевшись на Владу, резко бросил:

— Ты — ко мне, Скиба — к Страфийчуку? Неплохо устроились.

— Глупый ты, Иван, ой, какой же глупый! — оскорбилась Влада. — Ничего не понимаешь...

Обычно Влада очень точно приходила на свидания. А теперь не пришла. Иван строил разные предположения: что случилось? Был меж ними на этот случайговор; если помешает что-нибудь — приходить на то же место дня через три.

Иван постарался так заполнить эти три дня работой, что некогда было вверх посмотреть. Когда снова встретились, у Влады улыбчиво заискрились глаза.

— Почему не пришла? Я ждал, ждал...

— Правда?

— Все глаза проглядел, — не то в шутку, не то всерьез сказал Нечай.

— Не могла, — покраснев, ответила Влада. И вдруг, решившись, честно призналась: — Отец за мной следил — вот почему.

— Ты меня любишь, Владзя? — неожиданно для себя проговорил Иван.

— Люблю, Иванку.

Влада стояла перед Нечаем — совсем не строптивая королевна лесная, а покорная, робкая, испугавшаяся того, что сказала.

...Сколько раз читал Иван в разных книжках про любовь, а не думал, что придет она к нему золотокосой кулацкой дочкой. Это было неожиданно — мысли сбились, спутались, осталась только одна: Влада любит его... По сиреневому вечернему небосводу к горизонту катилось остывающее солнце. Вели шуршащий лесной разговор березы, черно-белые стволы их расписали лес броскими, яркими красками. Мир — небо, солнце, березы — остался прежним. Двое под этим небом и этим солнцем изменились.

— Ничего я не боюсь с тобой, — шептала Влада, прижавшись к Ивану. — Пойду на край земли, глаза выцарапаю каждому, кто на тебя руку поднимет. И никому, никому тебя не отдам!

Не знала девушка, что пройдет всего несколько дней, и ей придется выбирать между двумя самыми близкими людьми — отцом и любимым. Иван ласково, нежно гладил косы Влады, всматривался в лицо.

— Не жалеешь? — робко спросил Иван.

— Нет, коханый. Разве жалеют, когда со счастьем встречаются?

Хотелось спросить Ивану, как же дальше у них все будет. Не решился. Отчаянный, твердый Иван, которого даже на бюро райкома не раз упрекали в излишней жесткости, странно робел перед девушкой. Она сама заговорила об этом.

— Хочу уйти я с хутора, Иван, буду учиться, а нет — так работать. Руки у меня не ленивые, ко вся кому труду привычные. Разве ж я не вижу, между

нашим хутором и Зеленым Гаем не километры — река глубокая лежит? И разная жизнь на ее берегах. Только боюсь: от одного берега отстану, к другому не пристану...

— Я тебе помогу, Владзя! Сам хотел тебя о том же просить: любишь меня — уходи с хутора. Куда захочешь, в город ли, в Зеленый Гай, но подальше от прошлого. Хочу, чтобы и думала ты, как и я, и жила, как и я, одной жизнью.

— Примут ли меня твои зеленогайские друзья? — Тревога и боль ясно прозвучали в вопросе Влады.

— Не знаю, — честно ответил Иван. — Может, сразу и не поверят — чужая ты пока для них. А как дальние — от тебя и от меня зависит.

Когда уже прощались, она спросила:

— Ты какой цвет любишь? — И объяснила: — Хочу тебе сорочку вышить. Чтобы все девчата видели — есть у тебя коханая, и не морочили тебе голову.

— Не торопись, Влада, не так скоро надену я ту сорочку. За заботу же спасибо.

— Почему?

— Поклялся себе, поклялся Лесю убитому и Даниле израненному пообещал — будет на мне гимнастерка до тех пор, пока хоть один бандит топчет зеленогайскую землю.

Грозными были те слова. Не шутил Иван — таким не шутят, памятью мертвых грозят только самому лютому ворогу. Еще деды и прадеды становились на колени перед порубанными товарищами и не богу, не иконам с крестами — им обещали отомстить. И ничто в мире не могло помешать им сдержать эту клятву. Разве что смерть...

Влада в смятении брела по тропинке домой. Ее отец — ворог Ивана... Иван — ворог ее отца. Все смешалось на этой земле, если суженый поднимает оружие на твоего отца. Только разве Иван первым взялся за оружие? Пришел с фронта, мечтал учиться, агрономом стать. Но запылали хаты, полилась кровь — не всем пришлись по душе мечты Ивана и тысяч таких как он. Насмехался же отец: «Из грязи в князи лезут, голытьба, быдло проклятое...»

Своя правда у Ивана Нечая, и не отступит он от этой большой правды. И ее, Владу, выкинет из сердца и памяти, если она не будет с ним. Значит, надо идти одной дорогой с Иваном, потому что он для нее самый дорогой человек, и правда у него большая — правда для всех.

СРЕДИ СВОИХ ВСЯКИЕ ПОПАДАЮТСЯ

Горлинка осталась в лесу. Возвращаться в Зеленый Гай было нельзя: долгое отсутствие учительницы не прошло незамеченным. «Ястребки» во главе с Нечаем и Малеваним прочесали лес вокруг села. Надийка нашла тетрадку учительницы. Вывод напрашивался один: Марию похитили и замучили бандеровцы. Вот тогда и появился в районной газете некролог.

Нет, Марии нельзя было возвращаться в Зеленый Гай, где в связи с ее «смертью» провели митинг — портрет учительницы, обвитый траурными лентами, несли пионеры.

В лесу много было дел. Шла подготовка к операции «Гром и пепел». Каждый день Горлинка отправляла курьеров по установленным адресам и явкам. Курьеры уходили со строгими приказами, подкрепленными распоряжениями Розума, по ее просьбе он тоже остался в лесу. Они приводили с собой группки националистов, выделенных в подмогу Страфийчуку для про-

ведения операции. Ослушаться никто не осмеливался. Неохотно, скрепя сердце, Сорока, Шулика, Дубняк и Джура слали своих людей. Они попадали в руки мрачного Василя. Тот выдавал националистам советское обмундирование, оружие, занимался строевой подготовкой. Когда-то он служил сержантом в Красной Армии, в сорок втором сдался в плен, националисты завербовали его в одном из лагерей. Василь знал команды, уставные требования. Он строил националистов, зычно командовал:

— Рядовой Слипак, выйти из строя!

— Выконую послушно, друже... — с готовностью отвечал приземистый плюгавый Слипак.

— Болван! — орал Василь. — Как отвечаешь, опенок обос...?

Слипак растерянно лез пятерней в потыльцу. Виновато мямлил:

— Так воно б надо было сказать: «Есть, товарищ сержант».

— Молодец, — несколько успокаивался Василь и подавал новую команду: — Рядовой Слипак, стать в строй!

— Слухаю послушно, друже...

— Гнида вонючая! Торба с дерьмом!

— А ты дай ему в зубы — враз поймет, — посоветовал Василю Блакитный — он сидел на пне и наблюдал за «учениями».

От короткого тычка Слипак, приглушенно всхлипнув, растянулся на земле.

— Молодец, — одобрил Блакитный.

Он стал важной персоной в банде — телохранителем самой Горлинки. Назначил его на эту долж-

ность Розум, долго и требовательно наставлявший Блакытного:

— Горлинка сама тебя назвала. Я тоже считаю, что ты подходишь. Ты полностью отвечаешь за ее жизнь. Беречь будешь и от чужих и от своих. Среди своих тоже всякие попадаются...

Розум затянулся цигаркой, задумчиво проследил за колечками дыма, таявшими в синеве. Беседовали они с глазу на глаз, на укромной полянке, закрытой со всех сторон орешником.

— Ничьи приказы, кроме Горлинки, для тебя не-действительны, — методично, размеренно продолжал эсбековец. — Какими бы странными они тебе ни показались — выполнять безоговорочно. Ты ни перед кем не отчитываешься, никому не должен сообщать о том, что делаешь кроме меня и Горлинки, разумеется.

— Даже Страфийчуку? — понизил голос Блакытный.

— Сказано — никому. С этой минуты ты ему не подчиняешься. Если надо — спи у ног Горлинки, но чтоб ни один волос с ее головы не упал.

— Я за нее жизнь отдам, — горячо заверил Блакытный. Про себя пробормотал, что, кажется, это первый приказ за все времена, который он с удовольствием выполнит.

Страфийчук как-то сник, он послушно выполнял все указания Горлинки, уступил свой бункер, старательно занимался подготовкой к операции.

Однажды поздним вечером Дрот неслышно приблизился к командирскому бункеру, наклонился над люком...

— Геть! — отделился тенью от дерева Блакытный.
— Ты что, Остап, своих не признал?

— Геть! — непримиримо сказал Остап. И повторил запомнившиеся слова Розума: «Среди своих тоже всякие попадаются...» Дрот ушел в темноту.

На следующий день Розум отправил Дрота со срочным поручением в дальний курьерский рейс. Из него Дрот не возвратился — напоролся на засаду «ястребков».

ВЛАДА ИЩЕТ НЕЧАЯ

Надийка собралась пойти в сельсовет — надо было договариваться о топливе на зиму для школы, — когда дверь ее хаты стремительно хлопнула, и на пороге появилась Влада с неизменным ружьем за плечами. Это было так неожиданно, что Надийка испуганно ойкнула.

— Где Нечай? — едва переведя дыхание, взволнованно спросила Влада.

«Так и знала, — подумала Надийка, — к Ивану!» Необычные же дела должны были случиться, чтобы решилась она прийти в село.

— Так я тебе и сказала! — независимо, с неприкрытой неприязнью ответила Надийка.

Влада, видно, и не ожидала другого ответа. Она прижала ладони к груди — сердце вот-вот выскочит, — умоляюще посмотрела на Надийку.

— Мне Иван нужен. Я на квартире у него была, нету, хозяйка говорит — вчера еще куда-то уехал. Куда? Большая беда грозит Нечаю...

— Вот как! Наверное, от твоих же друзей и гро-
зит беда. Мало вам крови да слез, на войне про-
литых...

— Люблю я Ивана!..

В голосе Влады Надийка уловила неподдельную
искренность.

— Ушел Иван вчера в район. Возвратиться обе-
щал сегодня к вечеру.

— Какой дорогой?

— Ходит он обычно через лес. Не любит Нечай
кривых дорожек.

— Спасибо! — облегчению вздохнула Влада. —
Я его где-нибудь перехвачу на пути.

— Неужели побежишь навстречу? — всполоши-
лась Надийка.

— Я быстрая. Времени терять никак нельзя. Если
разрешишь, я огородом твоим пройду. И так многие
меня уже в селе видели, а глаза у людей разные —
и ласковые и злые.

— Идем, я тебя провожу, — предложила Надийка.

Она вывела Владу к лесной опушке, хотела еще
о чем-то спросить, но та торопливо протянула руку,
прощаясь, и убежала.

А случилось вот что. Старый Скиба выследил все-
таки дочь. Последнюю неделю он был на удивление
добрый, заботливый, ни в чем не упрекал Владу, на-
оборот, сам предлагал, чтобы она пошла погуляла,
поохотилась, развеяла грусть. Постепенно Влада за-
бывала об осторожности, ей казалось, что отца уда-
лось переломить и он, наконец, смирился. А Скиба
тем временем тщательно следил за каждым ее шагом.

Когда увидел, с кем встречается Влада, первым его желанием было тут же, сразу, убить комсомольца. Потом рассудил: зачем рисковать своей головой, если есть Стась? Его хлопцам подстрелить Нечая — раз плюнуть!

Сегодня рано утром на хутор заглянула Мария. Возвращаясь откуда-то издалека, она зашла отдохнуть, подкрепиться. Влада хлопотала на кухне. Из горницы сквозь неплотно прикрытую дверь доносились голоса. Она удивилась, почему это вдруг разговор в горнице прекратился: ушли, что ли, зачем тогда завтрак? Тихонечко приоткрыла дверь. Отец и Мария — голова к голове — шептались. Видно, о чем-то важном. До Влады доносились обрывки фраз:

— Ходит вокруг хутора, что-то пронюхал... — Это отец сказал.

— Показалось, наверное... Случайно... Разные дела... — недоверчиво говорила Мария.

— Какое там случайно!.. Влада... Сам видел...

Влада поняла, что разговор идет о ней и о Нечае, и затаив дыхание приникла к двери.

— Передай Стасю все это. Пусть немедленно решает, — настаивал Скиба.

— Добре. Я у тебя посплю немножка — всю ночь шла, к вечеру уйду, удобнее так, чтобы не мозолить глаза. Стасю все расскажу. А ты пока сам ничего не предпринимай, понял?

— Поторопитесь только. Слыхал я, парень решительный, да и девка словно взбесилась последнее время....

Влада с трудом сдерживала себя. Она подавила желание немедленно бежать в Зеленый Гай, отыскать

Нечая, предупредить, что нависла над ним смертельная опасность, пусть стережется — бандиты обязательно постараются уничтожить его. Но надо было выждать время, отец сразу догадается, куда она пошла. И Влада с приветливой улыбкой внесла ширящую сковороду, пригласила Марию:

— Поешь. Проголодалась, наверное?

Поговорили о том, о сем. Потом Мария ушла спать, предупредив, чтобы не будили, — все равно днем ходить опасно. Скиба собрался в поле. А Влада, только отец ушел, побежала к Нечаяу. Бежала просить коханого, чтобы немедленно, сегодня же уезжал из этих мест туда, куда не дотянутся кровавые руки Стася. И она с ним.

Но вышло все не так.

Встретила Влада Ивана на полпути к Зеленому Гаю. Иван молча выслушал ее сбивчивый рассказ.

— Мария сейчас на хуторе? — В глазах у Нечая запрыгали недобрые огоньки.

— Да.

— Кто с нею?

— Хлопец какой-то, из банды, наверное.

— Когда пойдет?

— Говорила — к вечеру.

— Куда?

— Точно не знаю, но думаю, что повернет к сосновой посадке — знаешь ее? — обойдет ближнее село и по стежке к Змеиному. А дальше — неизвестно...

— Родная моя! — ласково поцеловал Нечай девушку в глаза, вдохнул запах ее волос. — Теперь тебе нельзя на хутор возвращаться: Скиба предаст,

чтобы шкуру свою спасти. Уже предал, — злобно добавил Иван. — Разве не ясно, что, когда эта бандеровская шлюха, Мария, доложит Стасю, тебя могут убить? Стась ведь не дурак. Поймет, что ты, если со мной что-либо случится, догадаешься, чьих это рук дело...

— Что же со мной будет? — растерянно спросила Влада и теснее прижалась к Ивану, будто отдаваясь под его защиту.

Нечай раздумывал недолго.

— Иди в Зеленый Гай, к Надийке, и жди меня.

— А ты?

— Я скоро вернусь!

Если бы знала Влада, что задумал ее Иван, ни за что бы не оставила его одного!

пуля для Горлинки

Мария покинула хутор Скибы, когда солнце покатилось к закату. Сопровождал ее Юрко Крук. Блакитный теперь часто выполнял поручения Горлинки. С Юрком Мария шла спокойно, он, пожалуй, не уступал Остапу в знании троп и лесных премудростей, без чего в лесу шагу не сделаешь — нарывшись на мину, засаду, свою ли, чужую — разберутся потом, но уже без тебя. Юрко был мягче Остапа и смотрел на мир не так жестко, и песни любил веселые; вечером в лагере запоет вдруг: «Ой, лопнув обруч...» — и самые унылые начинают притоптывать и приплясывать. Но Мария видела и то, как иногда в вечерние зори Юрко уходил от всех на край поляны, усаживался на пень и тоскливо, не мигая, смотрел на зеленый частокол леса — там за ним села, там люди.

Юрко первым заметил слежку. По каким-то своим не-приметным для обычных людей признакам он учゅял, что за ними кто-то крадется.

— Мария, берегись! — вполголоса сказал он, расстегивая пиджак, под которым был спрятан автомат.

Они шли след в след, и Мария не увидела — почувствовала тревогу, охватившую Юрка, и сама забеспокоилась, ускорила шаг.

— Наши? — спросила она.

— Нет, наших здесь нет. Выследили. Один кто-то идет — наши же поодиночке не ходят...

Ускорили шаг, почти бежали, но и тот, неизвестный, не отставал, упорно пробирался сквозь кустарник. Юрко выхватил автомат из-под пиджака и теперь держал его в руках, готовый стрелять.

— Надо сворачивать! — крикнул на бегу Юрко.

Но пока Мария раздумывала, прикидывала, выскочили на поляну — теперь уже поздно сворачивать, и девушка властно скомандовала: «Вперед!» Бежали по высокой траве, вымахавшей на поляне, ромашки били по ногам; и беглецы запыхались, пока добрались до густого подберезовника, упали на землю, прижались к ней, всматриваясь туда, где должен был появиться преследователь. Он показался всего на мгновение, выскочил с разбега на лесную кромку и тут же упал в траву, инстинктивно угадав, что на поляне превратится в отличную мишень, но и этого мгновения было достаточно, чтобы Мария узнала его. За ними гнался Нечай, невесть как напавший на их след. У Марии тоскливо сжалось сердце. Ох, Иване, Иване, буйная головушка, разве ж можно одному в такое время в лесу!.. Так прошло несколько минут, и беглецы и преследователь затаились, выжидая, кто первым выдаст себя. Нечай отполз назад в лес. Марии было видно, как шевелилась трава. Сперва она не

поняла, зачем это ему понадобилось, а Юрко догадался сразу:

— Обойдет кромкой...

— Успеем уйти в подсолнухи, — тихо сказала Мария.

Не успели. Только добрались до плантации, как Иван вынырнул сбоку, метрах в пятидесяти, крикнул предупреждающее: «Стой!» Девушка обернулась инстинктивно, и у Ивана вырвалось: «Мария!» Но он уже увидел рядом с нею бандитовца с автоматом, понял, с кем его свела судьба на оранжево-солнечной плантации, нажал на спусковой крючок. Пуля врезалась в цветущую корзину подсолнечника совсем рядом с Марией — брызнули в разные стороны семечки.

— Ух, клятый, как стреляет! — профессионально оценил противника Юрко.

Теперь уже скрываться не было смысла, и Юрко тоже нажал на гашетку — очередь веером прошила зеленые шершавые листья, срезала литые желтые шляпки.

— Уходи! — сказал Юрко.

— А ты?

— Я задержу этого типа. Видишь, добром не отвяжется, настырный...

— Может, вдвоем удастся?

— Черта с два! Смотри — ползет, сволочь. Уходи, ради всех святых, потом поздно будет! — И, увидев, что Мария все еще колеблется, Юрко успокаивающе добавил:

— Иди спокойно. На развилке у Змеиного болота догоню. Я скоро — у него ведь только пистолет...

Мария почти не сомневалась, что телохранитель ее действительно быстрее догонит, пистолет против автомата — оружие неравнозначное, тем более что автомат этот в руках у Юрка, не один бой, не одну облаву прошел — который год по лесам бродит.

Все-таки Мария попыталась увести Юрка. Используя свою власть, она приказала: «Уходим вместе!» Но едва приподнялись для перебежки, как пуля перерезала надвое сочный стебель у Марийкиной головы. Почти сразу же раздался шелест и треск — укрытый густой зеленою массой подсолнечника, Нечай подбирался вплотную.

— Беги, Мария! Ты же видишь, вдвоем не уйти, мешаешь мне. Чем он ближе, тем мне труднее, а на выстрелы скоро прибегут...

Ушла Мария, где ползком, где на четвереньках, метр за метром уползла от Юрка и Нечая, никогда не знавших друг друга, а теперь вот встретившихся, и кто-то из них так и не узнает имени пославшего в него пулю.

Автомат Юрка таращил скороговоркой — бандеровец стрелял, надеясь, что какая-нибудь пуля прорвется сквозь частокол стеблей. И правда, вслед за одной очередью раздался стон — видно, укусила-таки свинцовая муха Нечая.

Только где-то метров за двести от Юрка Мария выпрямилась, вытерла крупные горошинки пота и устало, не торопясь, пошла напрямик к лесу. Выстрел... Очередь... Выстрел... Очередь... Очередь...

Два человека встретились в бою. Оба говорят на одном языке. Родились на одной земле, и звезды им светят одни. За что же убивают они друг друга? Ведь

Юрко не из панов, не куркульский и не поповский сын, все его богатство — кожушок да шапка... Есть мудрая народная легенда о злой, настоящей на крови отраве, превратившей братьев во врагов. Горьким ядом стали для Юрка националистические бредни, которыми задурманили его голову, и хоть сам он не из панов — привели они его к куркулятам и поповичам.

Очередь... Выстрел...

Чем дальше уходила в лес Мария, тем реже, глушше становились выстрелы — и Нечай и Юрко поняли, что нашла коса на камень, силы равные, и экономили патроны. Как это сказал Нечай: «Поклялся не менять гимнастерку на сорочку вышитую...» Он и сегодня был в гимнастерке — не пришло время Нечаю красоваться в сорочке.

У Змеиного болота Мария долго ждала Юрка. Не пришел. И на базу не возвратился ни в тот день, ни на следующий. А потом Мария узнала, как все было. Они долго кружили по подсолнечниковым зарослям. Партизанский разведчик Нечай не хуже Марийкиного телохранителя знал приемы коварного ближнего боя. Он знал, что вот-вот поспеет помочь из ближнего села, там уже тревожно бухнул выстрел из трехлинейки — сигнал сбора «ястrebков». И Юрко это знал, потому заторопился, теперь частыми очередями прошивал зелень. После восьмого выстрела Нечай нажал кнопку, и пружина выбросила пустую обойму. Полез в карман за новой, и его прошиб холодный пот: обоймы не было, она, очевидно, выпала, потерялась во время погони. Иван мог уйти — бандит не стал бы его преследовать, не зная, что у Нечая

чая кончились патроны, он сам всячески старался от него оторваться, тем более теперь, когда Горлинка была в безопасности. Но Нечай не мог уйти, инструктор райкома комсомола был из тех людей, для которых после принятого решения собственная жизнь теряет значение — есть только цель, выполняя которую следует жертвовать жизнью. Кровоточило плечо — пуля бандита прошила его насквозь.

Нечай нашупал нож...

Через секунды они встретились — лицом к лицу, глаза в глаза, автомат Юрка смотрел комсомольцу в лоб. И в то короткое мгновение, когда бандит нажимал на спусковой крючок, Иван бросил тело в сторону — очередь прошумела в миллиметрах над головой — и в прыжке стегнул Юрка ножом по шее.

СЕРЬЕЗНОЕ ПРЕДУПРЕ- ЖДЕНИЕ МАЛЕВАННОГО

— **Д**умаешь, ты герой?! — Малеванный раздраженно смотрел на Нечая. — Как же, один против двух, с пистолетом — на автомат, с ножом — на очередь! Дурень ты, вот кто! А я, я тоже хорош! — Лейтенант схватился за голову. — Как мог такое допустить?!

— Уж не по убитому ли бандиту горюешь? — въедливо спросил Нечай. — Вот не предполагал, где у него защитники найдутся!

Рука у Ивана на перевязи, под пиджаком. Пуля насквозь пробила мякоть плеча.

— Да ты понимаешь, что говоришь? — Малеванный даже побледнел от негодования, резко отодвинул стакан с чаем, вскочил. — Я ведь тебя предупреждал — никаких самостоятельных действий! Мало ли какие у нас планы! Да, может, мы давно знаем, кто такой Скиба, но не арестовываем пока — что толку, если одного заберем, другие останутся?

Малеванный пришел к Нечаю сразу же, как только

узнал о случившемся. Лейтенант очень рассердился, нет, не то слово, — пришел в ярость, когда Нечай рассказал ему, как, расставшись с Владой, он ушел подстерегать Марию. Малеванный многое не мог объяснить Ивану, потому и кричал на него, топал ногами. Нечая же и сейчас волновало только одно — Мария опять ушла живой и невредимой. Он страстно ненавидел бывшую учительницу. Остальные бандиты были для него безликими, однотипными — стая бешеных собак, которую надо уничтожить. Марию же он домой провожал, за руку здоровался. Она была не просто националисткой, она была предательницей, хитрой, коварной и жестокой; прикинулась овечкой, институт советский закончила, в комсомол вступила. Нет ничего паскуднее, отвратительнее предательства! Предателю — первая пуля. Так думал Иван и в ответ на все упреки Малеванного только упрямо твердил:

— Жалко, сбежала Мария! Не мог я по ним стрелять в лесу, далеко были — промазал бы...

— Конечно, жалко, — согласился Малеванный, но с этими словами как-то не вязался тон, которым они произносились, — отнюдь не сожалеющий.

Помолчали. Чай, приготовленный Ивановой хозяйкой, давно остыл. Малеванный, недовольно морщась, похлебал из стакана.

— Что с Владой-то будет? — спросил он. Осторожно спросил — деликатная проблема, из сердечных нитей сплетенная.

Нечай решительно рубанул воздух рукой:

— Женюсь я на ней...

— На кулацкой дочке, хуторянке, ты женишься,

комсомольский инструктор? Скибе недолго осталось на воле гулять...

— Разве не пошла она против воли отца-бандита? Мы не выбираем себе родителей...

Малеванный неодобрительно покачал головой. Не нравилось ему все это. Мало ли в Зеленом Гае гарных девчат? Из хороших, честных семейств — от прадеда к деду хлеборобы. Хотя бы та же Надийка, верная девчина, чистое сердце, своими руками счастье строит. Но говорят: дай сердцу волю — заведет в неволю. Именно в этом он и попытался убедить Нечая. Иван не стал его слушать.

— Влада ради меня отца бросила! К честной жизни тянетесь; и если бы я даже просто по-хорошему к ней относился, а не любил ее, и оставил сейчас одну — предал бы, вот как это называется. Хватит об этом, поговорили!.. Тут голосованием не решишь!..

— В самом деле, хватит, — неожиданно миролюбиво согласился Малеванный и энергично потер руки. — Ох, и погуляем на свадьбе! Красивую девушку, Иване, подцепил!

...Веселая была свадьба, комсомольская. Без попа и венчания. Гуляло все село: и водой молодых кропили, и зерном дорогу пересыпали, и выкуп с них брали: «Смотри ты, — удивлялись старики, — комсомольцы, а обычай народный исполняют». И все-таки на Владиной и Ивановой свадьбе свадебные традиции были нарушены дважды: жених не был в вышивкой руками невесты сорочке, а по правую руку от новобрачных за праздничным столом не сидел отец невесты...

„ПРОШУ ПОВЕРИТЬ...“

«В комсомольскую организацию села Зеленый Гай от Скибы Влады.

Прошу товарищескую комсомольцев принять меня до себе, в свои ряды. Мой отец очень виноват перед народом. Он не сможет искупить свою вину, так как погиб от рук таких же, как сам. Но я честно напишу, что если бы и был живым, то все равно боролся бы против Украины Советской. Я его хорошо знаю, как знаю и тех, кому он служил. Это бандиты, и чем скорее их уничтожим, тем лучше для всех нас. В комсомол вступаю потому, что хочу быть честной. Прошу мне поверить, очень прошу. Если понадобится моя жизнь — отдам ее людям, чтобы хоть немного исправить зло, причиненное отцом. От начала и до конца принимаю главнейшую задачу комсомола — борьбу за народное счастье...»

КАК ВЫЮТ ВЕРЕВКИ ИЗ НЕПОКОРНЫХ

Стась вошел в бункер, когда Горлинка давала указания курьеру. Проводник удивился, увидев, как преобразилась его конура: чисто подметено, наряды прибраны, на столе букет лесных цветов. Курьер сидел на краешке табуретки, и поза его ясно свидетельствовала о готовности выполнить приказ. Отправлялся он, судя по разговору, в Бурлацкий лес. Стась в ближайшие дни сам намеревался побывать там — надо было посоветоваться кое с кем о сложившемся положении. Он послушал немного Горлинку, которая не обратила на его приход ровно никакого внимания, скомандовал:

— Отставить! В Бурлацкий лес не пойдешь...

Горлинка сделала вид, что не заметила вмешательства Стася:

— Встретишься с Шуликой. Скажешь: «Гуси ключом в заморские страны потянулись». Шулика ответит: «К теплу от холода летят». Ты ему скажешь: «Добре там, а здесь лучше». И если он тебе отве-

тит: «Ничего нет лучше родины», ты вручишь ему вот эту записку. Шифр он знает. Пусть при тебе прочтет и сожжет. Повтори!

— Я сказал — отставить! — закричал Стась. — Кто здесь проводник? Я тебя спрашиваю! — повернулся он к курьеру.

— Ты проводник, — нехотя ответил тот.

— Почему же не выполняешь мои приказы? Или на гиляку захотел?

Курьер туповато посматривал то на Горлинку, то на Стася: с одной стороны, вроде и действительно Стась проводник, с другой — Горлинка на тот свет собственоручно Волоцюгу отправила. Вот уж правда: паны дерутся, а у хлопов чубы трещат.

— Ну-ка выйди, — приказала Горлинка курьеру. — Потом закончим. А то вот проводник хочет со мной поговорить.

Они остались вдвоем.

— Не кажется ли вам, друже Ярмаш, что вы были, мягко выражаясь, невежливы? — недобрый голосом осведомилась Горлинка.

— Здесь только я командую, — уже не сдерживаясь, завопил Стась. — Проводник я или нет?

— Вы! Успокойтесь, вы! А вот кто здесь командует... Хочу напомнить вам одну давнюю историю. Помните, вы служили тогда у проводника Сороки? Боевой был проводник, страх на всю округу нагонял. Был у него только один недостаток: за невыполнение своих приказов не одному хлопцу пулю в лоб вогнал, а сам подчиняться так и не научился, потому что бандитом из тюрьмы пришел в лес, бандитом и остался. Однажды прибыл к Сороке курьер. А он что?

Взял и прогнал курьера, да еще смеялся: «Без ваших дурацких приказов обойдусь, Сорока не из тех, кого можно на веревочке водить». Дальше все просто было. Пришли денька через три эсбисты, поставили Сороку перед строем и... Умер без покаяния Сорока. Вы тогда еще третьим с правого фланга стояли, друже Ярмаш. Оттуда, наверное, все хорошо было видно, не правда ли?

Стась побледнел, лиловые круги четче обозначились под глазами.

— Вы... откуда знаете?

— Все очень просто, Ярмаш! Это было сделано по моему приказу. Кстати, тогда я еще не обладала такими полномочиями, как сейчас...

— На что вы намекаете?

— Не намекаю, предупреждаю: каждый, кто мешает свободной Украине, подохнет, как пес. Ишь ты, намекаю!.. Я вам не возлюбленная, чтобы намекать. Мое дело приказывать, ваше — выполнять. — И, не давая опомниться, продолжала: — Еще одно. Вы, конечно, не забыли, что вам обещано за успешное выполнение операции «Гром и пепел»?.. Сбещание остается в силе. Но только я могу отдать приказ о его выполнении. В случае срыва операции, моей гибели или других чрезвычайных обстоятельств никто не сможет осуществить то, чего вы так желаете...

Горлинка говорила сухо, официально, ровным, бесцветным голосом. Она изменилась до неузнаваемости: с проводником говорил человек, который привык командовать и не терпел ослушания. Страфчик уже не раз проклинал ту минуту, когда вздумалverbовать учительницу. Эта чертова девка может всадить

пулю в лоб — и глазом не моргнет. Или отдаст приказ — и его не колеблясь расстреляют свои же собственные «боевики».

— Так что в ваших интересах, Ярмаш, чтобы со мной ничего не случилось, — многозначительно подвела итог Горлинка. Она отлично знала волчыи нравы мелких и крупных вожаков националистов.

— Что вы, что вы! Великая для меня честь встретиться со славной дочкой нашего... — Семинарист, выученик ушиатов, громкими словами скрывал растерянность.

— Бросьте! Лучше постарайтесь понять то, что слышали...

Стайчик понял. Он молча глотал обиды, вымещал злость на «боевиках» и всячески старался подружиться с Горлинкой.

Полным ходом шла также подготовка к совещанию в зачепной хате Скибы. План Стайчика по объединению мелких националистических групп был одобрен Горлинкой и Розумом. Правда, в последнюю минуту Стайчик заколебался: мелкие группы оперативнее, в случае провала уничтожается одно звено, другие же остаются. Если чекисты нащупают объединенный провод — не уйдет никто, и с националистическим подпольем в обширном районе будет покончено.

— Пустое, — возражала Горлинка. — Общими силами можно такие дела закрутить! Волков бояться — в лес неходить...

Розум тоже настаивал на решительных действиях. Оставалось согласовать обе операции по времени.

Откладывать их Горлинка не разрешила: агенты доносили, что в селах, которые бандеровцы, занятые внутренними делами, не тревожили, наблюдается затишье, серьезных воинских подразделений вблизи нет.

Несколько раз исчезал Блакытный. Он появлялся весь забрызганный грязью проселочных дорог, небритый, усталый, вконец измотавшийся и заваливался отсыпаться. Какие дела водили его по лесным чащобам, никто не знал, да и не допытывался. Горлинка уходила с ним в лес, подальше от любопытствующих ушей и глаз, и там Остап докладывал о результатах своих походов.

В банде втихомолку поговаривали о слишком явной симпатии Горлинки к голубоглазому хлопцу. Остапу завидовали. Бандеровцы считали, что Горлинка своею властью вырвет Блакытного из леса, заберет с собой «туда»... Куда — об этом только догадывались.

Горлинка уже давно не обращала внимания на слухи, сплетни, на грязь, которую в нее бросали. У каждой профессии есть свои производственные издержки. Она же занималась профессией, диапазон издержек которой был очень широк: от клеветы до гибели. Но она каждый раз внимательно прислушивалась к тому, что говорят о ней: вредит ли это ее делу или нет? Девушка была довольна тем, как развивались ее отношения с Остапом. Вот и сегодня у них состоялся очень интересный разговор.

Остап, как обычно, сжато доложил о выполнении задания. Ходил он в Зеленый Гай — дело было срочное, спешное, пришлось, рискуя быть опознанным,

появиться на оконице села днем. Все сошло благополучно.

Горлинка сидела на пригорке. Остап стоял рядом, вполголоса рассказывал. И Мария и Остап почти одновременно заметили, как в кустарнике качнулась ветка.

— Птица? — спросила Мария.

— А вот я сейчас эту птицу из автомата... — угрожающе в полный голос произнес Остап.

Дважды повторять не пришлось. В кустарнике зашелестели, завозились, «кто-то» поспешно уходил от поляны. Горлинка и Остап понимающе усмехнулись. Это мог быть Розум. Или Страфийчук. А может, кто-либо из националистов проявлял излишнее любопытство. Но кто бы ни был, соглядатаи ни к чему.

Почти рядом с ними ржавым холмиком возвышался муравейник. Рыжие муравьи деловито сновали по тропинкам, тащили в свой дом быlinки, стебельки и прочий строительный материал. Остап задумчиво наблюдал за ними, даже помог какому-то работяге — убрал стебель, преградивший дорогу.

— Вот все, даже муравьи, строят, только мы разрушаем...

— Не кисни. Осталось недолго.

— У вас все ясно, Мария Григорьевна. Зато я свою жизнь перегородил такими греблями, что век не разгородить.

— Мне бы твои заботы...

Горлинка совсем по-бабы пожаловалась:

— Устала я, Остапе. Очень устала...

Тучки на небе собирались в стаю и двинулись к горизонту.

— Пора, — девушка встала. — Все понял?
— Сделаю, Мария Григорьевна, не беспокойтесь!
— Смотри, от тебя многое зависит.
— И жизнь моя тоже...

Остал вскинул на плечо автомат. Еле приметной тропинкой, по которой и идти можно было только согнувшись, они вернулись на базу.

МНОГО ВИДЕЛ СМЕРТЕЙ ОСТАЛ

Тарас Скиба жил теперь только для одного — для мести. Как и предсказывала Влада, он быстро дичал, опускался: оброс, борода рыжей паклей свинсала на засаленные лацканы пиджака, набухли веки, из-под них злыми, острыми буравчиками блестели щелки глаз. Он знал день и час, на которые назначалась свадьба Ивана и Влады. Из села пришла баба Кылына, принесла самогон для лесовиков, заодно сообщила сельские новости.

— Твоя-то краля с комсомольцем этим, Нечаем, не наимилуется. Все вдвоем да вдвоем. Свадьба завтра.

— Не каркай!

— А чего не каркать, — не обиделась Кылына, — если уже и по селу ходили, приглашали. И не так, как обычно: «Тато звали, мама клычуть, и мы запрошуем», а по-своему: «Молодые и комсомольская организация приглашают вас...» Тыфу!

— Так, говоришь, завтра свадьба?

Скиба, сстулившись, бес-

цельно побрел по подворью. Подправил и так аккуратно сложенную поленницу, переложил с места на место топор, убрал косу, небрежно прислоненную к гыну. Кылына тихо ойкала, когда он брался то за топор, то за косу.

— Убьешь их? — с надеждой проголосила она.

— Уйди ты, Христа ради, карга чертова! — зарычал Скиба.

Кылына, оглядываясь на каждом шагу, поминая то бога, то черта, рысцой протрусила к калитке. Скиба остался один. Подошел к дому, пошарил под крышей, извлек автомат. В горнице застелил стол клеенкой, достал из шкафчика машинное масло, старательно почистил ствол, замок, вынувшись патроны из магазина, осмотрел их, пересчитал. За этим занятием и застал его Остап, пришедший по поручению Горлинки предупредить, что днями соберутся у Скибы проводники для важного разговора — пусть хозяин знает и приготовится.

Скиба выслушал, прикрыл глаза ладонью.

— Нельзя у меня собираться. Сгорела моя зацепная хата, все пошло прахом, дочки и той лишился, кровинки своей.

— Ты куда собрался? — Остап кивнул на автомат.

— На весилля к дочке! Не приглашают меня, но я приду, поздравлю молодых. А вот это, — Скиба вскинул автомат, — пропоет им многая лета...

Остап осторожно отодвинул от себя ствол, проговорил убеждающе:

— Не мешал бы ты им жить, Тарас. Своя у них дорога...

— Одна у них сейчас дорога — на кладбище!

Ушел Остап. Не мог он больше оставаться в этой хате, чистой и светлой, где в каждом углу поселилась глухая ненависть. Не мог разговаривать с человеком, готовящимся убить родную дочь... Много видел смертей Остап. И подлых, когда товарищей предают, вымаливая жизнь. И гордых — «Стреляй, собака, отольется тебе моя кровь, проклянут тебя и род твой люди!» — так кричал Стасю-бедняк — председатель сельсовета, замученный в сорок пятом. Много видел смертей Остап. Но чтобы вот так — на свадьбу дочери с автоматом?.. Он и Марии сказал:

— Ушел, потому что боялся — пристрелю. Взбесился старик, злобой давится, на губах даже пузырьки выступили...

Мария одобрительно взглянула на Остапа — по-новому начал думать. Потом велела позвать Стася и Розума. Перед тем как они вошли, приказала Остапу:

— Расскажи, что знаешь. Только без эмоций, без переживаний.

Пока Остап докладывал, Розум задумчиво барабанил пальцами по столу, Мария сидела озабоченная, один лишь Стась сразу высказал свое отношение — красноречивым жестом провел по горлу.

— Правильно! — поддержала его Мария. — Действовать надо решительно...

— Кого? — спросил Розум.

Стась хотел объяснить, он даже привстал с табуретки. Его опередила Горлинка:

— Проводник предлагает немедленно убрать Скибу. Если Тарас убьет Нечая и Владу, выстрелы всполошат всю округу. А это значит — облавы, похватают нужных нам людей, возможно, даже пришлют воин-

скую часть. Стоит ли ставить под угрозу операцию «Гром и пепел» из-за двух убийств, которые только озлобят коммунистов? Жалко, конечно, Тараса, ослеп от ненависти, но у борьбы свои законы. Правильно я вас поняла, друже Стась?

Стась, от удивления раскрывший рот, ушел от ответа, пробормотал что-то невразумительное.

— Ваше мнение, друже Розум? — спросила Мария.

— Надо поторопиться... От зацепной хаты Скибы придется отказаться.

— Згода *, — подвела итог Мария. И Остапу: — Слышал? Иди...

Остап ушел. Вернулся через несколько часов. Молча отдал Марии автомат Скибы. Глухо сказал:

— Я его закопал. Все-таки человек...

— Не человек, — возразила Мария. — Поднявший руку на счастье детей перестает быть человеком.

---

* Згода — согласие (укр.).

— Стась что-то затевает, — предупредил Марию Остап. — Нюхом чую — дело нечистое.

— А точнее?

— Притих сильно — не в его характере. Курьеров своих посыпает к проводникам. Твои идут и его. С чем, никто не знает. И заметь — все больше Василь ходит, Микыта, Юрась, а они со Стасем еще при немцах гуляли по лесам. Неспроста все это...

Симптомы какой-то внутренней, незаметной другим деятельности в банде Мария тоже заметила. Вспомнила она и Юрася — высоченный «боещик», синеглазый, стройный хлопец. И что курьеры Стася куда-то уходят, тоже видела. Вот только внимание на это раньше не обратила — жаль! Пожалуй, правильно Остап волнуется. От Стася всего можно ожидать. Трудно надеяться, что он доверяет ей до конца. Слишком уж необычными были обстоятельства, при которых они познакомились и «подружились». Возможно, Стась по своим каналам наво-

КУРЬЕРЫ

СТАСЯ

дит о ней справки. Зачем это ему? Не доверяет — звериные инстинкты для таких, как он, проживших не один год в лесу, часто значат больше, нежели все другие аргументы. Почему волк иногда минует западню? Шел прямо в нее, а за десяток шагов свернул...

— Ты можешь узнать, что передают курьеры Стася проводникам? — спросила Горлинка Остапа.

— Вряд ли, — засомневался хлопец. — Ты же знаешь наши порядки: что известно одному — до того другому дела нет.

— Надо, Остап. Я могу, конечно, призвать сюда и Стася и его курьеров, потребовать, чтобы сами сказали. Только думаю, на такой случай у Страфийчука разработана запасная версия — отбреется...

— Даже если и узнаем, помешать не сможем. У них — сила.

— Ничего, Остапе, бывали и похуже ситуации. Остап ерошил густые волосы — верный признак размышлений. Спросил Марию:

— У тебя самогон есть?

— Стоит целая сугроба под нарами. От Стася наследство.

— Ну, тогда попробуем...

Он отыскал в одном из бункеров Василя. Тот спал, по давней арестантской привычке закутав голову ватником: пусть галдят и орут вокруг — не помешают. Остап легонько тряхнул Василя, за плечо. Василь матюгнулся, поплотнее надвинул ватник.

— Да проспись ты, холера...

Бандит сел, аппетитно зевнул, опять ругнулся.

— Чего тебе? Сон видел, будто сижу за столом в собственной хате, а на столе сало, колбасы шкварчат, пляшка казенки. Только я стакан налил, ко рту потащил, а тут ты...

Остап пошептал ему что-то на ухо.

— Вот это дело! — оживился Василь. — Где добыл?

Остап опять пошептал. В бункере были еще националисты — кто клал латку на штаны, кто спал, а кто и просто лежал, бездумно уставившись в потолок. Бункер этот был далеко не таким комфорта-белльным, как у Стася. Обшивка на стенах местами полопалась, из-за нее сыпалась сырья комковатая земля, низкий потолок укрылся плесенью. Везде — изжеванные окурки, остатки еды, нагар от свечи и коптилок. Одно оружие в идеальном порядке, у каждого под рукой на случай внезапной тревоги.

— Куда собирались? — лениво спросил кто-то.

— На кудыкину гору...

Через узкий люк Василь и Остап выбрались из бункера. Крышкой люка служил большой куст на пазах, отодвинутый сейчас в сторону. Поля пиджака у Остапа недвусмысленно оттопыривалась. Забрались в заросли черемушки, Остап достал сулею самогонки, несколько луковиц.

— Ну, будьмо...

— Будьмо...

Выпили.

— Ворогам на погибель, нам на здоровье...

— Будьмо...

Опять выпили.

— Щоб дома не журылысь...

— Будьмо...

Еще выпили.

Хотя Остап и произносил тост за тостом, пили степенно, со знанием дела, неторопливо наливаясь хмельной истомой. Звенели алюминиевые кружки. Закусывали луковыми дольками.

— А ты хлопец непоганый, — прочувственно сказал Василь. — Смурный только, и нет в тебе той отчаянности, что у настоящих «боевиков». А так ничего. Я на тебя косо поглядывал еще с того случая, как комсомолку-библиотекарку прихватили. Хлопцы добре с нею побывались, ты же побледнел и ушел. Давай выпьем!

Василь подставил кружку. Пьянел он быстро. После мрачного подземелья с затхлым, вонючим духом лесной воздух рвал легкие, дурманил голову. А тут еще самогонка. Крепкая. Баба Кылыша, видно, сыпала в свое зелье известь — хлебнешь, глотку жжет.

Василь жаловался на тяжелую жизнь, поминутно кивая в сторону бункера.

— Совсем бешеным стал Ярмаш. Сколько знаю его, таким сроду не был. Ни себя, ни других не жалеет. Я за эти дни столько километров натопал! Ну, скоро все кончится...

— Скоро, — эхом откликнулся Остап.

— Я тебе как другу говорю — недолго осталось. — Василь потянулся к сундуку, снова налил себе и Остапу. — Ты дывы, вроде и не пили, а донце показалось...

Прикончили сулею быстро. У Остапа хватило сил встать на ноги. Василь пытался подняться, опираясь на молоденькую березку. Березка гнулась, гибко выскальзывая из рук пьяного. Обнявшись, новые друзья побрали к бункеру. Василь загорланил: «Розпрягайте, хлопци, коней!..»

— Тише, — уговаривал его Остап, — Стась почуе.

— Это верно, — скис Василь. — У человека настроение хорошее, так ему и поспиваты низзя. А ты добрый хлопец! Давай, Остапе, послезавтра друг дружку из виду не терять. Пустить Зеленый Гай по ветру — то полдела...

— А здаётся мени, Горлинка про послезавтра ничего не говорила...

— Точно, у них уже все назначено. Сам ходил к Джуре, предупреждал...

— Ишь ты, а не сказала. Твой Стась сказал, а моя краля ни слова...

— Бабы, они завсегда скрытные. Но я тебе, как другу, — держись за Василя, не пропадешь...

— Чертовы корни, переплутали стежку... Ты куда, Василь?

— В бункер не пойду, где-нибудь под кустом отосплюсь. Стась побаче — рука у него тяжелая. Предупреждал, чтоб до послезавтра ни капли в рот не брал. А после, говорил, погуляем...

Василь захрапел на полуслове. Добрую самогонку варит баба Кылына, известь, видно, мешает в свое варево — для крепости. Остап встал, пощупал голову — огнем горит. Непослушными руками попытался отряхнуть траву, листья, лесную труху. Поля

пиджака оторвана, штаны в грязи, на рубашке тоже грязь. В таком виде и ввалился к Марии.

— Добре погулял, — засмеялась Горлинка, всплеснув руками.

Остап, спотыкаясь на каждом слове, выложил то, что удалось узнать.

— Ложись спать, — приказала Мария. — У меня ложись, нечего в таком виде по лагерю шататься. Трудный завтра день будет...

ТРОЕ БЕЗ ИМЕН

— Ну что же, этого следовало ожидать, — спокойно сказал Розум. — Страфийчук, ошеломленный внезапными событиями, вначале выпустил из своих рук инициативу. Теперь пришел в себя, предпринимает контрмеры. Операция практически подготовлена и может состояться хоть завтра, но Страфийчук что-то заподозрил и на всякий случай решил опередить события. У проводников он пользуется влиянием — наслушаны о его подвигах. Выбор места сбора тоже не случайный: Джура — старый приятель Стася, вместе в Берлинской академии обучались. Я знаю, что несколько дней назад Стась и Джура встречались у Скибы — тогда зачепная хата еще действовала. О чем говорили, неизвестно, охраняли их Василь, Скиба и телохранитель Джуры. Но я тоже кое-что предпринял.

— Что? — спросила Горлинка.

— Сегодня сюда придут мои хлопцы. Трое.

— Мало.

— Больше нельзя. Придется рисковать.

В люк бункера просунулась патлатая голова кого-то из националистов. Он доложил: задержали троих типов, те говорят, что нужен им Розум. Пароли знают, а их никто не знает.

— Ведите, — распорядился Розум.

Вошли трое в сопровождении дозорных. Плечистые молодые парни. Гладко выбритые. В хромовых сапогах. Чем-то неуловимо похожие друг на друга. И еще на кого-то похожие. На кого? Мария пытается вспомнить, напрягала память. Вспомнила: похожи на тех, кто маршировал при немцах в зондеркомандах. Такие же лощеные, сытые и туповатые. Щелкнули каблуками: «Слава героям!»

— Пароль!

Ответили. Розум приказал вернуть оружие. Они деловито затолкали короткие немецкие автоматы под спортивные пиджаки, пистолеты в карманы.

— Откуда, хлопцы? — спросил дозорный, пока Мария и Розум совещались.

— А оттуда... — Один из троих ткнул пальцем в пространство и загоготал своей, как ему показалось, удачной шутке.

— Да, школа... — завистливо вздохнул дозорный, приглядываясь к хромовым сапогам пришельцев. — Эти наведут порядок...

— Надежные? — спросила Горлинка.

— Эта троица побывала в таких передрягах — ахнешь! Я вот все думаю: сколько у Украины верных, мужественных сынов, и никто о них не знает. Приходится — падают мертвыми, приходится — в сгонь идут. Во имя чего? Ради Украины и народа ее.

— Придет время — люди о них узнают, и гордиться будут. Ничего не забывается, Розум. И о вас узнают. Стану я учительницей опять, войду в класс и просто скажу: «Сегодня, дети, я расскажу вам о том, как боролись и побеждали лучшие сыны народа нашего...»

Розум смущенно усмехнулся. Не так уж и далеко до того времени, а пока...

— Эй, кто там! Остапа Блакытного сюда!

Остап неторопливо влез в бункер.

— Ну-ка, закрой люк, — попросил его Розум. — Вот так-то лучше. Береженого бог бережет. Есть у нас с Горлинкой к тебе важное задание, Остап. Готов его выполнить?

— Все, что угодно! — горячо блеснул глазами Блакытный.

— Пойдешь к памятнику панским музыкантам. Пойдешь так, чтобы ни одна собака твой след не унюхала. А выследят — стреляй, уходи куда угодно, но живым в руки не попадайся. Больше всего наших, из провода, стерегись. Тебя попытаются выследить, потому что я сам приказал не спускать глаз с каждого, кто уходит отсюда. Сможешь уйти незаметно?

Блакытный прикинул что-то в уме, коротко ответил:

— Смогу.

— И я думаю, что сможешь, — удовлетворенно кивнул Розум. — У памятника будет тебя ждать человек. Кто бы он ни был, не удивляйся. Покажешь ему вот это, — Розум протянул Остапу кленовую сопилку без мундштука. — Мундштук у него. Он еще тебя спросит: «А играешь ли ты, хлопче, на сопил-

ке?» Ответишь: «Нет, только учусь». Запомни: слова должны стоять именно в таком порядке — иначе тебе не поверят. После этого скажешь ему: «Погода изменилась. Буря будет завтра». Если же он начнет расспрашивать, скажи, что ничего больше не знаешь. Ясно?

Остап слово в слово повторил услышанное, спросил:

— Значит, я должен оставить Марию? Мало ли что может случиться...

— С Марией буду я...

Остап ушел.

— И нам пора собираться, — сказал Розум. — До Джуры километров двадцать — как раз поспеем к началу.

Он надел старенький ватник, проверил пистолет, снял со стены автомат. Мария тоже осмотрела оружие. Чуть в стороне от люка на траве сидели трое вновь прибывших. Они были готовы в дорогу.

Мария хотела пристроиться вслед за Розумом, но один из хлопцев, старший, наверное, опередил ее, и она оказалась за его спиной. Двое других шагали сзади, метрах в пятнадцати от нее. Прошли километра три по густо заросшему березняку. Один из тех, что шли сзади, вдруг бесшумно свалился под куст. Через несколько секунд послышались возня, звонкий удар и равнодушное напутствие: «Если еще вздумашь вынюхивать, подвешу на осине». Хлопец доднгал их и пристроился следом. Так они и шли — не разговаривая, чутко прислушиваясь к каждому шороху, автоматы под локтями на ремнях. За весь длинный путь Розум только один раз сделал короткий

привал. Легли на траву — голова к голове, — и он тихо объяснил хлопцам:

— У этого дома три окна. Мы войдем все вместе. Как только войдем — становитесь к окнам, но так, чтобы в спину вам не могли стрелять со двора. Будет там четверо, хозяин пятый, да еще четверо телохранителей, итого девять. Никого не трогать, нам нужен Стась. Но в случае чего — стрелять без команды. Наверняка выставлен пост из телохранителей. Те, что в кухне, нас не интересуют — без приказа своих проводников они за оружие не возьмутся. А вот тех, что на подворье, придется вязать — нам очень важно появиться перед Стасем и проводниками внезапно...

К зачепной хате подошли, когда уже стемнело. Мария бывала здесь раньше, еще в дни рейсов по селам и хуторам, и сейчас она безошибочно вывела всех к забору из жердей. Залегли, долго слушали темноту. Окна хаты были плотно задернуты занавесками, оттуда не доносилось ни звука — наверное, хозяин так и не вынул на лето вторые рамы. На подворье тоже было тихо. Наконец откуда-то сбоку, от стога сена послышался тихий говор:

— Курить хочется.

— А ты закури.

— Тютюн оставил в хате.

— На, возьми мой.

Двое хлопцев отделились от группы и поползли под забором на голоса. Вернулись быстро, и Розум, увидев их, встал и, не таясь, пошел к хате. Он пропустил Марию вперед: «Теперь твоя очередь. Дверь открывай резко, но так, чтобы свет не ослепил». Ма-

рия набрала в легкие побольше воздуха, чуть задержала дыхание — верный способ сбить нервную дрожь, — вошла в сени, подождала, пока и остальные перешагнули порожек, и рванула дверь.

— Слава героям!

Проводники сидели за столом, слушали Стася. Станичук вышагивал по комнате. Он остановился как громом пораженный, увидев Марию. На столе стояли глечики с молоком, ломтями нарезанный хлеб, отсутствие самогона свидетельствовало, что разговор здесь шел серьезный. Краем глаза Мария видела, как за ее спиной неторопливо, но достаточно быстро прошли хлопцы Розума и встали у окон.

— Ну, что же не отвечаете на приветствие, боевые друзья и товарищи? — спросила она ласково и доброжелательно.

— Откуда вы взялись? — выдавил, наконец, из себя Стась.

— По вашему приглашению, Стась, по вашему, — зловеще проговорил Розум.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ ГОРЛИНКИ

Проводники догадались, что Стась втянул их в какую-то игру, затеянную без ведома и за спиной у Розума и Горлинки. Это были атаманчики, призывавшие только силу. А сила эта была на стороне Розума. И не только в виде трех молодцов с автоматами. Розум представлял грозную СБ, националистическую Службу безопасности, у которой суд всегда был скорым и безжалостным — к стенке, на жердь. Рядом с Розумом стояла Горлинка — эмиссар с чрезвычайными полномочиями.

...Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Может показаться странным, что вожаки немногочисленных, затерянных в лесах националистических банд, каждая из которых была оторвана от всего мира, так панически боялись расправы со стороны своих же руководителей. Но дело в том, что организация украинских националистов, избравшая основным методом борьбы против украинского народа террор, сама

держалась на жесточайшем терроре. Расправа эта могла осуществиться немедленно, но могла прийти и в тот момент, когда ее меньше всего ждешь. Во всяком случае, вожаки националистов — и крупные и мелкие — всегда подчеркивали ее неизбежность и обязательность. Иначе трудно было бы держать в узде тех, кого националисты обманом, шантажом завлекли в свои сети, кто начал прозревать, избавляться от националистического дурмана. Вот почему проводники, собравшиеся у лесника, меньше всего были склонны сопротивляться энергичному написку Розума и Горлинки. Только Джура, которому Стась раньше высказал свои подозрения, держал автомат наготове.

— Положи зброю, Джура! — не терпящим возражения тоном приказала Горлинка. — Прибереги свой пыл для будущего. Ярмаш проявил инициативу, решив вас собрать накануне операции, — что же, это хорошо. Он, правда, забыл пригласить меня, но это уже по части Розума — пусть решает, является ли это актом невежливости или предательством общих интересов...

Горлинка села на усердливо пододвинутый кем-то из проводников стул, по-хозяйски расположилась за столом.

— Ну продолжайте, мы послушаем...

Стась, бледный, с нервно бегающими глазами, попытался оправдаться:

— Да мы ж хотели, как лучше... Чтобы не беспокоить вас — ведь осталось уточнить детали...

— Бросьте, Ярмаш! Лучше докладывайте. Мы ведь пришли к началу, не так ли?

Стафийчук собрался с духом.

— Подготовка к операции «Гром и пепел» в основном закончена. Остается окончательно согласовать план действий... — Стась развернул карту. — Вот Зеленый Гай... — Палец Стафийчука ткнул в точку на краю лесного массива. — Справа от села, километрах в двух, глубокий овраг под названием Сухая балка. К двадцати трем часам все наши наличные силы скрыто сосредоточиваются в балке и отсюда охватывают Зеленый Гай кольцом. Ровно в полночь по общему сигналу приступаем к операции. Задача: жителей уничтожить, село сжечь, сровнять с землей...

И хотя присутствующие были давно посвящены в задуманное, у многих прошел мороз по коже. Трепогил «масштаб» — вырезать жителей целого села! Жалость, конечно, здесь была ни при чем — привыкли убивать детишек, женщин, безоружных селян. Но к сердцу подступил страх перед возмездием — никто не простит им подобного злодеяния...

Стась источал ненависть. Он ненавидел всех — и людей, и землю, и жизнь. Годами скапливалась в нем эта звериная злоба — дикая, трусливая, прикрываемая цитатами из библии, иезуитскими разглашениями о любви к отчизне-неньке. Бандеровец деловито, будто речь шла о чем-то обыденном, а не о кровавой расправе над мирными жителями, рассказал, для чего понадобилась эта акция.

...В последнее время на международной арене шансы украинских националистов резко упали. За кордонная общественность больше не верит в то, что украинское население создало «повстанческие» отря-

ды против Советов. Наоборот, многочисленные делегации из-за рубежа, имевшие возможность детально познакомиться с жизнью населения Западной Украины, убеждаются в обратном: люди ненавидят националистов. В этих условиях необходимо найти новые возможности для решительной смены настроений. Операция «Гром и пепел» должна послужить великой цели: убедить широкую общественность в том, что движение националистов не утратило своей силы. Наоборот, оно успешно развивается, и именно поэтому коммунисты обрушаются на него массовыми репрессиями. Зеленый Гай должен стать «жертвой большевистского террора». Буквально на следующий день на пепелище нагрянут иностранные «корреспонденты», которые знают, о чем и как писать. Чтобы облегчить их задачу, следует оставить в бывшем Зеленом Гае вещественные доказательства: пилотки со звездочками, гильзы советских патронов и т. п. «Работать» «боевики» будут в советской военной форме. Буржуазные газеты, поддерживающие националистов, широко расскажут своим читателям о «зверствах» большевиков, о «героической борьбе» безоружных селян против регулярной армии. В международные организации последуют запросы... Об одном только умолчал Станичук — о том, что за успех операции «Гром и пепел» ему обещана безбедная жизнь в одной из маленьких западноевропейских стран...

Когда все было обговорено, Стась сказал:

— Я буду находиться...

— На базе, — перебила Горлинка.

— Как? Мне не доверяют? Отстраняют от командования?

— Совершенно правильно, Ярмаш, — невозмутимо подтвердила Горлинка. — Вам нельзя больше доверять. Вы любите ссылаться на божье слово, позвольте и мне напомнить, что сказано в Соборном послании святого апостола Иакова: человек с двоящимися мыслями нетверд во всех путях своих... Что вы решили, Розум?

— Решать буду не я, другие. Им доложу. А пока... — Розум помедлил, прикинув что-то в уме, коротко скомандовал. — Взять!

Один из хлопцев, стоявший ближе всех к Стасю, у него за спиной, резко взмахнул рукой, ребром ладони рубанул Ярмаша по шее. Тот, икнув, мешком опустился на пол. Хлопец подобрал автомат Стася, волоком подтащил отяжелевшее тело к выходу. Джуря вскочил.

— Сиди! — прижал его к табуретке другой из помощников Розума. — Не рыпайся.

Остальные молча смотрели на расправу. Видно, каждый мысленно благодарил господа бога, что не он оказался на месте Стася.

— Со Стасем все, — деловито сказала Горлинка. Она походила по комнате. Лицо холодное и властное, непроницаемое. — Очень важно обеспечить отход. Сами понимаете: как только станет известно об операции «Гром и пепел», весь район будет немедленно оцеплен, и ни одна живая душа отсюда не выйдет. Сейчас я сообщу вам маршруты отхода, новые базы и явки. Подготовьтесь к эвакуации.

Мария подошла к Джуре, посмотрела ему в глаза:

— На вас ложится самое трудное — будете вы-

водить людей. Перестрелять десяток баб и изнасиловать деревенских девок и дурак сумеет. А вот скрыться, замести следы — для этого нужна ваша школа, Джура.

Заметив, что тот собирается возражать, Горлинка жестко, решительно сказала:

— Все. Пререкаться запрещаю. Кстати, — повернулась Горлинка к националистам, — никто не должен попасть в руки чекистов: раненых и отставших... словом, сами знаете, как с ними поступать. — Ее рука начертала в воздухе крест. — Все! Командовать операцией будет Розум...

...Остал пристроился за разлапистым кустом. Автомат положил рядом. Памятник панским музыкантам отсюда был виден как на ладони — глыба камней вросла в пригорок. Вокруг никого. Только однажды ему показалось, что треснула ветка под чьим-то чужим шагом. Он потянулся к автомату. Но треск не повторился: видно, почутилось.

Тот, к кому он пришел на связь, не появлялся, хотя по всем расчетам давно уже должен бы быть здесь. «Может, спугнул чем?» — встревожился Остап.

— Ну, долго будем играть в прятки? — неожиданно послышался чей-то веселый голос.

Остап промолчал, только теснее прижался к земле, ощупывая взглядом все вокруг. Ишь ты, спрятался так, что и с собаками не отыщешь.

— Поднимайся, хлопче, я уже час за тобой смотрю. Не иначе, как ко мне пришел.

Остап нехотя встал — автомат в руке. Не понравилось ему, что обвел тот, неизвестный, вокруг

пальца. И тотчас из соседнего кустарника выбрался невысокий хлопчина: рука в кармане куртки, взгляд хотя и дружелюбный, но настороженный.

Обменялись паролями.

— Значит, буря завтра? — переспросил хлопчина.

Остап кивнул: именно это просил передать Розум.

Интересно, откуда он, этот парень? Не местный, точно. Остап узнал бы его. В кармане, ясно, пистолет.

— Дай закурить, — попросил Остап.

Хлопец достал пачку «Шахтерских».

Нет, не местный, такие папиросы здесь не курят, дорогие для селянского кармана. Устроились у памятника, закурили.

— Я пошел, — сказал Остап немного погодя.

— Теперь тебе торопиться некуда, — протянул хлопчина. — Это мне надо спешить. Наверное, здорово погода испортилась, если бурю обещают завтра. Ты ничего не перепутал?

— Нет. Сказал тебе то, что сказали мне.

— Добре. Сейчас куда?

— Туда. — Остап кивнул в сторону леса.

— А-а-а, вот ты из каких, — понимающе ухмыльнулся хлопчина.

— А ты из каких?

— Потом познакомимся. При хорошей погоде. А сейчас — все. Пока! — Хлопец решительно зашагал к селу.

Остап повернулся к лесу. Необычное поручение выполнено. Надо выбираться к своим. Что-то там теперь с Горлинкой?

ПЛЫВУТ ТУМАНЫ НАД ЗЕЛЕНЫМ ГАЕМ

Операция «Гром и пепел» началась успешно.

Как только стемнело, из лесной угрюмой глухомани, из потайных берлог начали пробираться по направлению к Сухой балке группки националистов. Было их немного, но каждый, давно потерявший человеческое обличье, мог причинить людям тяжелое, непоправимое горе, лихую беду. Ударная группа была одета в форму солдат Советской Армии, вооружена советскими автоматами и винтовками. Именно она должна была ворваться в Зеленый Гай и учинить расправу. Задача остальных — оцепить село кольцом, чтобы никто не выбрался живым. «Уничтожить всех» — так требовал приказ.

Не спят бандиты. Еле приметными тропками пробираются они к Сухой балке — тщательно отработаны маршруты, пересекаются они у памятника панским музыкантам — там стоят, прислонившись к холодным каменным плитам, Горлинка и Розум. Внимательно

следят, сколько прибыло «боевиков», все ли направились к Сухой балке. Подошел мрачный Джура. Одет для дальней дороги. Спросил: «Сколько?» Горлинка ответила.

— Мало, очень мало, — обеспокоенно проговорил Джура. — Я думал, нас больше осталось. Повыбивали в облавах...

Очень встревожен Джура. Не нравится ему все это. И темная ночь кажется не очень темной; и кто его знает, что там в селе... И еще не нравится, что вот так внезапно исчез Стась — в его измену не может он, Джура, поверить: много лет Стась огнем утверждает национальную идею — такие, как он, не изменяют. Уходит Джура в темноту, далеко уходит, а потом вдруг сворачивает в сторону, пригибается к земле, ждет...

Не спят и те, кого пригласили на завтра посмотреть «большевистские зверства». Собираются в дорогу, чтобы растащить, оплевать нечистой слюной остатки трагедии, которая должна вот-вот разразиться. Солидный толстый корреспондент солидного толстого буржуазного журнала уже набросал черновик срочного сообщения в редакцию. Останется только подставить местные детали и фамилии: «Ваш корреспондент только что побывал на месте бывшего села Зеленый Гай. Еще дымятся дома украинских фермеров...»

Сухая балка — глубокая впадина с обрывистыми кручами и голыми склонами. Идеальная западня, она ненасытно поглощала всех, кто пробирался в нее по единственной стежке. Собравшиеся здесь «боевики» ждали последнего приказа. Они молча сидели на

земле, не разговаривали, не курили. Запрещено. Изредка тихо звенел металл — магазины автоматов набиты до отказа, патроны в стволах.

— Пора, — хрипловато сказал Розум. — Горлинка, ты отсюда ни шагу. Без тебя справяется...

Ушел Розум; и оттуда, куда он ушел, ровно в 23.00 взлетела в небо ракета. Рыжий мертвенный свет вырвал из темноты балку, серую живую массу, коношащуюся на ее дне.

И тогда услышали бандиты грозную команду:

— Бросай зброю!

Рванулся к выходу из балки белоголовый Василь со шрамом на щеке — треснула автоматная очередь, упал Василь.

Кто-то из проводников попытался поднять своих на прорыв — застучал пулемет, отрезал дорогу.

— Бросай зброю! Из балки выхода нет! — снова крикнули сверху. И словно в подтверждение этих слов опять заработали пулеметы — трассирующие очереди крест-накрест перекрыли темную впадину.

— Сдаемся!

И потянулись к выходу из западни бандиты. Они угрюмо отворачивали щетинистые лица от лучей фонариков, бросали в кучу оружие, покорно поднимали руки. Ошеломленные случившимся, они даже не удивлялись, увидев среди тех, к чьим ногам швыряли автоматы и пистолеты, Розума и его «туповатых» хлопцев.

Националистическое подполье, бандитские шайки в обширном районе были ликвидированы одним ударом. Лейтенант Малеванный, зеленогайские комсомольцы Нечай, Надийка, Степан, другие хлопцы и

девчата из истребительного отряда принимали непосредственное участие в окружении банды.

Пленных заставили построиться в колонну, по бокам ее стали автоматчики.

— Где Джура? — внимательно всматриваясь в лица бандитов, спросил Розум. — Не хватало еще, чтобы этот волк сбежал!

Но Джура не сбежал. Услышав выстрелы, он понял, что националисты попали в ловушку. И сразу догадался, кто ее устроил. Джура бросился к памятнику.

...Мария стояла под стволом автомата, сердцем отсчитывая секунды. Ее лицо ничего не выражало — это неправда, что в трагические, вдруг внезапно наступившие минуты лица человеческие искажаются болью, ненавистью, страхом. Она слишком долго готовилась к этому, все продумала и взвесила, чтобы теперь ее лицо выражало что-нибудь, кроме усталости. А мысль напряженно билась, рвалась, искала выход. Нет, не может быть, чтобы вот так, по-глупому, под самый конец погибнуть!

— Стреляй! — сказала Мария.

Джура поднял автомат. Он усмехнулся и зло проговорил:

— Теперь ты заплатишь за все...

Ее автомат, выбитый внезапным ударом, валялся на земле. Лежит, зарывшись стволом в землю, с почти полным магазином — только одну очередь сделала из него Мария. А если внезапно, в броске, схватить «шмайсер»? Не успеть, Джура стережет каждое движение...

Джура трусит. Глаза у него бегают. Прислуши-

вается к выстрелам; чем реже они, тем больше нервничает бандит, торопится, прикидывает — успеет ли уйти отсюда потайными стежками. Почему он все-таки не стреляет? Ага, все еще сомневается, кто она: Горлинка, Мария Шевчук, Зоряна... Да нет, не сомневается — просто по бандитской привычке хочет покуражиться, привык ведь убивать безнаказанно.

Спокойно... Спокойно... В народе говорят, что самые злые собаки-цепняки не выдерживают человечьего взгляда. Перед нею собака, нет, хуже собаки — существо, утратившее все чувства, кроме двух: жажды убийства и стремления во что бы то ни было спасти шкуру.

— Не-е-е... так просто ты не умрешь... — сказал Джура. — Сперва помучишься, на жердыне покрутиться, хлопцев потешишь, а уж потом...

Бой затихал. У него мог быть только один исход — это знали и Мария и Джура.

— Ну, пошла... — Джура грязно выругался.

Она знала — как только повернется к нему спиной, Джура всадит в нее очередь. Трус, не решается стрелять в лицо — боится взгляда в упор.

Мельнула в чащобе тень. Кто-то неслышно, от дерева к дереву приближался к ним, двоим, на поляне. Бежал неслышным шагом кто-то третий. Свой? Чужой? Марии видно, Джуре — нет, стоит спиной. Девушка вся внутренне собралась, надежда вновь ожила в ней: ведь небо пока над головой, и ветка орешника касается лица. Тот, кто бежал, выскошил на край поляны, метров за двадцать, прижался к стволу дерева, слился с ним, не разглядеть — свой или чужой.

Она видела, как толстый палец лег на спусковой крючок. И тогда властно, как научилась за последние дни пребывания в банде, приказала:

— Стреляй!

И удивилась — очереди она не должна была услышать. Потом сообразила: не она падает на землю — Джура ткнулся лицом в траву, бьется в предсмертной судороге. Тот, третий, а не Джура выполнил ее команду.

К ней бежал Остап Блакытный, на ходу передергивая затвор.

— Мария! На секунду бы опоздал...

— Значит, не отлита для меня еще пуля, Остапе. А так — дякую, — хрюпло сказала Горлинка. Во рту пересохло. Первная дрожь била тело. Мария опустилась на землю.

Остап понял, что с нею происходит, торопливо отстегнул фляжку:

— Выпей, водка...

Поднял «шмайсер», быстро очистил его от земли, протянул Горлинке.

— Посмотрел бы хоть, кого убил... — сказала Мария.

— Некогда. Уходить отсюда надо — наших всех перебили. Торопись, Горлинка!

— Не наших — врагов перебили. — Мария уже успокоилась, поправила одежду, вскинула автомат на плечо. — Чуешь, Остапе? Врагов перебили — и твоих и моих... А торопиться действительно надо! Быстрой, быстрой!

Они пошли по лесной тропинке след в след, как привыкли ходить за последние месяцы. Шли туда,

где недавно свинцовой грозой обрушился на овраг короткий бой.

— Мария!

— Чего тебе?

— Выброшу я этот клятый автомат да махну куда-нибудь подальше — может, отсижуся...

— Испугался? Иди, Остап, к людям — кончилась твоя бандитская жизнь. Начинай новую — так, как совесть тебе подсказывает.

...Советский чекист Розум выступал свидетелем государственного обвинения в судебном процессе над Станичуком и его подручными.

...Остап давно перестал быть Блакитным: и он и его дети носят доставшуюся им от прадедов фамилию — Нечипоруки. Люди простили Остапу бандитское прошлое. Он живет и работает в Зеленом Гае. Долго и безуспешно пытался отыскать Марию Григорьевну Шевчук: она же Зоряна, она же Горлинка. Где она — неизвестно. Снова ли учит детей, или на партийной работе, а может быть, несет тяжелую, гуманную и почетную службу — службу советского чекиста?

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ПОДВИГАМ!

Дорогой читатель!

Книга, которую ты сейчас держишь в руках, — вторая из серии «Честь, отвага, мужество», вышедших в этом году. В первой книге Л. Самойлова и М. Вирты «Игра с тенью» мы открыли молодежный клуб героев «В жизни всегда есть место подвигам!» и познакомили тебя с нашим современником — старшим лейтенантом милиции Николаем Горчаковым. Сегодня мы предлагаем тебе, дорогой читатель, совершил путешествие в героическое прошлое, в осень 1941 года, в дни обороны Москвы...

О комсомольском вожаке, помощнике начальника политотдела 33-й армии Иване Давыдове рассказывает Герой Советского Союза Николай Сергеевич Никольский — автор книги «16 часов» (она вышла в нашей серии в 1966 году).

СТАЛЬНЫЕ НЕРВЫ

...На девятый день войны мы встретились с ним у карты с линией фронта в вестибюле Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Высокий, поджарый, с густой темной шевелюрой, Иван Давыдов, обернувшись, в упор взглянул на меня и коротко сказал:

— Лезут, а хребтину у нас сломают! Это им не Бельгия и не Франция!!.

В тот же день я встретил Давыдова в ректорате, куда он зашел спрятаться: какой ход дан его рапорту с просьбой направить в действующую армию. В то время не было ни одного слушателя, не писавшего таких рапортов, но Иван оказался здесь в числе первых, и не потому, что был секретарем парткома школы. Нет! Я его хорошо знал: делал он это по велению сердца, иначе поступить не мог...

Прошло еще три недели, и первый выпуск ВПШ почти целиком шагал в сторону Белорусского вокзала. Выпускники школы по решению Центрального Комитета партии были переданы Наркомату обороны и направлялись в Кубинку.

Иван Давыдов не задержался на курсах. Вскоре мы с ним рас прощались. Он был назначен помощником начальника политотдела 33-й армии по комсомольской работе. Неторопливый, рассудительный, полный неиссякаемой энергии, он целиком отдался новой работе в армии, состоявшей из дивизий и частей московского народного ополчения. В политотделе его видели редко, все время он проводил в частях.

В грозные ноябрьские дни, когда советские войска сдерживали бронетанковые полчища врага в районе Наро-Фоминска, большая группа вражеских автоматчиков, просочившись через наши боевые порядки, решила атаковать штаб. Противник смял ближайший заслон и устремился вперед. Фашисты были почти уверены, что путь свободен и что вот-вот они обезглавят армию и оставят дивизии без оператив-

ного руководства. Воодушевленные неожиданной удачей гитлеровские офицеры торопили солдат, рвались вперед...

— Слушай мою команду! — громко сказал подспевший Иван Давыдов, обращаясь к бойцам подразделения, охранявшего штаб. — За мной! Быстрее, быстрее! Мы должны уп-ре-е-дить!!!

Автоматчики с трудом поспевали за стремительным и энергичным Давыдовым. Он бежал быстрым, уверенным шагом наперерез атаковавшему врагу. Его план был предельно прост и дерзок: успеть занять небольшую, малоприметную балочку в ста метрах от штаба, встретить врага огнем, обескровить, а затем контратакой покончить с ним.

— Быстрой! Немного еще, товарищи!.. Теперь прижмись. На пули не нарывайся и не отставай! — широко размахивая автоматом, командовал на бегу Давыдов. — Вот и успели. Ложись! Занимай позицию. Без команды не стрелять: подпустим вплотную! Видите, как они жмут...

С шумом, гамом, автоматной трескотней к балочке приближались гитлеровцы. За нею — штаб. «Да, как раз вовремя! Еще минута-другая — и было бы поздно. Четко распорядился командарм!..» — подумал Давыдов, не спуская глаз с приближающейся цепи гитлеровцев.

...Всего четверть часа назад он пришел на командный пункт армии прямо из боя. Шинель в грязи, в нескольких местах пробита, на правой поле вырван здоровенный клок, шапку-ушанку прострелила пуля... Только начал докладывать о выполнении задания полковому комиссару Владимирову, как его

срочно вызвали к командарму, генерал-лейтенанту Ефремову.

— Штаб в опасности. Бегите к правому заслону, вон к тому месту, — указал он на кособокий сарай у дороги. — Берите подразделение — и пулей туда, — перевел он взгляд на группу деревьев. — Там балочка. Зайдите ее и прикройте штаб, пока не подоспест подкрепление. Каждая секунда дорога! — последнюю фразу Давыдов уже услышал на бегу...

А враг уже в ста, девяноста, восьмидесяти метрах... Солдаты начали нервничать.

— Товарищ старший политрук! Командуйте. Совсем же близко...

— Жди! Рано!

Фашисты совсем рядом. Их раз в шесть, а может, и больше, чем людей у Давыдова. Впереди четыре офицера. Бегут резво, оглядываются на солдат, кричат на отстающих. Уже слышен топот ног, а политрук выжидает, не дает команды «Огонь!».

— Товарищ старший политрук!.. — еще тревожнее голоса солдат. — Сомнут же...

— Ждать! Они не видят нас.

В руках гитлеровских офицеров уже блеснули гранаты. Один не выдерживает, готовится сдернуть предохранительное кольцо.

— Товарищ старший политрук!

— При-го-тovиться!..

Фашисты в пятидесяти метрах. Они запыхались, у солдат красные, потные лица. Давыдов видит, как один за другим гитлеровские офицеры берутся за предохранительные кольца гранат. Чувствовалось, что они уверены — цель близка. Короткий удар — и шта-

ба нет... И в это время вместе с длинной, косящей автоматной очередью по балочке прокатилась властная команда Давыдова:

— Огоны!

Самый раз! Первым, кого сразила очередь Давыдова, был длинный, как жердь, офицер. Тот самый, что бежал резвее всех и раньше других взялся за предохранительное кольцо. Сраженный, он не успел даже бросить гранату, и она разорвалась под ним. Иван перенес огонь на цепь, но краем глаза увидел, как брошенная другим фашистом граната стукнулась о землю и запрыгала в его направлении. Она не докатилась. Взорвалась. И на какие-то доли секунды ослепила Ивана. Когда дым рассеялся, Давыдов увидел, как поредевшая в несколько раз вражеская цепь дрогнула. В следующую же секунду гитлеровцы залегли бы. Этого допускать нельзя. Команда Давыдова подняла на ноги солдат!

— За мно-о-ой! За Родину, впе-ре-е-ед!..

И в опешивших фашистов полетели гранаты. Вслед за этим, стреляя на ходу, бойцы рванулись в рукопашную. Такого стремительного натиска гитлеровцы не выдержали и побежали. Через несколько минут с ними было покончено.

...Обнимая и целуя Ивана Давыдова, командарм говорил:

— Молодец, комсомольский вожак! Уверен был в тебе, потому и послал. Молодец, не подвел старого солдата!

И, отойдя от Давыдова, добавил:

— Дело прошлое, признаюсь. Пощекотал нервишки-то... Когда фашисты рядом с балочкой загорлани-

ли, с досадой подумал: «Опоздал, щенок! Молод еще, значит». За выдержку и контратаку особо благодарю: молодчина! Вот лучший и нагляднейший пример мужества для всей армейской комсомолии!

СЕДЬМАЯ АТАКА

Апрель 1942 года. 33-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ефремова третий месяц вела упорные бои в плотном кольце врага в районе Вязьмы.

...Небольшая горница крестьянской избы освещалась крохотной аккумуляторной лампочкой. Из-за стола с развернутой оперативной картой устало поднялся высокий, плотно сложенный человек. Худощавое лицо с резко очерченными линиями и небольшими усами было озабочено. Это командарм Ефремов. Он оторвал взгляд от карты и обернулся к полковому комиссару Владимирову, стоявшему рядом с Давыдовым. Какое-то время молча смотрел на него, затем заговорил:

— Фашисты в листовках вновь извещают нас о своем наступлении. Почти обо всем сказали: времени, месте, силе удара. Умолчали, — командарм сделал паузу, — о направлении главного удара. Но об этом мы и без них знаем!

Его взгляд остановился на лице Давыдова:

— Мне доложили, вы идете в триста тридцать восьмую дивизию?

— Так точно, товарищ командарм.

— На ее правом фланге, на стыке, как раз и наносится главный удар...

— Там, в боевых порядках, встречу врага и я, — вырвалось у Давыдова.

— Лучше проведите работу с коммунистами, комсомольцами и остальным армейским составом, чтобы ни на один шаг не отошли! Повторяю, ни на один шаг!! — Командующий вплотную подошел к Давыдову и закончил: — Передайте в дивизии, Военный Совет армии верит им! Ну, и ни пуха вам, ни пера!

Всю ночь напролет Давыдов, комдив, комиссар, помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу старший политрук Куприянов провели в правофланговом полку. Перед рассветом от артиллеристов — последними, с кем встречались, — Давыдов и Куприянов пришли в траншею, что находилась на стыке двух дивизий. Здесь в небольшой долинке и ожидался главный удар противника.

Начало светать. Солдаты, укрывшись плащ-палатками, крепко спали на дне траншеи. Бодрствовали дежурные. С некоторыми из них Давыдов и Куприянов встречались перед этим на партсобраниях, на совещаниях комсомольского актива. Давыдов задержался у комсорга роты, пулеметчика.

— Ну, как встретим, Панков?

— Встретим, товарищ старший батальонный комиссар! Отведают сегодня по большому счету! — уверенно ответил приземистый Панков.

Пряча в кулаке здоровенную самокрутку, он глубоко затянулся и тут же колечками выпустил дым в сторону позиций противника.

— Поначалу, — продолжал он, — они нам дадут

прикуриТЬ и с воздуха и с земли. — Он повел головой в сторону окопавшихся за бугром фашистских артиллеристов и минометчиков. — Паразиты, еще с вечера пристрелку сделали, — глазами указал на три чернеющие воронки, что были в нескольких метрах от траншеи.

— Без этого не обойтись, — озабоченно протянул Давыдов.

— Все равно, с землей не смешают... Как начнут, я его, голубчика, — ефрейтор похлопал по кожуху «максима», — вот сюда закачу, — указал рукой на приготовленную для пулемета нишу. — А полезут, он враз на месте окажется. В общем не беспокойтесь...

Ефрейтор не договорил. Сверху, из-за леса, донесся ровный гул моторов, а следом за ним обозначились и первые силуэты Ю-87. Самолеты развернулись и пошли в пике, вначале на соседа, затем на траншеею в долинке. На смену Ю-87 прибыли Ю-88. Они разгрузились с горизонтального полета.

Взрывом одной из бомб завалило Панкова. Давыдов помог ему выбраться; только отышался, как следующая бомба засыпала его самого. На помощь прибежал Куприянов, вместе с автоматчиком он раскидал рыхлую землю и вытащил Давыдова наружу.

— Вот приложило... Думал — крышка, — набирая полную грудь воздуха, ругнулся Давыдов. Стоять было трудно, он прижался к траншее, перевел дух.

За бугром ухали батареи. Земля прыгала, тряслась, вокруг рвались десятки снарядов и мин. От разрывов траншея, в которой расположился Давыдов, ходила ходуном. На спину солдатам сыпалась земля,

больно ударяя смерзшимися комьями. Давыдов перешагивал через лежавших, задерживался у наблюдателей — «Смотри лучше!» — и шел дальше. По светлеющим лицам и одобрительным кивкам Давыдов чувствовал: солдаты довольны, что он здесь, с ними.

Фашисты, сосредоточив крупные силы на узком участке нашей обороны, чередуя массированные удары с воздуха с налетами артиллерии, продолжали подготовку прорыва. Ровно в десять пехота противника, поддержанная девятью танками, пошла в атаку. Автоматчиков сразу же прижали к земле, два танка загорелись, два других вертелись с подбитыми гусеницами и только трем удалось перевалить траншею. Но таранить оборону им не пришлось: один замер на траншее, оставшиеся вернулись к своим. Атака была отбита. Через полчаса фашисты снова начали авиационную и артиллерийскую обработку наших позиций.

...Прошло без малого пять часов. Отбиты шесть атак. Около трех, вконец уставший, еще не оправившийся от контузии, с почерневшим от пыли и копоти лицом, Давыдов пожал ослабевшую руку Куприянова — его уносили санитары — и подошел к Панкову. Ефрейтор с забинтованной головой возился у пулемета.

— Что, не раздавило вас с пулеметом?

— Никак нет. Успел спикировать вместе с ним. Вот землицы глотнули как следует. Очищаю... Успеть бы к атаке!

Давыдов рассмеялся, но сразу же посерезнел — фашисты возобновили артобстрел. Он был еще мо-

нее предыдущих. Казалось, на этот участок фронта гитлеровцы снянули всю имеющуюся в их распоряжении артиллерию. Покачиваясь от слабости, Данилов вновь пошел по траншее. Раненых уже отправили в тыл, прислали пополнение. В последней партии было много новичков, и это обстоятельство особенно беспокоило комсомольского вожака. «Наблюдатели — старички. Это хорошо», — облегченно подумал он и тут же залег: дальше траншея оказалась засыпанной целиком, а над головой бушевал огненный смерч. Налет так же неожиданно прекратился. На часах ровно четыре.

— К бою! — раздалась команда.

Давыдов, выдвигая на бруствер автомат, выглянул. На большой скорости к траншее приближалось шесть танков с десантами.

— Гранаты к бою! — донеслась новая команда.

Давыдов, вытаскивая из чехла гранаты, деловито кричал:

— Сначала противопехотной. На танк, на танк старайтесь забросить. Начнут прыгать — шпарь из автомата!

Прошел по траншее еще шагов двадцать, остановился. Гул танковых моторов совсем близко. Выглянул. Один шел прямо на него. Сильно размахнувшись, Давыдов бросил противопехотную, следом — под передок танка — метнул противотанковую и прижался ко дну траншеи. Подряд прогремели два взрыва. Более сильный показался ему на броне. В следующие секунды над головой заскрежетали гусеницы. С какой-то невероятной проворностью Давыдов отполз в сторону, поднялся на ноги, отбежал не-

сколько шагов и, обернувшись, открыл огонь по прыгавшим в траншею фашистам...

Ослабил спусковой крючок в тот момент, когда понял, что перед ним уже никого нет Танк, в который он метнул гранату, стоял с заглохшим мотором позади траншеи. Противотанковая сработала! Прислушался. Впереди, метрах в двенадцати за изгибом, услышал беспорядочную стрельбу, чьи-то крики. Опрометью ринулся туда. Когда подоспел, здесь все уже было кончено. Стояли двое: незнакомый сержант с еще дымившимся стволом автомата и Панков, без шапки, с окровавленной повязкой.

— Порядок, товарищ старший батальонный комиссар! Я же говорил — последнюю отбивали. Седьмую...

* * *

33-я успешно выполняла приказ Военного Совета Западного фронта — прочно сковывала крупную группировку войск противника в районе Вязьмы. Почти три месяца ни днем ни ночью не утихало сражение. В десятых числах апреля поступил приказ прорвать кольцо окружения и соединиться со своими. Тремя днями позже оборона противника была прорвана. А в начале мая, прикрывая с горсткой солдат отход своих товарищей, героически погиб комсомольский вожак 33-й армии Иван Давыдов. Погиб, как Чапаев, простреленный пулеметной очередью врага на середине реки. Человек, чья короткая жизнь была примером отваги, мужества, любви к Родине!

СОДЕРЖАНИЕ

«Иначе ты погибнешь...»	5
Затерялось в лесах село	13
Кому банды выводить под корень?	18
Поклон от Стася	28
Не только вы любите...	37
Сентиментальный бандит	47
И назовем тебя Зоряной	58
Неженка, мамина доця	63
Нечай сомневается	66
Заявление Нечая	70
Что поют в селах?	78
Приказано взять живым	83
Ненадежный союзник :	88
Влада — лесная королевна	94
Глухо шумели деревья	102
Дальность полета пули — три километра	111
Куда доля заведет	116
Клетка для королевны	126
Я — Горлинка	139
По следам Влады	145
Правда Ивана Нечая	150
Среди своих всякие попадаются	155
Влада ищет Нечая	159
Пуля для Горлинки	164

Серьезное предупреждение Малеванного	170
Как выют веревки из непокорных	174
Много видел смертей Остап	181
Курьера Стася	185
Тroe без имен	191
Последний приказ Горлинки	197
Плыут туманы над Зеленым Гаем	204
В жизни всегда есть место подвигам!	211

Константинов Лев Константинович
ОХОТА НА ГОРЛИНКУ, М., «Мол. гвардия».

1967.
224 с., («Честь, отвага, мужество») P2

Редактор Г. Еремин

Оформление художника Н. Михайлова

Рис. на обложке А. Бабановского

Художественный редактор Г. Позин

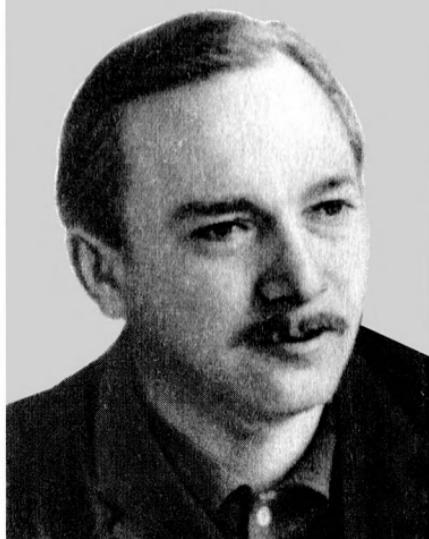
Технический редактор В. Майоров

Сдано в набор 16/VI 1967 г. Подписано к печати 26/X 1967 г. А14127. Формат 70×108^{1/2}.
Бумага типографская № 3. Печ. л. 7 (усл. 9,8).
Уч.-изд. л. 6,9. Тир. 100 000 экз. Цена 20 коп.
Т. П. 1967 г., № 210. Зак. 1133.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

*

20 коп.

Лев Константинов (Л. Корнешов) удачно сочетает комсомольскую работу с журналистикой. Основные темы его творчества — мужество молодых, героические традиции комсомольцев разных поколений, готовность к подвигу. Молодой читатель знаком с такими книгами автора, как «Смотрю людям в глаза», «О чести смолоду, первой любви и ста почему», и другими. Они написаны после командировок по стране, многих встреч, бесед, затрагивающих актуальные проблемы, волнующие юношество. Не изменяет автор этой традиции и в своей новой книге, повести «Охота на Горлинку», которую издательство «Молодая гвардия» представляет читателям. В серии «Честь, отвага, мужество» Л. Константинов печатается впервые...

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ